

ПУТЬ

Евгений Рякин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Рякин

Путь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57209810

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодой преподаватель, специалист по работе головного мозга, попадает в неожиданный для себя переплёт. Пытаясь выбраться, он принимает сложные решения, которые кардинально меняют судьбу, а его самого заставляют задуматься о том, что же влияет на жизнь – выбор или случайность? Каждый новый шаг всё сильнее закручивает сюжетную линию, всё более сложные вопросы встают перед ним: в чем смысл жизни? что такое любовь? как найти себя? Ответы на них приходят не сами по себе – их дают люди, которые становятся друзьями и врагами, любящими и ненавидящими его. Вместе с ними он пройдёт по извилистой дороге, шаг за шагом складывающейся в путь... Книга будет интересна широкому кругу читателей, которые интересуются тем, как работает мозг, но в то же время уважающих авантурные приключения, любовную лирику, зубодробительные боевики, детективные головоломки и криминальные романы. Что ж, довольно слов. В путь.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Зона номер один	4
Перелом	56
Сказка	125
Туман	215
Дом	281
Конец ознакомительного фрагмента.	359

Евгений Рякин

Путь

Зона номер один

У всего есть начало. Мудрые люди говорят, что книга начинается с первых слов, а путь – с первого шага. Но для того чтобы зафиксировать исходную точку, нужно, прежде всего, определить, где будет конечная. Это важно, поскольку только понимание начала и конца даёт в результате путь. Он может быть верным и ошибочным, он предсказывается и предвидится, он прям и извилист, он ясен и туманен одновременно. Самое сложное в нём – просто определить, в какую сторону двигаться. Ведь пойти куда-то не тяжело, а вот выбрать направление...

Хорошо, когда видишь свой путь ясным взором. Куда идёшь – туда и придёшь, в конце концов. А если без понятия? Как тогда сделать правильный выбор? Ведь в этом случае встаёшь перед сложной дилеммой, причём со смутным прогнозом. Что там, впереди, неясно брезжит в тумане вариантов? Не видно. Не понятно. Да ещё мозг старается избежать любой неопределённости, поэтому, вместо того чтобы принять решение, откладываешь его на потом. Или делаешь неосознанный выбор под влиянием чужих советов или

собственных эмоций, не понимая, что тем самым меняешь свою судьбу.

И так, шаг за шагом складывается путь. А что такое жизненный путь, как не череда извилистых поворотов? Дороги, которые нас куда-то приводят, всегда начинаются с перекрёстков, на которых мы решаем, куда идти. Хотя, чаще всего эти повороты незаметны, а выбор – неочевиден. Да ещё случай может сыграть в свою игру без правил и логики.

Острые камни судьбы чаще всего попадают под ноги тех, кто идёт, не ведая пути. Только, вроде бы, исчерпается неприятный инцидент, как следом произойдёт какой-нибудь казус, а за ним последует несчастный случай – и так всю жизнь. Да, дорога к понятной цели тоже, порой, сложна и полна неожиданных событий, но шагать по ней легче, и случайности чаще приходят на помощь. «Удача сопутствует смелым», – говаривал Александр, сын Филиппа, а этот парень точно знал, куда идти.

Выбор влияет на случай, как, впрочем, и наоборот. Переплетаясь друг с другом, они ткут нити судьбы, которые и складываются в жизненный путь. Фатум или фортуна, жребий или расчёт? Поколения людей размышляли на эту тему, философы сточили зубы в бестолковых спорах, но так ни к чему и не пришли.

А не нужно далеко ходить, ведь можно сразу закрыть эту книгу и на примере собственной жизни попытаться разобраться во всех этих вопросах – так-то оно будет быстрее.

Впрочем, есть другая возможность: посмотреть на путь другого человека, ведь со стороны-то видней.

Месяц назад, в семь часов утра Алекс вздрогнул от громких сигналов в ушах: он забыл на ночь выключить коннект. Его глубокий сон потревожила незнакомая девушка с резким голосом. Представившись Мариной, организатором известной научно-популярной конференции «Две двойки», она сообщила, что у них заболел один из докладчиков. Тема его выступления «Современный взгляд на мир». Они начали срочно подыскивать замену и обратились в ректорат Ахейского лицея. Там ответили, что эта тема может быть интересна именно ему, то есть Александру Церебрауму.

«Церебрауну!» – крутанул желваками невыспавшийся Алекс, подумав о том, какой же это дурак дал его айдишник. Девушка, не обратив внимания на недружелюбный тон своего собеседника, деловито продолжала убеждать его приехать и подменить заболевшего, утверждая, что на конференции будет пять, а то и семь тысяч зрителей. Александр, как услышал эти числительные, сразу ответил «нет». Ну, потому что нет! Да не собирается он никуда ехать доклады докладывать, у него работы много. Да пофиг ему, что у них под угрозой целый акт! Да, наплевать на их проблемы – он то тут при чём, девушка?!

Но настырная деваха упрашивала, убеждала и, наконец, уговорила внести его фамилию в список, но с оговоркой «не точно, скорее всего – нет». Он еле согласился на такое условие, подумав, что сто процентов откажется, если позвонят в другой раз. Положил трубку, сматерился, уснул, и на утро забыл о произошедшем. Это было в прошлом месяце.

А несколько дней назад его попросили прочитать лекцию в небольшой школе соседнего полиса, в Аквилее, чтобы рассказать ученикам о том, как далеко продвинулась нейрология после Великого Потопа. Он, как обычно, согласился, хотя рассказывать по этой теме было особо нечего: во время Второй волны погибло большинство научных центров, всё ржавело на дне морском, первые годы же вообще плохо было с наукой – не до неё, людей бы спасти и расселить. Это потом уже стали отправлять подводные экспедиции, поднимать технику, оборудование, восстанавливать данные. Но самая главная проблема заключалась в том, что светлые головы великих учёных давно обглодали рыбы.

Алекс, как преподаватель ликея, проводил уроки для учеников схол. Как правило, на такие факультативные занятия собиралось несколько детей, интересующихся темой курса. Он рассказывал им про устройство мозга, объяснял нейронные процессы, показывал опыты. У него это неплохо получалось: двое из его учеников уже трудились на полставки младшими лаборантами у них в ликее.

Именно оттуда он вчера притопал навеселе и в благо-

душном настроении. На стихийном пятничном корпоративе медработников и преподавателей они с мужиками распилили на пятерых литр спирта на кедровых орешках. После этого дружище Юджин предложил продолжить вечер в кабаке, и товарищи рассыпались по домам, чтобы помыться да принарядиться. Жили они в одной филе, не очень далеко друг от друга, работали вместе, поэтому давно сдружились и частенько коротали хмельные вечера. Так и сегодня, договорившись встретиться через час, не прощаясь, друзья ненадолго разбежались в разные стороны. Они даже и не догадывались, что на этот раз их пути разойдутся навсегда.

Алекс лёгкой походкой летел домой, радуясь всему вокруг: тёплый апрельский день сиял солнцем, ранней зеленою шелестели деревья, на душе было настолько хорошо, что его просто переполняло залихватское настроение куда-нибудь пойти и что-нибудь этакое сделать. Решив исполнить своё желание как можно скорее, он потратил на душ и переодевание максимум пять минут.

Только переступил порог – звонок: «Вы подтверждаете участие?» – спросил женский голос. «О, какой пафос нынче в схолах», – пьяненько хихикнул он, но всё же торжественно пообещал быть и записал на листке адрес и дату. Затем, посетив клозет, Алек спустился вниз, встретившись с Юджем; друзья отправились на поиски приключений, однако вместо них, как это частенько бывает, нашли лишь бутылку крепкого алкоголя.

Вернулся домой он поздно, сильно под хмельком, и настолько уставшим, что уснул, даже не раздеваясь. Только на следующее хмурое утро, проснувшись часов в пять, чтобы сгонять в туалет, молодой человек заметил бумажку, наклеенную над зеркалом. Ещё туго соображая с похмелья, он начал вчитываться, вспоминать, чесать лоб, приглаживать лохматые волосы и медленно осознавать, что ехать на лекцию нужно сегодня. Причём, прямо сейчас.

Несколько раз сверив дату на бумажке с календарём, он, закатив глаза, выдавил из себя глухой стон. Ехать не моглось – хотелось только отлить, попить и уснуть. Нет, ну, куда он в таком виде? Ничего страшного не случится, если он один раз не сможет.

«Ты ведь обещал, тебя ведь дети ждут, – сурово прервал Александр сам себя, – что ты как малака, честное слово! По дороге до Аквилеи можно проспаться, в конце концов! Наверное. Или всё же остаться?»

Алекс поднял глаза, посмотрел на своё мутное отражение в зеркале, принял решение, промычал что-то жалостливое, в темпе вальса сходил в холодный душ, съел горячий суп и выпил крепкий кофе. По-быстрому приведя себя в какое-то подобие порядка, он мухой вылетел из квартиры, жужжа под нос ругательства. Добравшись на первом электробусе до Ахейского узла, Алекс вздохнул с облегчением – успел; судя по табло, маг* (маглев) должен был прийти через две минуты.

И правда, вскоре он уже входил в просторный полупустой пульман* (вагон), где сразу занял свободное кресло для сна, которое широко и удобно раскладывалось. Алекс плюхнулся в него, мгновенно расслабился, чувствуя себя ещё немного пьяным, хотя голова, что удивительно, не болела. Вскоре маг тронулся, привычно зашумел ветер, и вскоре они влетели в тубус дюкера* (закрытую скоростную магистраль); тут же в салоне включился приглушённый свет, Алекс зевнул и закрыл глаза, решив выспаться за полтора часа пути до Аквилеи. Сон поначалу не шёл: какая-то тревога терзала воспалённый мозг. Он немного поворочался, но вскоре всё же окунулся в объятия Морфея.

Через какое-то время он, вздрогнув, проснулся от того, что его будила услужливая улыбающаяся девушка-стюард. Потянувшись, зевнув и поблагодарив стюардессу, он послал ей воздушный поцелуй, и ступил на залитый солнцем вокзал Аквилеи. Сон пошёл на пользу. Алекс глубоко и удовлетворённо вздохнул, улыбнулся новому дню и деловито пошагал по площади «Стационе ди Аквилейя», как было написано русским языком на знакомой синей табличке.

Он любил этот полис с самого детства. В юности они с друзьями частенько ездили за восемьсот километров из ещё строящейся Ахеи в уже цветущую Аквилею и гуляли по ней до утра. Обрато возвращались домой на шестичасовом поезде и пили пиво в тамбурах, и курили дурман-траву, и пели песни под гитару. Здорово было! Потом он пару лет учился

здесь в высшем ликее, жил в студенческой общаге и веселился, как мог. Но это раньше.

А нынче он с удовольствием шёл по цветущим бульварам, попутно ощущая, что от чистого воздуха трезвеет с каждым шагом. Полис шумел, кафе работали, туристы щёлкали фотоаппаратами на фоне знаменитых аквилейских каналов, проложенных между озёрами. Всё, как всегда. И только подходя к остановке «бесшумки», начав набирать на табло пункт назначения, он вчитался в адрес на бумажке: Сан Поло, 112. Ну, очень знакомый адрес. Очень. Это, это... «Малака* (блин), это же «Зона номер один»!», – хлопнул он себя по голове.

«Зоной номер один» называлось огромное убежище на южном склоне Голубой горы – протяжённого горного массива, возвышавшегося над Аквилеей. Во время Великого Потопа там, на скорую руку, выстроили бункер с гигантскими помещениями внутри, где можно было проводить правительственные заседания. Там были и римские аудитории, и конференц-залы, и даже греческий амфитеатр, который позже воздвигли прямо на открытом воздухе, в ложбине. Потом, когда стало ясно, что вода больше подниматься не будет, базу законсервировали.

А несколько лет назад местные власти решили подстроить её под Аквилейский информационный центр. Аудитории стали предоставлять для проведения различных общественных мероприятий, будь то концерт или какие-то народные

обсуждения. Так уж повелось, что с тех пор, два раза в год: в середине апреля, когда наступали первые тёплые деньки, как сейчас, и в середине октября, в бабье лето – здесь проводилась научно-популярная конференция «Две двойки» (что символизировало грядущее вступление в XXII век).

«Две двойки», – малака!», – сплюнул себе под ноги Алекс. Ведь это же отсюда звонили ему в прошлый раз. Неожиданно, прервав его мысли, бесшумно открылись все восемь дверей лифта, и вместе с людьми с остановки он плавно спустился внутрь вагона. Кстати, именно за бесшумные лифты Аквилейский подземный монорельсовый трамвай и называли «бесшумкой». Словно на автопилоте, Александр шагнул в вагон, сел на свободное место, закинул ногу на ногу и стал обдумывать ситуацию.

Во-первых, выходит, скорее всего, сейчас он едет не в школу, а, наверное, в «Зону номер один», где, вместо того чтобы рассказывать детишкам о мозге, он будет выступать, малака, на проклятой конференции и не перед парой-тройкой человек, а хрен его разберёшь перед сколькими тысячами взрослых образованных людей.

Во-вторых, он не помнит тему, он не готов к выступлению, а это позор и конец света. Единственным разумным выходом остаётся подойти к организаторам и всё честно объяснить. Или хотя бы попросить перенести его на самый конец конференции и за это время что-то по-быстрому придумать. Или застрелиться. Последнее – самый верный вариант.

«Хотя, может быть, это мероприятие всё же проводит scola? – вдруг забрезжила надежда, – А что? Просто в аудиториях внутри бункера, почему бы и нет? Ведь может такое быть?», – подумал он, и тут раздался голос свыше из динамиков в потолке вагона: «Зона номер один».

Надеясь на чудо и облизывая пересохшие губы, Алекс поднялся наверх, вышел из лифта «бесшумки» и с колотящимся сердцем двинулся вверх по красивой улочке прямо к подножию отвесной скалы, где находились большие красные ворота в форме арки с прорезанной в них дверью. Но как только он прошёл сквозь них в здание «Зоны номер один», то сразу увидел большой светящийся баннер: «Две двойки – главные темы нового века». И уж конечно надежда рассыпалась в прах, когда к нему моментально подбежала невысокая девушка с логотипом «22» на блузке:

– Вы – Александр Церебраум?

– Церебраун, – по привычке поправил он.

– Да, да, Церебраун. Меня зовут Марина, я один из организаторов конференции. Вот. Ваше выступление через пятнадцать минут. Вы чуть не опоздали! – выпалила она и стремглав полетела вверх по лестнице, энергично приглашая рукой следовать за ней. – Вам срочно нужно идти к сцене, вы в конце первого акта выступаете.

– Но я... я не готов, подождите! – неуверенно проблеял Алекс, прыгая за ней по ступенькам.

– Как это не готовы? – легкомысленно удивилась она, без-

думно открывая дверь в широкий коридор и бешено цокая по полу лёгкими каблучками.

– Меня только вчера предупредили, я же не давал согласия, мне звонили, но это было давно, – лепетал и оправдывался он, догоняя её.

Девушка почти не слушала Алекса, спеша доставить его до места назначения, поэтому ему пришлось повысить голос:

– Вы поймите, я даже тему выступления не знаю!

Тут до девушки словно дошёл смысл его слов. Она внезапно остановилась, приоткрыла рот, медленно поднесла руку ко рту и округлила глаза.

– Как не знаете? Как это – не знаете?! Вы что, вообще не готовы?! – недоверчиво повернув к нему ушко, произнесла она.

– Совершенно, – отрезал Алекс.

Они безмолвно смотрели друг на друга.

– Это пиндец! Полный пиндец! – наконец выдохнула девушка, растопырив пальцы. – Простите, пожалуйста, за слово полный, но у нас некому вместо вас, понимаете, некому? Вы вообще способны отразить, что сейчас получится? Или вы об этом тоже не подумали! – истерично осклабилась она, и тут же стремглав куда-то побежала, потребовав от него оставаться на месте.

Александр остался стоять в одиночестве посреди длиннющего коридора без единого стула или скамейки. Он огляделся – вокруг никого не было, возле одной из стен приткну-

лось ведро, невидимо осыпалась штукатурка, а в нескольких десятках метров от него, из-за широкой, чуть приоткрытой двери, слышалась чья-то звонкая женская речь. Алекс постоял немного, оглянулся, пожал плечами, сначала просунул голову, а потом и вовсе вошёл внутрь, попав в огромный полутёмный зал, заставленный всякой всячиной. Прямо перед ним открывалась изнанка сцены с тяжёлым бордовым занавесом, он робко продвинулся чуть вперёд и увидел кусочек зала. Это был открытый амфитеатр, вид сзади. Прямо сейчас на сцене выступала женщина в синем брючном костюме и высокой причёской. Оказывается, Александр попал за кулисы, и теперь находился всего в нескольких метрах от того места, где он меньше всего хотел оказаться.

Только он развернулся, чтобы дать дёру, как внезапно, не торопясь, к нему подошёл щеголеватый молодой человек с платочком в кармане и бабочкой на шее. У него были тонкие усики и немного выступающая вперёд челюсть, что делало его похожим на старинного актёра Марлона Брандо.

Незнакомец пристально поглядел на Алекса, чуть приподнял руку и спросил:

– Вы выступать?

Алекс ответил неуверенным полуутвердительным кивком и проямлил

– Вроде бы... сказали, что через пятнадцать минут, но я....

– Ну что ж, добро пожаловать в первый акт! – прервал

Александра собеседник. – Он короткий: всего четыре выступающих. Эта женщина уже третья, значит, скоро ваша очередь. Меня зовут Принцепс, я буду во втором акте рассказывать о случайностях, которые приводят к войнам. А вы о чём?

Он говорил чрезвычайно громко, но вообще без нот эмоций, какими-то тусклыми словами и практически без мимики. «Наверное, инсульт был в лобных долях правого полушария, или нарушена взаимосвязь между эмоциональной и речевой зоной», – профессионально подметил Александр, но вслух сказал совсем другое:

– Ясно. А меня зовут Александр Церебраун, и я пока сам не знаю, о чём буду говорить.

Щёголь фальшиво натянуто улыбнулся, явно не веря такому признанию. Воцарилось молчание. Судорожно обдумывая, чем заполнить возникшую пустоту, Александр произнёс:

– У вас очень необычное имя. Принцепс? Так вы сказали?

– Да, Принцепс. Принцепс Гаврилов, – заговорил усатый, явно польщённый вниманием к своей персоне и подал руку. – При рождении у меня было другое имя, конечно. Простое я был первым ребёнком в семье, поэтому мой отец называл меня «принципом», а мать – «принцем». Это были прозвища, но они мне очень нравились, поэтому, когда я вырос, то решил официально сменить своё имя. Тогда я пошёл в муниципалитет и подал заявление. Сначала меня пытались

отговорить, но я знал, что это официальная процедура, поэтому я её отклонил. Я сказал специалисту, что мне уже двадцать один год, я прошёл обследование, стал совершеннолетним и поэтому хочу носить имя «Принцип», но он...

Слушать Принцепса было решительно невозможно. В отсутствии интонации его бубнёж наводил скуку с первых же секунд, и Александр пожалел будущих слушателей этого щеголеватого Принципа. Речь была настолько ровной, что в ней не за что было даже зацепиться. То, что мама звала его «принцем» звучало так же серо, как и его рассказ о бюрократических проволочках. Алекс попытался было его прервать, но тот решительно отказывался закругляться, выдавая всё новые и новые занудные подробности. Пришлось Александру пойти в контратаку и поинтересоваться, а не путает ли иногда уважаемый Принцип мужскую и женскую речь?

В ответ щёголь недоумённо нахмурил брови, откашлялся, пожевал губами и отошёл к небольшому столику у входа, где стояли бутылочки с водой. Взяв одну из них, Принцепс принялся пить, косясь на Алекса, а тот – напряжённо думать, что же делать в сложившейся ситуации. В голову ничего путного не приходило, кроме желания слинять отсюда как можно скорее. Останавливали две вещи: первая – это то, что организаторы знали его имя и могли разнести по достаточно узкому кругу преподавателей некрасивую историю, как он, Александр Церебраун, магистр нейрологии Ахейского лицея, позорно сбежал с конференции. Конечно, он бы

смог всё объяснить, но осадочек бы остался, как говорится. Вторая – этот, гамота его за ногу, Принцип, куда он уйдёт, когда за его действиями безотрывно наблюдают?

– Так, надо собраться, – подбодрил себя Александр. Сначала он попытался вспомнить хоть что-то – хотя бы о тему выступления. Но ничего не выходило. Тогда Алекс попытался абстрагироваться, чтобы найти внезапное решение в посторонних мыслях, но вместо этого в голову лезла, перетекая из одного в другое, какая-то чушь о рыбалке, Наташке, работе и нейрофизиологии...

*

Наш мозг не хочет лишний раз напрягаться, но это не потому, что он ленив, просто каждое усилие стоит ему энергетических трат. В обычном состоянии головной мозг потребляет двадцать процентов энергии, получаемой им из пищи, а при повышении активности энергопотребление возрастает ещё сильнее. Что-что, а мозг в любой ситуации будет получать максимум глюкозы, даже если от этого будут страдать все остальные части тела. В нашей голове на протяжении всей жизни не перестают трудиться десятки отделов, отвечающих за дыхание и кровообращение, зрение и слух, метаболизм и ориентацию в пространстве. Чтобы получить необходимые для этого калории, человеку, да и любому другому существу на планете, необходимо что-то есть, а для это-

го нужно выйти на охоту или дойти до магазина, но на это тоже тратится энергия. Поэтому мозгу выгоднее меньше напрягаться, чтобы использовать свои ресурсы как можно экономней.

По этой причине мы так любим понятные алгоритмы: если нажал на жёлтую кнопку и получил банан, а от прикосновения к синей ударило током, то, значит, на жёлтую нужно нажимать чаще, а синюю вообще не трогать. Это нужно всего лишь запомнить, так проще и экономней, чем обдумывать каждый раз по-новому, ведь если какой-либо результат имеет значение для организма, то на создание связей между сотнями и тысячами нейронов, составляющих знание об этом результате, затрачивается энергия. Когда информация долгое время остаётся невостребованной, то мозг перестаёт тратить на сохранение связей драгоценные калории. И мы забываем. Это принцип работы памяти.

Итак, на поддержание связей нужна энергия, поэтому только важная для нас информация остаётся в долговременной памяти, а всё ненужное вскоре навсегда стирается из кратковременной.

Каждый раз, сталкиваясь с незнакомой ситуацией, мы затрачиваем значительное количество калорий на её продумывание и прогнозирование. То есть, принимая решение, серьёзно напрягаем мозг, которому не очень-то это и нравится. Однако он не виноват – это просто экономия ресурсов. Именно поэтому мы так не любим неожиданные обстоятель-

ства, когда приходится что-то внезапно решать, просто потому, что в эти минуты энергозатраты вырастают на треть, как минимум. Самое бестолковое расходование драгоценной энергии с точки зрения мозга.

Ирония судьбы заключается в том, что мозг развивается только тогда, когда напрягается. В противном случае он начинает понемногу деградировать, что особенно это заметно у некоторых пожилых людей, ибо неиспользуемые связи разрушаются. Кстати, старческая деменция берет своё начало в среднем возрасте, а Александр Церебраун, между тем, в нём и находился.

Уже много лет подряд он работал в Ахейском лицее преподавателем нейро-дисциплин. Никакого движения вперёд, никаких открытий, о которых он мечтал в юности. Каждый день похож на предыдущий. Съедает рутину: день за днём он читает теорию, изредка практикует, после работы всё чаще выпивает, по выходным ездит с Наташкой из коллектива к ней на дачу, жарит, чаще её, но, бывает, и шашлыки.

– Эх, сейчас бы к Натахе, в баньке попариться, мяса поесть, – подумал он. – Вечером на речку сходить, пожечь костёр, покупаться голышом, а утром, ещё в туман, сбегать порыбачить одному, в тишину. Вот туда бы, а не это вот всё!

Снова очутившись в реальности, Алекс задумчиво сжал губы: да что тут размышлять? Валить ему надо к чёртовой бабушке из этой богадельни, никаких документов он не подписывал, никому, вроде бы, ничего не должен?! Да и жрать

захотелось, просто сил нет никаких. Может, типа, в столовую уйти и опоздать потом?

– Скоро ваш выход, – внезапно громко прервал его размышления вновь подошедший Принцип и протянул маленькую бутылку. – Вот вода, вдруг в горле пересохнет. Вы готовы?

– Всегда готов! – повторил он любимую фразу отца, попытавшись пошутить.

– Хорошо, хорошо, – не понял шутку молодой человек и снова замолчал.

Вернуться к своим отступническим размышлениям у Алекса не получилось, поэтому он начал вслушиваться в то, о чём говорила женщина, которая сейчас выступала на сцене. Он стоял сбоку, за кулисами и хорошо видел её резкий профиль. На вид ей было лет сорок пять-пятьдесят. Она очень оживлённо жестикулировала и звонким голосом рассказывала вроде бы интересные вещи, по крайней мере, весь зал не сводил с неё глаз.

– И вот, мы решили смыть этот позор интересным экспериментом, – вдохновенно вещала она. – Мы приехали в лагерь, где содержали самых яростных националистов. Их выстроили на плацу перед нами – угрюмых, в серых тюремных одеждах. Страшноватое впечатление, знаете ли. Поставили большой монитор, и повернули его к ним, чтобы каждый мог видеть свой результат. Мы брали у них пробу слюны, тут же помещали её в секвенатор Щелудкова, и уже че-

рез несколько секунд он давал полную генетическую карту человека. Конечно, нас интересовали гаплогруппы, точнее сказать, принадлежность каждого к национальности. И вот оказалось, что самый главный у них – вы не поверите – наполовину семит. А он думал, что чистокровный скандинав. И знаете, это повлияло на них. Произошла переоценка ценностей. Хоть, к сожалению, и не у всех. И не так, как нам этого хотелось.

Она чуть сбилась, но продолжила.

– Дальше мы стали приезжать в разные полисы Союза и массово брать у их жителей анализ ДНК; благо, что сейчас это быстро и дёшево. Кстати, грант на исследования мы получили благодаря дожу Аквилеи сеньору Микеле Морозини, он здесь, спасибо ему огромное!

Женщина повернулась куда-то в зал и захлопала, а в зале громко подхватили. Выступающая дождалась, когда шум стихнет, и вновь продолжила:

– Мы брали пробы и у вас в Аквилее, и в Ганзе, и в Ахее и в других полисах. Но самое главное, что за год мы проехали всё северное Фракийское побережье, и везде проводили исследования. А через некоторое время выкатили тот самый портал «ДНК-регистратор», который многие из вас знают. Для тех, кто, возможно, не слышал об этом, поясню особо. Система работает очень просто: сначала сдаётся проба слюны, которая обрабатывается, и данные заносятся в общую базу, через некоторое время система выводит резуль-

тат расшифровки ДНК и показывает ближайших родственников, Те, кто использовал это приложение, бывало, полностью меняли свою жизнь. Эти люди вдруг осознавали, что они не англичане, к примеру, а наполовину галлы, на четверть скандинавы и на оставшуюся четверть имели общую ДНК с жителями Нижней Саксонии. И вот тогда у человека происходила переоценка, он выходил на улицу и понимал, что нет никаких национальностей, есть всеобщее, всепланетное братство.

Конечно, нашу систему тут же стали критиковать, но крупнейшие научные сообщества неоднократно проверяли алгоритмы и выносили вердикт: всё верно. И вскоре скептики затихли. Да, и как вы помните, именно благодаря «ДНК-регистратору» тогда снизилась напряжённость в возрождавшихся союзных полисах. Кто, кстати, проходил ДНК-перепись? О! – обрадовалась женщина множеству поднятых рук. – Я очень рада! Вы тоже ощутили в себе корни десятков народов? – спросила она громче. – Вам повезло, друзья, ведь вы испытали это счастье знать, что за вашими спинами сотни и сотни поколений; понимать, что вы находитесь прямо на переднем крае восхитительного процесса эволюции, объединяющего народы, виды и царства...

Она вскинула вверх обе руки, наклонила голову и триумфально закончила выступление. Раздался шквал аплодисментов. Слово сразу же взял конференсье в костюме с бабочкой:

– Спасибо большое госпоже Розе Франк за столь интересное и поучительное выступление, за её тяжёлую работу по снижению межнациональных конфликтов, за вклад в развитие науки о ДНК! Спасибо вам, Розе, за это! А теперь, дамы и господа, прошу. Три традиционных вопроса из зала. О, да у вас будет нелёгкий выбор, – усмехнулся он.

Александр заметил, как только в той части зала, которую он мог видеть со своего места, взметнулось с десятков рук.

– Вот тот молодой человек был первым, – показала Роза куда-то в зал. – Давайте ваш вопрос.

Через несколько секунд в зале раздался сухой мужской голос.

– Здравствуйте, госпожа Франк. У меня, как бы, короткий вопрос. Вот вы рассказывали, что проводили эксперимент в колонии, где держат, как бы сказать, националистов. Всё замечательно, конечно.

Он неестественно покашлял.

– Но почему-то вы не упомянули, что после вашего исследования, там, как бы сказать, произошёл бунт. Заключение быстро поделились по, как вы говорите, гаплогруппам и стали друг друга убивать. Произошёл бунт, настоящий бунт. А главарю, о котором вы упомянули, насколько мне известно, отрезали голову струной. Почему-то об этом вы решили, как бы, не рассказывать.

А вопрос у меня такой – не кажется ли вам, что вы, как бы сказать, лично несёте ответственность за смерть тех де-

сятков людей? Вы сейчас стоите, улыбаетесь, а моего старшего брата зарезали в том месте, в той колонии. И он не был заключённым, он был охранником, который, как бы, просто оказался не в то время и не в том месте. Если бы не вы, то он был бы, как бы сказать, жив. А сейчас его нет, и больше никогда не будет.

Голос говорящего задрожал:

– Скажите мне, чувствуете ли вы себя виноватой в их гибели? Не стыдно ли вам улыбаться, когда ваши руки в крови?

Он закончил. В воздухе повисла звенящая тишина. Было видно, как Роза молча смотрела куда-то в зал. Лицо конференсье выражало удивление и оторопь. Он в упор, поджав губы, поглядел на женщину – та стояла не шелохнувшись, крепко сжав зубы. Молчание затягивалось. Секунды текли медленно, очень медленно. Где-то в зале скрипнуло кресло. Александр чувствовал, как и его сердце бешено заколотилось. «А как тогда приходится ей, под тяжестью тысяч взглядов?», – подумалось ему.

И тут, вместо ответа на вопрос, Роза резко повернулась и твёрдой походкой, чеканя шаг, в пугающей тишине устремилась за кулисы. Пройдя мимо Александра и его неэмоционального спутника, она негромко произнесла: «Не в это время и не в этом месте» – и, глядя куда-то перед собой, направилась к выходу.

На сцене заиграла музыка, конференсье что-то успокаивающе заговорил в микрофон, по всей видимости, успокаива-

вая публику и подготавливая её к следующему докладчику.

– Что же, дамы и господа. Предлагаю почтить память павших и продолжать дальше. А нашим следующим гостем будет Александр Церебраун, с животрепещущей темой «Современный взгляд на жизнь», – говорил он, размахивая левой рукой. – Всего через пару минут, оставайтесь с нами.

– Современный взгляд на жизнь! – взорвалось у Александра в голове. – Что мне говорить то им?! Где эта баба?! Куда она, малака, запропастилась? Наверно, надо валить отсюда, пока...

– Приготовьтесь, через пару минут ваше выступление, – громким бесцветным голосом опять прервал его мысли молодой человек. – Сейчас музыканты проиграют, и ваш выход, последний в первом акте. Через сорок минут всё закончится, потом вопросы, часовой антракт и затем второй акт.

– Сколько, говорите, длится выступление? – переспросил его Александр.

– Тридцать минут выступление и десять минут ответы на вопросы обычно, – безэмоционально произнёс Принцип. – Итого сорок. А вы разве этого не знали?

– Знал, знал, конечно, – потёр виски Алекс, – это я так разгружаюсь перед выступлением, пытаюсь шутить. То есть, это примерно как урок младшем в ликее?

В памяти зашевелились какие-то неясные воспоминания, он задумчиво потеревбил пуговицу и повторил.

– Урок. Обычный урок.

– Впрочем, иногда ответы на три вопроса занимают больше десяти минут, иногда меньше, когда... – продолжал Принцип.

– Извините, – раздражённо прервал его монолог Алекс, намекая, что тому пора бы заткнуться.

– За что? – по-видимому, с распознаванием интонаций у Принципа, действительно, было туго. – За что извинить?

– А можно мне одному побыть, мысли в кучу собрать? – как можно спокойнее ответил ему вопросом на вопрос Алекс.

– Да, да, конечно, а почему вы спрашиваете? – округлил глаза Принцип, но тут же добавил: – А, я понял, я понял, простите.

И щеголеватый молодой человек подчёркнуто вежливо отошёл шагов на десять.

Попытавшись быстро взять себя в руки, Алекс сделал три быстрых глубоких вдоха и мысленно сосредоточился на своих эмоциях. Волновался ли он? Можно сказать, что эта была одна из самых сильных реакций его организма на стрессовую ситуацию за всю жизнь. Он подумал, что это страшнее, чем первый раз в постели с незнакомой девушкой, чем драка один против трёх, чем выбор жизненного пути.

Алекс понимал, что в эти секунды испытывает сильнейший стресс. Он знал, что мозгу сложно спрогнозировать развитие ситуации в условиях полной непредсказуемости, и от этого он чувствует себя очень некомфортно. Ему приходится

обрабатывать больше информации и принимать решения чаще. Гипоталамус через цепь маленьких, но очень важных органов, повышает уровень гормона кортизола, который является химической природой стрессового состояния. Нет кортизола – нет стресса, так сказать. Но в то же время, нет стресса – нет и кортизола. Кровь Александра была переполнена этим гормоном, ноги и руки дрожали, во рту пересохло так, что он махом осушил треть бутылки с водой.

Дальше всё было, как в тумане. Он сам не понял, как отозвался на приглашающий жест ведущего, как сделал первые неуверенные шаги и вышел на сцену. И вот он уже стоит на ней и оглядывается по сторонам. Зал был большой, примерно на пять тысяч мест, под завязку заполненный людьми. Мужчины и подростки, старики и женщины, в очках и в проходах, в пиджаках и сидя – все они смотрели на него. А он, как бы беспечно, крутил головой по сторонам. Вдруг его взор упал на тему выступления, что ярко светилась на большом экране: «Современный взгляд на жизнь».

«Урок, один урок», – почему-то пронеслось у него в голове. Какие-то части мозга одновременно возбудились, что-то вспомнилось, пронеслась новая связь, и у него родилась идея. В мгновение ока, если конкретней – за одно моргание глазами, на огромной скорости в мозге пронеслись сотни комбинаций, и в один миг они сошлись в конкретном месте.

Ему стало чуть спокойней, и тут ведущий произнёс:

– Спешу представить нашего следующего гостя: магистра

медицины, преподавателя медицинской кафедры Ахейского лицея, Александра Церебауна. Тема его сегодняшнего выступления: «Современный взгляд на жизнь». Александр, прошу вас.

И тому ничего не оставалось делать, кроме как шагнуть вперёд, чуть поклониться и немного неуверенно начать:

– «Современный взгляд на жизнь» – так звучит тема моего выступления, и поэтому...

Алекс неуверенно споткнулся, но все же смог взять себя в руки и продолжить:

– Я расскажу вам, как мы смотрим на эту жизнь, а, если быть точнее, как работает зрительный процесс.

Вроде бы в зале никто не возражал. И он продолжил, чуть храбрее:

– Начнём с того, что зрение занимает примерно девяносто процентов всей сенсорной информации, поступающей в мозг. То есть почти всё, что вы воспринимаете за день – это работа двух, или, кому не повезло – одного глаза.

Засветились улыбки, в зале раздался смешок, а магистр немного успокоился.

– Кстати, а хотите, я вам сейчас покажу часть моего мозга? – он взялся за свои волосы сверху, приподняв их ото лба, сделал вид, будто собирается оторвать верх черепной коробки, а затем улыбнулся, увидев недоверчивые лица многих зрителей. Симпатичная девушка в переднем ряду широко расширила глаза и отрицательно pokrutila головой.

– Да нет, всё не так страшно, я вовсе не буду вскрывать себе череп, – усмехнулся он. – Просто сейчас, глядя мне в глаза, вы видите частицу моего мозга, а я, соответственно, вашего. И это не красивая метафора, это действительно так. Дело в том, что глаз – это и есть часть мозга, только вынесенная на периферию. На самом деле, когда плод формируется в теле матери, то из той ткани, что позже станет головным мозгом, появляются две крошечных камеры – глазные пузыри. Именно они со временем станут нашими глазами, а их стволы – частью зрительного тракта, ведь мозгу жизненно важно понимать, что происходит вокруг него, поэтому эволюция и создала такой прямой механизм передачи информации.

Алекс на секунду замолчал и развёл руки в стороны в вопросительной позе.

– И тут возникает вопрос, а как, собственно, мы видим? Ну, то есть, как именно происходит этот процесс? Самый простой вариант ответа звучит так: глаза как бы находятся в режиме съёмки эдакого непрерывного видео, которое передаётся по нейронам. Прямая трансляция в мозг, примерно так, все верно? – задал он вопрос залу и, не дождавсь, ответил. – Нет! Ответственно вам заявляю – ничего подобного! Даже близко! А почему? Потому что нервы, дамы и господа – это не провода и по ним не передаётся ничего, скажем так, материального. Никакая частица не сможет попасть по нейронным сетям из пункта А в пункт В. Между проводами, несущими электрический ток, и нейронами, использующи-

ми электрический импульс, который называется потенциал действия, огромная разница. Такая же, как между письмом, написанным от руки, и звонком другу. И в той, и в другой ситуации какая-то информация переносится. Но в случае с письмом один физический объект попадает из одной точки в другую, а в другом... поняли разницу, да? Итак, нервные клетки не могут передать изображение.

Алекс почувствовал, что его понимают и это придало ему силы. Он даже улыбнулся той симпатичной девушке в красном платье, сидящей в первом ряду. А она не отвела взгляд.

– Но не только это мешает мозгу осуществлять трансляцию, – продолжил Александр своё объяснение. – Дело в том, что нейроны передают импульсы, которые имеют электрохимический характер, то есть, обратите внимание, не только электрический, но и химический. Между двумя нейронами есть синапс, в который одна нейронная клетка выбрасывает определённый химический состав нейротрансмиттеров, простите за такой сложный термин, а другая воспринимает его. Я не буду сейчас задерживаться на этом процессе, скажу лишь, что через химический коктейль нейромедиаторов достаточно сложно передать изображение. Вернее, это невозможно. Налейте в стакан воды, бросьте туда акварельные краски и попробуйте взболтать этот состав, чтобы он превратился в портрет Джоконды. Конечно, я утрирую и упрощаю, но это для того, чтобы вы поняли – ни о какой видеотрансляции объектов не может быть и речи.

Алекс подошёл к высокому стулу, взял с него бутылку воды, которую раньше туда поставил, и сделал несколько больших глотков, смочив пересохшее горло. Затем продолжил.

– Кроме того, приглядитесь. Некоторые из вас смогут увидеть каждый волосок на моей голове. Это значит, говоря техническими терминами, что мы воспринимаем окружающие нас предметы в очень высоком разрешении. И изображение должно немало весить, если перевести все в мегабайты. Но у нашего зрительного нерва нет мощностей, чтобы передать видео такого качества. Там же не оптоволоконные кабели протянуты, понимаете? Там тонюсенькие нейроны.

И ещё, сколько же мы тогда кушать должны, чтобы такие энергозатраты обеспечить? По центнеру зерна в день? Нет-нет, всё не так. Наш мозг очень бережно расходует энергию. Поэтому, то, как мы видим, совершенно не похоже на процесс видеосъёмки и видеотрансляции. Так как же тогда мы видим, друзья? Интересно узнать?

Публика ответила одобрительным шумом, и Алекс облегчённо выдохнул в глубине души. Дрожь в ногах и руках постепенно стала спадать. Он уже гораздо спокойней оглядел зал и заметил, что девушка в красном платье необыкновенно красива. Причём, она снова не отвела свой взгляд.

– Для начала давайте повторим устройство глаза. Повторение – мать учения, как говорится. Итак, глаз представляет собой камеру, заполненную жидкостью. Свет, попадая через хрусталик, проходит через эту внутриглазную жидкость

и падает на сетчатку. При этом изображение переверорачивается снизу вверх и слева направо. Сетчатка состоит из колбочек – рецепторов, отвечающих за восприятие цвета и остроту зрения, и палочек, благодаря которым мы можем видеть в темноте. У них огромная светочувствительность, им хватает нескольких фотонов, чтобы возбудиться. В принципе, похоже на строение фотоаппарата, верно?

Несколько человек в зале утвердительно покивали.

– А вот и нет! Дело в том, что, условно говоря, в фотоаппарате свет проходит через объектив и попадает на матрицу, а оттуда по проводам уже идёт в процессор. Глаз же эволюционен, то есть, устроен менее разумно, чем творение человека. Дело в том, что нейроны, которые передают информацию в мозг, находятся перед сетчаткой, а не за ней. Понимаете? То есть свет, чтобы попасть на палочки и колбочки, сначала проходит через несколько плотных слоёв нейронов. Если вернуться к аналогии с фотоаппаратом, то свету пришлось бы пробиваться через толщу проводов, прежде чем добратсья до матрицы. Понятно, что получаемое изображение было бы не самого лучшего качества. В итоге мы приходим к тому, что глаз ужасно несовершенен. Если бы его кто-то проектировал, то за такую конструкцию он получил бы твёрдую двойку. Всё дело в том, что глаз, как и всё в этом мире, эволюционирует в условиях полнейшего хаоса, приспособляясь к огромному числу внешних факторов, но об эволюции как-нибудь в другой раз.

Алекс покашлял и развёл руками.

– А сейчас самое ужасное: глаз не видит. Да, он воспринимает свет и цвет, но это больше похоже на двухмерную нечёткую мозаику, чем на ту картинку, которую мы с вами наблюдаем. Он, конечно, участвует в создании образа, но на очень примитивном уровне. С работой коры головного мозга эти нейроны даже сравнивать нельзя. Глаза лишь извлекают информацию, а вот выстраивает всё то, что вы видите – сам мозг, вернее, его зрительная кора. Именно поэтому можно ослепнуть от удара по затылку, где, собственно говоря, и располагается зрительные отделы мозга. Сейчас я попою, и продолжу дальше.

Алекс опять подошёл к высокому стулу за водой. Несмотря на то, что он волновался уже меньше, пот все равно бежал градом, во рту пересыхало быстрее, чем он восполнял запасы влаги в организме. Девушка в красном поглядывала на него, немного прищурив глаза.

– Чуть не забыл сказать, – продолжил Александр. – Всё же есть одно место на сетчатке, над которым не нависают плотные слои нервных и ганглиозных клеток. Прямо напротив зрачка, в центре, есть небольшое углубление, очень плотно набитое колбочками. В одном квадратном миллиметре центральной ямки находится примерно сто двадцать тысяч колбочек. Для сравнения: за пределами ямки число колбочек не превышает шести-семи тысяч на квадратный миллиметр, причём каждая конкретная колбочка соединена со своим од-

ним единственным нервным волокном. И хотя сама ямка занимает менее миллиметра площади сетчатки, она передаёт в мозг примерно пятьдесят процентов всей визуальной информации. Совершенно не похоже на фотоаппарат, согласитесь.

К чему это приводит? Это значит, что прямо перед собой вы видите со стопроцентной остротой. Проведите эксперимент: вытяните вперёд руку прямо перед собой, и поднимете два пальца вверх – их ногти вы будете видеть отлично. А вот всё вокруг, увы, уже более размыто. И ещё, чем дальше от центра, тем ниже качество изображения, и тем меньше цветность. Если вы продолжите смотреть прямо, а руку с пальцами отведёте в сторону, на периферию зрения, то увидите лишь смутные очертания: формы, контуры, движения. Хотя мы-то с вами этого не воспринимаем, считая, что абсолютно всё видим резко и отчётливо. Но нет – глаза лишь разбивают картинку на фрагменты, на детали, и только мозг складывает её в единое целое. И делает он это очень нестандартно. Секундочку.

Алекс снова подошёл к бутылке и приложился к ней, сделав пару глубоких глотков. Девушка в красном платье положила ногу на ногу и покачала прелестной туфелькой.

– Да, и ещё, – решил оживить своё выступление Александр. – Представьте, что поздно вечером вы возвращаетесь домой через парк, и вдруг справа от вас раздаётся какое-то шевеление в кустах. Периферийное зрение тут же отреаги-

рует – в течение сотых долей секунды, если говорить о скорости. Ядро глазодвигательного нерва моментально получит сигнал, и глаз тут же повернётся, чтобы объект попал в зону наиболее острого зрения – как мы с вами уже знаем, это центр зрачка. Это рефлекторный процесс, не требующий осознанного осмысления. После этого вы моментально начнёте буквально «ощупывать» источник движения.

А теперь очень важная информация! Прежде, чем попасть в зрительные отделы мозга, зрительный нерв проходит через таламус. Это такой сенсорный фильтр, который пропускает в кору наиболее важные сигналы. Рядом с ним, кстати, находится много интересных отделов мозга. Например, гиппокамп, который отвечает за долговременную память, четырёххолмие среднего мозга, ответственное, собственно, за зрение, миндалина, которая формирует эмоциональную память, и гипоталамус, влияющий на эндокринную систему с её гормонами. Плюс органы обоняния. Всё это вместе создаёт такой центр первичного восприятия и узнавания.

Поэтому, если вы увидите в кустах нечто, чьи детали (а помните, что вы видите ещё только детали) покажутся вашему эмоциональному мозгу опасными, то вы побежите. Например, он увидит быстрое перемещение какого-то предмета по направлению к вам: долговременная и эмоциональная память дадут мгновенную оценку, передадут её гипоталамусу, а тот даст команду на выброс адреналина и кортизола. Информация ещё только обрабатывается корой, а вы уже

улепётываете.

Алекс показал быстрое движение, зал улыбнулся и магистр, улыбнувшись ему в ответ, продолжил своё объяснение:

– Таламус находится прямо в центре зрительного нерва, на полпути к коре мозга. Поэтому и срабатывает он раньше. И миндалина тоже. Это значит, что любая информация, попадающая в мозг, сначала приобретает эмоциональный окрас. Через таламус проходит и слух, и зрение, и обоняние, и тактильные ощущения. То есть вначале мы чувствуем всё, с чем соприкасается наша сенсорная система, а уж потом обрабатываем разумом. Это значит, что эмоциональное мышление всегда срабатывает раньше, чем мышление рациональное. И в этом есть плюс: мы можем отреагировать мгновенно и спастись. Но есть и минус: сенсорные ощущения могут нас обмануть, ведь они не идеальны. Почему? Потому что мы видим только, скажем так, черновик. Именно поэтому мы можем шарахнуться в тёмном парке от бродячей кошки. Секундочку.

Магистр снова попил воды.

– И раз уж мы затронули чувства и ощущения, то давайте поговорим вот о чём. Представьте, что вы надеваете шерстяную кофту, которая сильно колется. Сначала вы испытываете дискомфорт, но уже через несколько минут покалывания перестают чувствоваться, хотя колючая кофта никуда не исчезла. Бывает такое, да?

Или вы сидите на скучной лекции. Преподаватель что-то нудно медленно читает, и через некоторое время вы уже его не слышите, хотя он продолжает говорить. Знакомо?

Другая ситуация. В аудитории жарко, а вы в тёплой кофте и вскоре начинает чувствоваться запах пота. Сначала вы его ощущаете, но через некоторое время запах исчезает. Хотя, конечно, он никуда не может деться, и взгляд соседки по парте красноречиво об этом говорит.

Это привыкание, или, говоря научными терминами, фильтрация сенсорной информации, за которую, собственно, и отвечает таламус. Процесс этот достаточно интересный, о нем я подробно рассказываю на своих лекциях в Лекее, но сейчас речь не о нём.

Приведу ещё один пример. Если вы положите руку себе на колено, то сначала ощутите его поверхность, а потом перестанете её воспринимать, так как тактильная информация от руки заглушается как ненужная. Так почему же тогда то, что мы видим, никогда не исчезает? Ведь даже если вы смотрите на нудного преподавателя в шерстяной кофте, он всегда остаётся на своём месте. В чем причина?

Зал явно не знал, что ответить, и Александр продолжил после паузы.

– Оказывается, всё дело в том, что наш взгляд никогда не останавливается. Вообще. Глаза постоянно прыгают с места на место. Этот процесс называется саккады, то есть микродвижения глаз. Несколько раз в секунду орган зрения нахо-

дит себе новую точку в пространстве и её ощупывает. Четверть секунды – скачок, четверть секунды – скачок; всегда, когда открыты глаза. То есть в нас постоянно заливаются всё новые потоки информации, которые затем поступают в часть мозга, называемую латеральным колленчатым телом.

Если бы глаз остановился полностью, то тогда видимая картинка бы исчезла. Вот у лягушек нет саккад, поэтому они не видят неподвижные тела. У них тоже происходит фильтрация сенсорной информации, и всё ненужное не воспринимается. Кстати, проводили подобные опыты и с человеком: стабилизировали изображение на сетчатке, и поле зрения становилось пустым, картинка исчезала, человек переставал видеть. Но к счастью, сам по себе глаз этого сделать не может.

В нашем мозге миллионы нейронов постоянно занимаются активнейшей работой, даже если мы лежим на диване и читаем газету. Да, кстати, и во время чтения мы не бегаем глазами по строчкам, а делаем серию саккад, сосредотачивая внимание на первых и последних буквах слов, их длине и общем контексте текста, простите за тавтологию. В детстве мы учимся читать сначала буквы, потом слоги, слова, а затем легко пролетаем целые предложения. Глаз зафиксировал, передал в мозг, прыгнул, опять зафиксировал и так далее. Эти прыжки настолько быстрые, что зрительная система не успевает, а может и не хочет их фиксировать. В итоге зрительные отделы мозга сглаживают этот поток информации, и

мы видим целостную, привычную нам картинку безо всяких рывков.

Буквально за сотые доли секунды информацию обрабатывают рецепторы, затем одну десятую секунды она идёт в мозг, и ещё примерно десятая доля уходит на обработку этой информации. То есть, три-четыре раза в секунду наш мозг видит новый объект, причём скорость может быть и больше. Саккадические скачки хоть и являются хаотичными, но больше всего напоминают именно ощупывание предмета, чтобы понять его основные свойства: форму, движение, цвет. Если мы смотрим на человека или животное, то в первую очередь обращаем внимание на глаза, нос, рот. Причём, несмотря на высокую скорость передачи данных, нужно признать, что мы всегда видим прошлое, то есть то, что уже случилось долю секунды назад. Но об этом позже.

Александр снова подошёл к бутылке и допил последние глотки. Девушка в красном платье накручивала на пальце локонны волос.

– А пока давайте разберёмся в том, что же видит глаз? – предложил Александр. – Во-первых, повторюсь, он видит двухмерное пространство. Нужно признать, что это так. Глаз не имеет никакого представления о трёх измерениях, только объединённая информация от двух глаз даёт мозгу сведения об объёме. Во-вторых, различные фоторецепторы отвечают за разный функционал. Некоторые клетки отвечают, скажем так, за расположение предметов: наклонные, гори-

горизонтальные или вертикальные линии. Другие – за движение, причём количество таких нейронов на порядок выше, чем предыдущих. Почему? Да потому что заметить бегущего к нам или от нас зверя важнее, чем одиноко стоящее дерево, например, согласны? С точки зрения эволюции это так.

А что же происходит после саккадического скачка? Сначала глаз распознаёт картинку в очень грубом разрешении, но за несколько сотых долей секунды изображение становится резче, в нём проявляются детали, а его чёткость возрастает до двухсот раз. Определённая группа нейронов реагирует на разные длины световых волн и регистрирует цвета. Более, скажем так, продвинутые скопления нейронов сетчатки – ганглиозные клетки отвечают за контуры предметов и их формы. Ещё одни – за текстуры объектов. То есть в течение следующей четверти секунды из изображения извлекается вся необходимая информация, которая сохраняется в кратковременной памяти и, что самое важное, сравнивается с тем, что хранится в памяти долговременной. Это значит, что во время некоторой части зрительного процесса мы... слепы.

Алекс развёл руками, как бы призывая зрителей в свидетели, что он и сам в это не может поверить.

– Означает ли это, что мы видим всего четыре кадра в секунду, выражаясь языком кинематографа? – обратился он к залу. – Нет, конечно же, это не так! Ведь, как я уже сказал, мы воспринимаем непрерывный динамический поток

информации, а не просто сменяющие друг друга картинки, как в кино. Наши глаза намного сложнее кинокамер и работают по иному принципу, поэтому они и называются зрительным анализатором. Три-четыре саккадических скачка по плотности информации равны пятидесяти-шестидесяти кинокадрам в секунду, просто потому что сам принцип передачи данных более эффективный.

Например, представьте себе два квадрата – белый и чёрный. Глаз не будет, подобно камере фотоаппарата, переносить каждый видимый пиксель себе на матрицу. Он быстро, с помощью саккад, пробежится по контурам и изгибам и передаст примерно следующую информацию: два объекта, с вертикальными и горизонтальными линиями, заполненные белым и черным цветом, без текстур, без движения. Минимум затрат, максимум эффективности. Чистая математика, ибо сам процесс зрения построен именно на преобразованиях Фурье, но это тема отдельного разговора.

Алекс немного приостановился, засунул руки в карманы и продолжил.

– Сейчас нужно лишь понять, что нервные импульсы закодированы возбуждением разных микро-отделов мозга. От фоторецепторов импульсы поднимаются вверх, скажем так, по иерархии, все более усложняя фрагменты картинки, и доходят до ганглиозных клеток, о которых я сказал ранее. Это некие первичные анализаторы информации, миллионы аксонов которых и составляют зрительный нерв, который идёт от

сетчатки в мозг. В целом, одна светочувствительная клетка связана примерно с двумя сотнями тысяч нейронов зрительной коры, представляете насколько это сложный механизм?

Причём глаз – это только начало. Ведь после того, как нерв попадает в таламус, он разделяется на несколько потоков и далее идёт в латеральное коленчатое тело ...

– Позвольте?! – раздался громкий голос и на сцену вышел невысокий человек с пышной бородой. Следом за ним семенила та невысокая девушка, которая встречала Алекса на входе. Марина, что ли? Она смотрела на Церебрауна и делала страшные глаза. Бородач дошёл до середины сцены, повернулся к залу и заявил:

– Уважаемые дамы и господа! К сожалению, мне придётся прервать выступление нашего гостя. Произошло недоразумение! У нас была заявлена тема «Современный взгляд на мир», в которой спикер должен был вам рассказать, как изменилось представление людей о самих себе после Великого Потопа. Уважаемый Александр Церебраум не совсем верно отразил тематику и поэтому подготовил совершенно иное выступление, поэтому мы вынуждены прервать его доклад...

– Да пусть рассказывает! – донеслось из зала.

– Да, да! – слышались возгласы со всех сторон. – Пускай до конца расскажет! Какая разница? Интересно же! Будьте любезны! – зашелестели первые ряды.

– Будь человеком, борода! Организаторов на мыло! Сами виноваты, что не проконтролировали! Э, слышь! – свистнули

с галёрки.

– К сожалению, это невозможно, – потряс руками человек с бородой и отрицательно покачал головой. – Это противоречит нашим правилам. У господина Церебраума даже не подготовлена презентация, а это нарушение...

В зале послышался гул, с задних рядов снова засвистели. Между тем бородатый повернулся к Алексу, опустил микрофон и просительно, но вместе с тем требовательно произнёс, что, к сожалению, тому нужно уйти со сцены, так как он нарушает регламент работы конференции. Церебраун почувствовал, что краснеет и сразу же вспомнил женщину, что выступала перед ним. «Не в то время и не в том месте», – так, кажется, она сказала.

Алекс покорно кивнул и направился было за кулисы, как вдруг раздался негромкий, но очень властный голос откуда-то с первого ряда:

– Но ведь правило о трёх вопросах из зала, как мне кажется, никто не отменял?

Бородатый человек хотел было ответить отрицательно, но внимательно взгляделся в вопрошающего и глупо заморгал. Зал, почувствовав слабость, тут же загудел сотней голосов сверху донизу:

– Да, да, три вопроса! Никто не отменял! Бородуля, давай по чесноку! Имейте совесть! Правила диктует, а сам их не знает! Ага, бороду отрастил, а ума нет! Доктор, будьте добры, ответьте на три вопроса! Та баба убежала, и этого туда

же?! Нет уж, позвольте! Церебраун, погодь-ка! Соблагово-
лите, уважаемый!

– Хорошо-хорошо! Это да! Это действительно по пра-
вилам! – бородач остановился и энергично закивал. Потом
вскинул вверх руки, тряся ладошками по бокам головы, как
слон ушами. – У вас есть право на три вопроса! А я умываю
руки! – он демонстративно потёр ладони и потопал за кули-
сы.

– Ну, х-х-хорошо, – неуверенно протянул Алекс. – С кого
начать?

Сразу несколько человек в зале вскинули руки. Выбрать
было сложно, взгляд упал на мужчину в галстуке. Обычно на
конференции приходили одетыми более неформально. Мо-
жет, поэтому он его и выделил: тот показался ему более ин-
теллигентным.

– Вот тот человек в костюме, да, да, вот, справа! – показал
на кого-то Церебраун. – Прошу вас!

В зале медленно поднялся дородный мужчина с двойным
подбородком в пиджаке со значком на лацкане. Он оглянул-
ся вокруг и произнёс:

– Товарищи! Я скажу, что являюсь депутатом, вернее,
кандидатом в депутаты по своему одномандатному округу!
И по ходу моей деятельности возникают различные эксцес-
сы! И то, как люди глядят на эти процессы, нам знать до
крайней степени необходимо! Особенно современные, так
сказать. Нам жизненно важно это муссировать. А что тут

сейчас мы увидели? Пришёл человек, рассказывает нам, как на всё это смотреть! Но не то! Совершенным образом! И вообще, откуда пришёл, кто его к нам послал? И с какой, понимаете ли, целью? Не засланный ли это казачок?

– Вы не могли бы яснее задать свой вопрос? – прервал его конферансье.

– Мог бы! И сейчас сделаю это, уж будьте уверены! Я, между прочим, тут от народа! Это он меня, значит, назначил от его имени управлять и вопросы, кому мне лично надо задавать! По какому праву, поинтересуюсь я, было занято место другого человека, который хотел бы донести до нас взгляды на современный мир? Я ради него сюда и явился! А вместо этого, что я получил? Вернее, я вообще ничего не получил за свои честно заплаченные деньги!

– Наворованные! – донеслось с галёрки, и в зале раздались смешки, а дядька повернулся на окрик и затряс в ту сторону кулаком.

– А ты иди, докажи, а потом гавкай!

– Ваш вопрос то в чём заключается? – перебил его конферансье. – Либо вы сейчас задаёте вопрос, и мы засчитываем его за первый, либо вы не задаёте вопрос и садитесь.

– Я задам вопрос, задам! Но прежде мне нужно получить ответ! Я это так просто не оставлю. Я муссировал и буду муссировать...

– Или вопрос, или садитесь, и я отключаю ваш микрофон! – не выдержал и повысил голос конферансье.

– Мой вопрос! – толстячок сжал зубы и на несколько секунд замолчал. – Вопрос мой, значит, будет такой. Вы вернёте деньги, если я не увидел, куда пришёл?

– Вернём! Я сам из своего кармана вам отдам. – Кивнул головой конференсье и добавил вполголоса, как бы про себя: – Впрочем, вы привыкли жить за счёт наших карманов.

Зал хохотнул, а дядька сел, сделав в вид, что не услышал.

– Второй вопрос! – повысил голос конференсье и вопросительно повернулся к Александру. – Принимайте решение, кто будет задавать второй вопрос. Только на этот раз постарайтесь выбирать более тщательно, не совершайте ошибку повторно!

– Хорошо, – улыбнулся ему Алекс и незаметно подмигнул. – В следующий раз буду выбирать с умом!

Магистр повернулся к залу, покрутил головой влево-вправо, пробежался по поднятым рукам и показал на молодого парня в бежевой толстовке и со смышлёными глазами.

– Давайте вы, может?

– Да, спасибо вам больше, Александр, – парень живо соскочил с места. – У меня вопрос, который меня волнует, как дизайнера. Правда ли что левый глаз видит правым полушарием, а правый – левым. Зачем это? Как это объяснить? Спасибо!

– Краткость – сестра таланта! – похвалил его Александр, широко улыбнувшись. – Вам спасибо за вопрос! Это очень

интересная тема, и я отвечу сразу: нет, не так. Это распространённая ошибка, и на самом деле все происходит иначе. Сейчас я попробую объяснить это как можно более понятно.

Церебраун на несколько секунд задумался и погладил подбородок, как бы подыскивая слова.

– Поделите область зрения перед собой на два сектора: левый и правый, – начал объяснение Александр. – Условным центром будет середина носа. Так вот, всё, что находится справа от носа, обрабатывается левым полушарием. А то, что слева – правым. Это понятно? Хорошо, слушайте дальше. Хрусталик переворачивает изображение сверху вниз и слева направо. Поэтому всё, что находится справа, попадает на левые стороны сетчатки, и наоборот. Дальше информация от правой части сетчатки обоих глаз идёт в правое полушарие, а от левых – в левое. Посередине они частично встречаются и образуют зрительную хиазму – место пересечения волокон зрительного нерва.

Полушария нашего мозга воспринимают всё по-разному. Левым полушарием мы лучше понимаем детали, читаем, считаем, каталогизируем, если можно так сказать. А правым – видим мир в широком смысле, образами воспринимаем его целостную картину. Это нужно учитывать, поэтому вам, как дизайнеру, скажу, что текст лучше всего располагать справа, а изображения – слева. Это не значит, что картинка увеличит продажи вашего заказчика, это означает, что мозгу так будет чуточку проще. Я ответил на ваш вопрос? – спросил

Александр, приподняв брови.

– Даже на два, – покивал головой парень в толстовке. – Спасибо! И ещё микро вопросик, разрешите?

– Ну, хорошо, давайте.

– Скажите, а видеоконнекты когда-нибудь будут?

– Микро-ответ. Скорей всего да, потому что такие разработки ведутся. Но пока внятных результатов нет, даже клинические исследования ещё не начались. Следующий вопрос?

В зале вновь устремились ввысь десятков рук.

И тут Алекс сделал выбор, который в корне изменил его жизнь. Бесповоротно. Навсегда. Это произошло, словно где-то там, в градиенте от одного цвета к другому, потому что началось изменение не прямо сейчас, а возможно, в тот момент, когда ему позвонили по телефону. Или, когда он выбрал, что всё же поедет в Авилею. Или в десятке других случайностей и решений, которые возникают в каждую секунду жизни.

Александр Церебраун снова обратил свой взгляд на красотку в красном платье в переднем ряду. Она сидела, приподняв руку чуть вверх и держа её в районе чудесного декольте.

– Вот девушки у нас сегодня вопросов ещё не задавали.

Он показал рукой прямо на красавицу.

А она пристально посмотрела на него.

– Что ж, был выбран последний вопрос! – возвестил кон-

ферансье. – И я его одобряю, коллега.

Он понизил голос, как бы по секрету сказав это в микрофон. В зале засмеялись. Девушка изящно поднялась со своего места и несколько секунд ловила на себе восхищённые взгляды мужчин, льющиеся со всех сторон. Потом изучающе-заинтересованно пристально посмотрела на Алекса и промолвила:

– А вы женаты?

– Нет, я мудака!

Алекс сполоснул лицо холодной водой и поглядел на себя в зеркало. Оттуда глядела опухшая рожа с небритой щетиной. Он увидел мутные глаза и спросил у них:

– Ты почему такая тупая мутила?

Глаза в зеркале на несколько секунд задумались, и веки покорно опустились.

– Потому что, бя-бя-бя! – промычал он, обречённо достал щётку, намазал на неё пасту и медленно начал чистить зубы. В голове снова и снова пробегала картинка с той злосчастной конференции. Он старался отгонять дурные мысли, но они продолжали лезть под кожу, погружая его в воспоминания, которые были ему неприятны. И чем больше он старался об этом не думать, тем чаще они вплетались в его мысли. «Бесит меня обсессия, бесит целую сессию», – вспомнил

он студенческую поговорку времён курса навязчивых состояний. Сейчас, похоже, у него нарушилась гармоничная связь между лимбической системой и лобной долей коры, именно поэтому в голову чёрными тараканами ползли непрошенные мысли. Конечно, как человек знающий, Александр пытался взять себя в руки и занять разум размышлениями. Какими? Да любыми, лишь бы отвлечься; например, о состоянии влюблённости.

Влюблённость – это не любовь, каждый знающий человек понимает. Потому что влюблённый не видит недостатки, любящий же – принимает их. Влюблённость основывается на всплеске дофамина, так называемого гормона радости. В определённых отделах мозга меняется состав гормонального коктейля, и мы начинаем лучше запоминать всё происходящее с помощью бури в миндалине, отвечающей за эмоции, и гиперактивности в гиппокампе, кодирующем память. Это объясняет высокую чувствительность и сильную восприимчивость во время влюблённости. Кроме этого, возбуждается стриатум, и нам хочется ощутить нечто, похоже на желание съесть, выпить, выкурить и прочие человеческие хотелки. Это ощущение, когда жаждешь быть рядом с предметом своей страсти, а если желание не исполняется, то уровень дофамина падает, и тут же включается элемент печали и тоски. Весьма распространённое состояние среди влюблённых, кстати. А потом количество дофамина снова скачет вверх, от фантазий, например.

Положительной стороной влюблённости становится тот факт, что дофаминовый всплеск повышает активность в лобных долях головного мозга, отвечающих за мышление. И люди начинают творить: писать стихи, сочинять музыку, петь или что-то ещё. Первая влюблённость пробуждает взрослые нейронные связи, как логические, так и творческие. Кто-то впервые начинает мечтать, кто-то строить планы, а кто-то — претворять их в жизнь.

Вот Пушкин, например, всё время был влюблён, всегда на дофамине, так сказать, и поэтому творил, как жил. Он хоть и был чрезмерно эмоционален, но с годами, говорят, научился сдерживать свой пыл. А потом и состояние постоянной влюблённости перестало быть важным, ведь за предыдущие годы, часто используемые нейронные связи стали крепче, увеличивая скорость импульса. Короче говоря, талант развил в себе гения усилием собственного мозга.

И Алекс, похоже, тоже влюбился в ту красотку с первого взгляда и сейчас получал всплеск дофамина каждый раз, когда думал о ней, и чувствовал такой же спад, когда понимал, что она никогда не будет рядом. Тут же развивалась апатия и появлялась депрессия. Словно наркомана без дозы, словно алкоголика без рюмки, словно сладкоежку без тортика, Алекса ломало от того, что жадный стриатум испытывал нехватку дофамина. А стриатум хоть и глупый, но мощный, он легко седлал мозг и закичивал мыслительную спираль.

Алекс это прекрасно понимал и всё равно не мог себя до-

статочно контролировать. Прошла уже неделя после конференции, и, вроде бы, нужно было забыть обо всём, что там происходило, но раз за разом он ловил себя на воспоминаниях о ней...

Девушка была так прекрасна, так мила, настолько глубокий смысл таился в её глазах, что Александр не мог думать ни о ком и даже ни о чём другом. Он плохо спал, хотя раньше даже днём любил полчасика храпануть, не мог сконцентрироваться, работа валилась из рук, в мыслях творился полный бардак. Алекс даже начал отжиматься, хотя давным-давно уже забил на спорт. Аппетит перестал быть важен. «Какая, к чёрту, еда, если в крови прыгает норадреналин и не получается ни на чём сосредоточиться?», – беззвучно ругался он про себя.

Но в то же время его состояние не было постоянной депрессией: Алекс пытался переломить себя, иногда переводя состояние в настойчивое желание что-то сделать, не понятно что, например, красиво одеться и куда-то пойти, а лучше не одному, а с ней – с той девушкой. Поговорить о глубоких вещах, понятных только им двоим, помечтать, сидя на берегу ручья, а потом снять комнатку в лесном хостеле...

Алекс постоянно думал обо всём этом, даже не собираясь принимать тот факт, что его фантазии, держась за ручку, уходят все дальше и дальше от реальности.

Наташка с работы вообще перестала интересоваться, и как женщина, и как человек. Она с подозрением вглядывалась в

его лицо, когда он глупо улыбался и пел себе под нос. Алекс уже не фантазировал – он грезил наяву, заплывая в такие заоблачные дали, что вздрагивал, когда возвращался в наш бренный мир. Ему хотелось делать что-то важное и цельное, нести людям счастье, быть примером для детей, да и самому уже обзавестись ребёнком! А что, пора! Видимо, у Алекса случился дофаминовый передоз, его прям пёрло! Надень ему треуголку – и вперёд, захватывать мост через Дунай и мчаться к Аустерлицу.

Замечтавшись за чисткой зубов, Алекс в очередной раз ушёл в мир грёз, но внезапно вздрогнул от гулко-го звука падающей кастрюли и грубого мата, донёсшегося от соседей сверху. Он распахнул глаза и снова заметил себя, смотрящего в зеркало в обветшалой ванной с развешанными на верёвке носками. Увидел свою опухшую рожу, с щетиной и лохматыми грязными волосами. Уровень дофамина и серотонина резко уменьшился, накатила тоска, захотелось повеситься, ну, или хотя бы выпить водки. Снова вспоминалась та конференция.

И ведь, малака, он же мог с ней поговорить! Если бы не тот пень в пиджаке, который потом докопался до него за кулисами. Молол какую-то чепуху, отвлекал, дёргал за рукав, Алекс что-то ему невпопад отвечал, а в это время девушка прошла рядом, приостановилась, словно хотела что-то сказать, немного постояла с улыбкой, понимающе кивнула головой и вышла. Когда он отвязался от этого типа и выскочил

на улицу, её уже не было. Кинулся к остановке, но там никого не нашёл; уже потом сообразил, что такая девушка могла приехать только на мобиле.

А он – мудака! Надо же было так обосратся! Ведь она же задала ему третий вопрос, на всю огромную аудиторию:

– А вы женаты?

И надо же было ему, мудиле толсторогому, сострить:

– Да! На науке!

– На какой ещё науке?! Малака ты тупая, что ты за туфту несёшь и кому задвигать её будешь?! Чтоб тебя за хвост, да по вымени! – ругался он сам на себя последними словами и боялся посмотреть в глаза отражению. Это сейчас он целыми днями сочинял ответы и мог бы выдать с десятков блестящих фраз, типа: «Нет, ведь я ждал вас всю жизнь!» или «Неужели вашей матушке нужен зять?». Но тогда он спорил то, что первое пришло на ум, и теперь ненавидел себя за это. Чтобы смыть с себя ощущение фиаско, Александр переломился, спустил трусы и полез в холодный душ.

Перелом

Через пять минут Алекс уже брился, старательно намазывая пеной щёки, не глядя себе в глаза. Ну, а что в них можно увидеть, кроме пустоты? Любимое прежде дело давно не греет: заставляешь себя вставать, разогревать завтрак, выходить из дома – всё через силу, без удовольствия. Дни становятся однообразными, унылыми, скучными. Зачем уходить на работу? Зачем приходить домой? Зачем вообще, что-то делать, если жизнь это тлен? Однажды она закончится, тогда страдания, страсти и прочая херня окажутся погребены под толстым слоем сырой земли. А в чём тогда смысл?

Идёшь себе поутру, а вокруг сотни людей куда-то спешат, к чему-то стремятся, чего-то пыжатыся, за чем-то гонятся, так и хочется им всем крикнуть: «Люди-и-и, чтоб вас всех! Остановитесь на секундочку, посмотрите на себя, задумайтесь! Да через сто лет никого из вас в живых уже не будет, и ничего после вас не останется – ни имён, ни дел, ни мечтаний ваших! Никто и никогда не вспомнит, что вы вообще когда-то существовали! Вы – биомасса, толпа людей, каждый из которых считает себя единственным и неповторимым. Ну не обманывайте себя! Ведь вы просто пыль на дороге, которую смоем дождь, она стечёт в канаву и станет грязью под ногами таких же уверенных в своей уникальности...».

Но тут Алекс разозлился на свои мысли, заскрежетал зу-

бами:

– А ты сам-то? Ты-то кто такой? Чем ты отличаешься от них?

Испустив вздох, не зная, что сказать, Алекс взялся за бритву:

– Я не такой, как все. Я обыкновенный, – ответил он сам себе.

Мысли снова побежали по замкнутому кругу. Для чего он живёт, да и вообще, что такое жизнь? Алекс не знал ответа на эти вопросы. Иногда хотелось поймать суть, но чего-то вечно не хватало: то ли знаний, то ли времени. Работа днём, отдых от неё – ночью. Три перекуса: котлетки, пюрешка, гречка – на более разнообразную еду не было денег. Получка, вычитаем аренду за квартиру, минус коммуналка, традиционная «питница», иной раз делящаяся до воскресенья, да и до понедельника бывало. И вот это назвать жизнью? То отдел номер раз, то лаборатория, то ночные смены. Недавно с зарплаты на крыс скидывались. Наука докатилась, малака.

– А с на-ами ничего-о-о не происходит, и вряд ли что-нибудь произойдёт, и вряд ли что-нибу-у-удь произойдет, – протяжно и грустно провыл он, медленно брея шею:

С самого детства Алекс ощущал себя ненужным, брошенным, бесцельно болтающимся по океану жизни. Работа ради работы – не вариант, это понятно. Тогда что вариант? И какие они есть, эти варианты? Наверное, их может быть не один, и не два, и не пять, но какой из них верный? Конеч-

но, можно попробовать поискать ответ, но проще согласиться с тем, что никаких вариантов нет. И ходить на работу, и приходить домой, чувствуя, как разливается по телу пустота. Чем её глушить? «Как это чем? Водочкой, брателла, водочкой!», – скажет дружан, пацик через пацика* (через знакомых) передаст по цепочке, и вот уже собирается стайка. Сидишь, чирикаешь, пивом запиваешь. И вроде отдыхаешь, а вроде и не устал.

Но так ведь тоже нельзя! – Алекс добрил последние волосы на шее и замер. – Нужно уже что-то решать в жизни, куда-то двигаться, но куда? Куда?! Да без понятия! Знать бы точно, где он может пригодиться, где его место, в чём смысл жизни, в конце концов, тогда бы Алекс все силы приложил. А сейчас... как говно, простите за выражение, в проруби болтается. Живёт только сегодняшним днём, без планов и перспектив, даже не пытаюсь заглянуть за горизонт событий.

Почему у него всегда всё вот так? Почему все нормально живут, а он один такой невезучий? Сколько лет он спрашивал себя, в чём причина, что он совершил не так, где оступился? Почему у других дети, дом, путешествия, счастливая жизнь, а у него рутина, скука и хандра? Что, гамота твою за ногу, он делает не так, а? Почему все важные решения, что он принимал в жизни, в итоге оказались бредом сивой кобылы?

Алекс в тысячный раз вспомнил, каким взрослым он себе казался в детстве, когда, не слушая мольбы матери и плача

сестрёнок, уехал из дома к отцу, в Союз. Тогда он думал, что совершил первый мужской поступок, который папа оценит по достоинству. Но оказалось, что тому, мягко говоря, было наплевать на отрока. Постоянные переезды, многомесячные папашины командировки, беспросветное одиночество, из-за которого он однажды чуть не умер... – тут Алекс цокнул и поморщился, порезав кожу, – м-да, решение уехать к отцу было огромной ошибкой. Сейчас, через двадцать лет, это ясно, как божий день.

Да и потом он ничего хорошего в жизни не угадал – захотел стать доктором, пошёл учиться в ликей на выбранную профессию, и что в итоге? – Алекс взглянул в зеркало, оглядел обвисшую ванную с развешанными трусами и пожал плечами. Хотя, раньше он всё же любил работу – исследования, лекции, ученики. Но потом всё как-то поостыло и скисло: денег нередко хватало только на лабораторных крыс, да и этого недостаёт порой. Выделяют же так, крохи. Оборудование устарело, диссертации в самом полисе нельзя было защитить, только в Союзе, а там диссертационной комиссии нужно два-три года ждать. За это время технологии вперёд ускачут. Пока защитишь диссетруху – она уже никому и не нужна. Можно, конечно, дисскомиссию купить, это быстро и надёжно. Так все ушлые и делают: покупают диплом и становятся кандидатами, а то и докторами. Так и мчатся тройки диссертационных комиссий, неся науку куда-то вскачь, и вместе с ней несётся он, Александр Церебраун, или Алекс,

как он сам себя всю жизнь называл.

А ещё, помнится, в высшем ликее у него появился гениальный план стать великим учёным. Ох, сколько надежд было, сколько фантазий! Алекс воображал себя новым доктором Уотсоном, причём, вовсе не тем, что прятался в тени Шерлока Холмса, а другим – великим гением, первооткрывателем структуры ДНК.

И что в итоге? Сколько лет он что-то пыжился, искал, экспериментировал, от скольких выгодных предложений отказался, бросил престижный Аквилейский ликей, вернувшись снова в занюханную Ахею. И что? К чему это привело? Да ни к чему! Всё коту под хвост!

С кислой миной Алекс добрил щёки. Вроде умный человек, а ничего в жизни понять не может. Всё, буквально всё, к чему он прикасается, идёт по кривой. Тридцать лет человеку, а так ничего в жизни не понял, ничему не научился, никуда не пришёл. Хотя, – он вскинул брови, – вот, выступил на конференции, хоть какой-то сдвиг в биографии. Алекс сполоснул лицо прохладной водой. Нагревать её ради бритья он не любил: водообогрев нынче дорог, да и вообще, холодная вода полезнее.

Немного взбодрившись прохладой, выйдя из душевой и покрутив пьськой у зеркала, чтобы избавиться от грустных мыслей, он принялся одеваться. Сегодня Алекс решил отвлечься и развлечься, поэтому его путь лежал в сторону коллеги по работе – тридцатипятилетней Наташки, что работа-

ла завхозом у них в ликее. Они встречались уже пару лет, но пока несерьёзно. У неё нынче день рождения, сына забрала бабушка, и ждала она лишь его одного. Не сказать, чтоб он уж очень и рвался в её сторону, выглядела она постарше своих лет и была, пожалуй, полновата, но зато титьки у неё – что надо. Да и день рождения опять же. По-свински было бы не прийти. В общем, решился, пошёл; себе взял водки, а ей сладенького вина. Всё нормально, завтра и послезавтра выходной, а сегодня короткий день. Почему бы не нахлобучиться?

Он хлопнул на дорожку рюмочку дешёвого башкирского самогона для поправки самочувствия, приделся, побрызгался одеколончиком, накинул любимую кожанку, вышел из дома, по дороге спросил у тётъ Магдалены за здоровье, поздоровался с дедом Никоном, завернул за угол, и потопал было к остановке, но тут настроение испортилось окончательно: навстречу попался управляющий домом. Алекс не любил этого дотошного дядьку, вечно интересующегося подробностями чужой жизни. Молодой человек быстро поздоровался и хотел было пройти мимо, но тот остановил его и принялся нудно разглагольствовать о какой-то ерунде, не давая вставить ни слова в свой монолог. Пользуясь тем, что имеет право на выселение жильцов, управляющий любил устраивать допросы с пристрастием или читать пространные лекции, объясняя это тем, что по уставу дома все его обитатели должны поддерживать высокую общественную мораль и он, как ответственное лицо, обязан быть в курсе всего, что про-

исходит с жильцами. Управдом уже привык к тому, что жители дома терпеливо и подолгу его выслушивали, когда он изъяслял желание поучать кого-то уму-разуму. Так и сейчас, Алекс кивал и поддакивал, делая вид, что внимает. Только через десять минут он смог, наконец, с ним распрощаться.

По пути к остановке молодой человек зашёл в магазинчик дяди Гаспара, где продавали всякую всячину. Подмигнул в зеркало витрины своему высокому темноволосому отражению в черных брюках с небольшим клёшем, широко улыбнулся продавцу лавки и протянул руку:

– Драсьте, дядь Гаспар. У вас есть тянучка?

– Да, мой дорогой друг, для тэбя конечно же есть всё, что угодна, тэбэ с каким вкусом? – неторопливо ответил ему старый усатый армянин и расплылся в гостеприимной улыбке.

– Да без разницы, – махнул рукой Алекс.

– Эй, Гаяне, – с акцентом крикнул Гаспар куда-то в сторону. – Принэси нашему гостю Искандеру тэнучку со вкусом «без разницы». Она в вэрхнем углу.

Гаяне, тётушка со смешливыми морщинками у глаз, вынесла в хрустальной чаше синюю продольную пластинку, передала её Алексу и, прищурившись, хмыкнула:

– Куда так вырядился, красавчик? Опять придёшь пьяный, поздно ночью? А?

– Да я, тёть Гаяне, на свидание собрался, – завертелся, как уж на сковородке Алекс. – Посидим, винишка попьём. Ладно, побегу, некогда мне, опаздываю, – начал он было уходить

от темы разговора.

– Слышу я уже, вон в пакете твоё вино брякает. Две бутылки. Вино и водка, так ведь? Алек, ты, давай, тётю Гаяне за нос не води. К мымре к этой своей пошёл? – начала было она.

– Оставь ты парня в покое, нэ мальчик он уже, моя дорогая Гаяне. Мы с тобой в его возрасте нэ лучше были. Вспомни себя! Какая ты была? И такой же красивый осталась! Как же я лублу тебя, свэт моих очей, – обнял её за талию и поцеловал в щеку дядя Гаспар. Пока та таяла от этих слов, Алекс поспешил в сторону остановки, не забыв признательно махнуть дяде Гаспару рукой.

– Деньги-то хоть есть? – донёсся сзади голос Гаяне. Он повернулся и послал ей воздушный поцелуй.

Старики тепло к нему относились. Тётя Гаяне была старинной подругой его матери, и все своё детство он видел перед собой образец женщины красивой и верной, строгой и справедливой. Алекс до сих пор её немного побаивался. А дяде Гаспару он помог в позапрошлом году, когда у того начались приступы лёгкой эпилепсии, устроил его на стационар к ним в ликей. Тогда Гаспару пришлось похудеть и подобреть. Правда гастрономические пристрастия дали о себе знать, поэтому сейчас он, скорее, раздобрел и подобрел.

Остановка была примерно в полукилометре от его дома. Кампус Мессена находился в самом верхнем северном углу полисной сетки, а он жил почти на окраине третьего поя-

са их кампуса, чуть не доходя до начала внутреннего лесного периметра. Поэтому электротробус ходил сюда не часто, и, судя по расписанию, недавно уехал, значит, следующего ждать ещё минут двадцать. Алекс направился было к остановке, но тут сзади слева раздался звук подъезжающей легковушки. Мобиль немного постоял невдалеке, а потом подкатил прямо к Алексу.

– Привет, земля! – из водительского окна высунулась дружелюбная круглая физиономия. – Скажи, пожалуйста, как до мясокомбината добраться?

– Да ты что, браток, – рассмеялся Алекс, – мясик в Лаке, ну, то есть в кампусе Лакония находится. А мы в Мессене, в северной филе. Далеко проехал, разворачивайся.

– Бли-и-ин, – протянул парень, почесал нос и задумался. – Что делать то? Слушай, садись со мной, покажи, как правильно ехать, а я тебя довезу потом, куда надо, а?

Алекс пожал плечами, тем более что ему было в ту сторону. Как бы раздумывая, он начал обходить мобиль спереди и вдруг заметил на пассажирском сиденье ещё одного человека. Почему-то это ему сразу расхотелось ехать: больно не понравились недобро блеснувшие глаза пассажира. И, остановившись, он постучал рукой по капоту:

– Не, браток, у моей подруги сегодня день рождения, так что не могу. Давай я тебе так объясню?

Водитель озадаченно посмотрел на своего соседа. Возникла пауза, но через секунду пассажирская дверь распахнулась,

и из неё выскочил высокий худой молодой белобрысый парень в светлом спортивном костюме. Он сморщил губы и сплюнул:

– Эй ты, комон! Прыгай назад, покажешь, как доехать, а потом беги на все четыре стороны, понял?

– Не, я же сказал, я не поеду, я иду на праздник, – напрягся Алекс и начал отступать назад. – Но объяснить могу.

– Я тебе щас сам объясню! – повысил парень голос. – Повторяю последний раз – садись в мобилу и поехали! Тяпа!

Тут из задней тонированной двери вынырнул ещё один паренёк. Явно спортсмен, судя по внешнему виду. В это время длинный обошёл мобиль и двинулся в сторону Алекса.

– Эй, эй, парни! – выставил руки в успокоительном жесте Алекс. – Может, вы что-то перепутали?

– Ты сам-то ничего не попутал в этой жизни? – Сплюнул длинный, подходя ближе. – Ты чухаешь меня? Я чё не понимаю, о чём базарю? Ты чё, дурака во мне впалил? – делано возмутился он в поиске причины для скандала.

– О! Это не ко мне вопрос, – не подумав, ляпнул Алекс.

– А к кому? – не понял его оппонент.

– Это к психиатру, – выдал Алекс и только потом понял, что зря он это сказал, так как глаза длинного мгновенно округлились, а ноздри раздулись. Он попытался сгладить ситуацию. – Парни, успокойтесь и езжайте, куда ехали. Мне с вами не по пути. Понятно?

– Ты чё рычишь, щурёнок? По какому ты не по пути? Те-

бе нормально сказали делать, а ты тут круги рисуешь? Шутки шутишь? Комон! Я не доктор, как ты, но успокоительное могу выписать. Вот смотри, – сказал длинный и вытащил из кармана продолговатый предмет, что-то типа трубки с резиновой ручкой. – Это «димедрол». Он готовится в два приёма: достать, и, – тут он с силой выбросил вперёд руку, как бы отбивая мяч теннисной ракеткой, – встряхнуть.

Трубка сработала, как телескоп, выпустив из своего чрева сужающийся стержень с большой металлической шишкой на конце. Длинный протянул трубку поближе Алексу, как бы показывая её устройство, а потом резко без замаха ударил ей по лицу. Удар плашмя пришёлся в челюсть возле уха, мир мгновенно задрожал, и тут же второй спортсмен, Тяпа, подскочил, смазав ему кулаком в зубы. Кровь брызнула на лицо из разбитой губы и закапала на рубашку, глаза ответили слезами, затуманив взор. От боли Александр разжал руки, попытался, размахивая руками, пакет с бутылками грохнулся об асфальт, мир было покачнулся, как это время чья-то рука схватила его за рукав и потащила за собой.

– Пойдём, телёнок, – услышал он рядом с собой насмешливый голос и ощутил толчок. Его дёрнули за воротник, и он почувствовал унижительный пинок под жопу. Вздвигнув от удара и резко вытерев глаза, Алекс понял, что длинный тянет его за плечо в мобиль, а он, на самом деле, как телёнок идёт на поводу. Пинок под задницу ещё горел, удар «димедролом» жёг кожу, кровь струилась по горлу. И

тут злость на самого себя взорвала эмоциональную систему Александра. У него и так было повышенное содержание гормонов, а сейчас вообще бомбануло! Надпочечники выстрелили в кровь тройным зарядом адреналина и норадреналина, те резко подняли уровень глюкозы в крови, зарядив Александра огромным количеством чистой, нерастроченной энергии, закипевшей во всех его мышцах. Адреналин вызвал страх, норадреналин – ярость, за доли секунды организм пришёл в состояние «бей или беги». Поток эмоций разбил плотину рассудка, ярость пересилила страх, норадреналин оказался сильнее, и Александр сделал свой выбор.

Он схватил длинного за ухо, сжал со всей силы, поворачивая его лицо к себе, и в это же время, с бешеным криком «с-с-сука», впечатал ему лбом прямо в переносицу. Длинный как шёл, так и упал, отпустив воротник и схватившись за нос. Алекс тут же подхватил у него выпавший «димедрол», развернулся и подлетел к Тяпе. Тот сначала было выхватил из кармана нож и начал размахивать им, но пара резких ударов этим опасным телескопическим предметом и бешеное лицо быстро понизили его боевой дух. В глазах Тяпы начало проступать сомнение, нож в руке смотрелся неуверенно. В выборе «бей или беги» он явно выбирал второе. И тут, внезапно, у Тяпы изменилось выражение лица, его удивлённый взгляд уставился куда-то за спину Алексу. Тот инстинктивно попытался отследить направление его взгляда, и повернул было голову, как сзади раздался мерзкий треск. Алекса что-

то больно ударило в шею, он дёрнулся вперёд и упал на подкошенных ногах, как сноп. Ещё пару секунд его сотрясали конвульсии. Все тело словно парализовало, и он отключился.

*

Очнулся Алекс практически сразу же, почувствовав, как завязывают руки каким-то широким тросом. Мысль сработала мгновенно, он немного напрягся, окостыжив локти, и тем самым выгадал себе несколько миллиметров.

Связав, его небрежно кинули на заднее сиденье и захлопнули дверь. Все это время Алекс притворялся, будто он в полубморочном состоянии; хотя, может, это было не притворство, а простое желание спастись от ещё одной такой встряски. С ним сделали что-то ужасное – кожа на затылке, куда пришёлся удар, пылала огнём.

Слева от него, на заднее сиденье плюхнулся спортсмен Тяпа. Дерзко ухмыльнувшись, он пнул ногу Алекса, мол, чего разлётся. Прямо перед похищенным завалился на пассажирское сиденье длинный. За руль сел здоровяк водитель, и, обернувшись назад, сочувственно спросил у Александра: «Ты как, живой, земля?»». Пленник молча посмотрел на него туманным взглядом. Не дождавшись ответа, и переведя взгляд на длинного, водитель достал из кармана электрошокер с двумя выступающими рожками и усмехнулся: «Два дня заряжал в этот раз. Мощно рубануло. В следующий раз три

дня буду заряжать».

– Поехади, Андоха, – прогнусавил длинный. Одной рукой он держался за ухо, а второй вытирал что-то у себя с лица.

«А-а-а, так ты шокером рубанул, падла, – подумал Александр, сглотнув кровь из сильно разбитой губы. – А этот длинный пидор, значит, тоже нехило у меня отхватил, не сопли же он там, а, поди, кровушку с лица стирает». Алекс злорадно ухмыльнулся. Он чувствовал боль, но не ощущал страха. В нем разливался прилив гордости за себя, и он нёсся на его волнах. Как будто услышав его мысли, длинный обернулся назад. Его лицо действительно было в крови, нос вроде сломан, возле уха все испачкано в крови. «Может, я и ухо ему оторвал», – засмеялся сам себе Александр, хотя взгляд длинного не давал повода для веселья. Тот прогундосил:

– Я дебя, бдядь, деберь пдосдо дак не одбущу, даже если Аддал одбусид! Я дебя на гузги борву, зуга! Я дебя...

Но его слова мгновенно стали звучать как будто где-то далеко. Мозг Александра уловил «Аддал», распознал, что это «Аттал», и мир резко изменился. Ярость исчезла, страх захлестнул его целиком, и Александр запаниковал. Он вдруг очень отчётливо и ясно ощутил, что обратно домой может не вернуться, ни сегодня, ни вообще. Внутри что-то опустилось. Наверное, похожее чувство испытывают те, кого ведут на казнь: как будто жить осталось всего минуту, и никакого спасения нет. Это не ужас, не отчаяние, не жалость к себе, это все вместе взятое и возведённое в степень.

Кто такой Аттал? О! Аттал был легендой полиса. Это значит, что о нём все слышали, но мало кто видел. Некоторые скептики даже сомневались, что он существует на самом деле, но всё равно боялись. Поговаривали, что Аттал замешан в историях с исчезновениями и жестокими убийствами. Страшней всего были слухи о том, что он закапывал людей живьём, чем наводил ужас не только на обывателей, но даже на геронта и астиномоса полиции. Говорили, что он может делать в Ахее всё, что ему захочется, но никто не мог сказать, правда это или нет. И по какому такому праву, если да?

Истории об Атталe стали появляться ещё во времена его ранней юности, когда они с отцом только-только переехали в строящуюся Ахею. Помнится, однажды пропали три хулигана из соседней Арсинойской филы. Это были на всю голову отмороженные ребята, которые за пару лет до этого, ещё будучи малолетками, изнасиловали школьницу за стройкой, тогда им это сошло с рук. Дальше – больше, и через некоторое время они стали настоящей грозой всего кампуса. А потом в один прекрасный день – исчезли, и больше их не видели никогда. Полиция проводила расследование, расспрашивали всех в округе, даже его, тогда ещё почти ребёнка. Но никто ничего не мог сказать. Как сквозь землю провалились и всё. Вот тогда впервые поползли слухи, что есть какой-то Аттал, то ли мафиози, то ли Робин Гуд, то ли маньяк, который закапывает людей в землю живыми.

В другой раз из окна выкинули очень богатого мужика,

который купил несколько квартир и стал держать притон на южной окраине их кампуса. Репутация у него была так себе, как и его проститутки – наркоманки с лихорадочным взглядом, работающие на износ, чтобы заработать на дозу дживки, так называли какой-то наркотик в дни его юности. Потом тяжёлая наркота пропала из полиса, так Алекс её и не попробовал. В общем, тело этого мужика со следами пробоев нашли на карнизе подъезда, и тоже никаких следов. Опять пошли слухи, что это дело рук Аттала.

Как-то до полусмерти отмузузили алкоголика, который избивал свою мать так, что она бегала и орала ночами под окнами. Вроде люди тоже за Аттала говорили, но тут многие сомневались. Короче говоря, Аттал был таким человеком, даже перед именем которого Алек испытывал безотчётный страх ещё с детских пор. Помнится, вечерами, сидя у костра в лесу за третьим поясом, они с пацанами рассказывали друг другу жуткие истории о «чёрных могильных руках», о погребённых заживо людях и о том, как один из них пытался выбраться из могилы. Будто бы он вырыл было себе ход наверх, но задохнулся почти у самой поверхности, когда пальцы его уже торчали из земли. Его начали откапывать, и он даже перед смертью что-то сказал, и, будто бы, это то, что ему сказала сама смерть, и тот, кто это услышит, тоже умрёт...

– ...ды понял меня, зука? Ды подял деберь, что я с добой сделаю? – прорвался сквозь его мысли наглый голос длинного.

– Кащей, да успокойся ты, – миролюбиво заступился водитель Антоха. – Пусть оклемается парняга.

– Сдышь, Андожка, ды до вообще чизденьгим вызокчил. Зо звоим жогером, – тут длинный Кащей резко повернулся к Тяпе и взмахнул рукой. – Бдя, Дяба, вбдавь мне, зука, дос! Не могу дак говорить, зам зебя не подибаю. Ды же убеешь, бдадан.

– На, сначала, – Тяпа лениво качнулся вперёд и, вытащив из кармана куртки блестящую фляжку с красным кожаным футляром, передал её длинному Кащею. Тот сделал добрый десяток глотков, выдохнул, задохнувшись от крепости напитка, глубоко вздохнул и наклонил голову веред. – Давай!

Тяпа очень мягко, профессионально прошёлся руками по носу и нащупал место смещения, потом поднёс один кулак к месту перелома, а вторым резко ударил по нему, как молотком. Кровь хлынула из носа прямо на белую рубашу Кащея, но тот всё равно удовлетворённо замычал. Минут двадцать они ехали в полной тишине, нарушаемой только кряхтением и сморканьем Кащея. Он открыл окно и закурил, понемногу отпивая из фляжки, пока Тяпа не возмутился. Получив свою флягу обратно, тот жадно присосался, пока не выпил её, по всей видимости, до дна. Когда он глотал, Алекс внимательно её рассмотрел – это была плоская медная фляжка грамм на триста-четыреста. На красном фоне кожаного футляра было выгравировано изображение с двумя дымящимися стволами. В воздухе отчётливо запахло алкоголем. Вскоре Тяпа

начал глупо улыбаться, язык у него развязался, и, по всей видимости, он решился поболтать.

– Чё смотришь, доктор? Фляжка понравилась? Ручной работы, между прочим! А у тебя такой не было и не будет никогда! А?

Никто не стал продолжать диалог, и Тяпе пришлось поднимать новую тему.

– Вот чё сейчас нельзя в салоне биты возить, да? Вот раньше можно было, так она всегда под рукой. А тут в багажнике за колесом, да нахрен она там нужна? Какой-нибудь бык такой, как этот сегодня, – махнул он на Алекса, – попадётся, и чё, побежишь сначала багажник открывать, колесо доставать? Все такие махаются, а ты типа решил резину поменять, – засмеялся Тяпа своей шутке. – На шипованную.

– Да, Тяпа, и не говори, – поддержал его захмелевший Кашей, потерявший гнусовость. – Раньше куда веселее было. Помнишь, мы с тобой быков на движках* (дискотеках, тусовках) ломали? Подъедем на трёх четырёх мобилах, биты в руки, через охрану как масло пройдем, ещё и погрозим, чтобы копов не вызывали.

– Ага, – заулыбался Тяпа, погрузившись в воспоминания.

– Слышь, Антоха, у нас тогда житуха вообще весёлая была, – повернулся Кашей к водителю. – Когда молодыми были. Мы с Тяпой как-то на движ пришли, сидим, пьём, телочки с нами танцуют, и тут какой-то бык начал рогами мотать, задели его видите ли. Ну, мы дали ему по роже, чтобы не мы-

чал. А он сбегал, ещё пять-шесть голов своего стада привёл, и начали рамситься ...

– Ага, там приколы были, – прервал его Тяпа. – Там Кашей такой говорит: «Вы знаете, кто я? Я ващета Кашей», а один из них и отвечает: «Да? Так у тебя смерть в яйце что ли?».

И Тяпа в голос заржал, Антоха тоже заулыбался, а Алекс совершенно не понял истории. Кашей сначала недовольно промолчал, а потом прикрикнул на Тяпу, чтобы тот со своей трепотней не вмешивался в его рассказ.

– Так вот, мы бы их там сами всех постелили, но с нами кобылки, сам понимаешь. Мы, короче, помирились такие вроде с этими быками, вышли с движа, сразу за пацанами слетали и обратно приехали уже на четырёх мобилах...

– Три, по-моему, было, – начал было Тяпа.

– Да завали хлебало, Тяпка! – прикрикнул Кашей. – Видишь, я человеку историю рассказываю. Короче, приехали на четырёх мобилах, влетели в зал и ка-а-к начали всю эту шалупень битами стелить. Там просто полный разгром был, диджею даже прилетело, – он хмыкнул. – Вот времечко то было. И биты можно было носить, и всё всех устраивало, не то, что сейчас.

– Да-а-а, прикольно раньше было! У самого молодость бурная, всякое бывало, – покивал головой Антоха и замолчал было, но вдруг добавил. – Хотя, с другой стороны, то, что их запретили, тоже есть плюс в этом. Вот у меня у маминой подружки дочь еёняя как-то тоже давно пошла на движ. С

девчонками, с друзьями веселятся, танцуют. И тут шум, гам, влетают какие-то уроды, начинают махать, и ей случайно тоже достаётся. Еёный парень за неё вступился, так ему прилетело так, что он теперь чистой воды инвалид. Битой, кстати, прилетело. С одной стороны, снизу, просто челюсти с зубами нет – все раздробили в сопли. Я видел его как-то, это тихий ужас – следы от скоб, швы... А они ведь ничего никому не делали, просто пришли отдохнуть.

– Да, это уже полный беспредел, конечно, – серьёзно покивал головой Кашей. – Базаров ноль, биты опасная штука, их можно только здоровым пацанам давать.

Вся покивали и помолчали.

– А где дело то было? – вдруг подал голос сзади уже изрядно осоловевший Тяпа.

– Чё?

– Где было то это, когда челюсть сломали?

– А в этом вроде, в Сиреновом тумане. Знаешь?

– Ну да, в Сиреновом тумане. Точно! – опять усмехнулся Тяпа.

– Знаешь, говорю, где это?

– Знаю, знаю. Хорошо знаю. Очень хорошо знаю, – продолжал ухмыляться поддатый Тяпа, глядя осоловевшими глазами в затылок Кашею.

Разговор смолк. А минут через пять Тяпа свесил голову, Кашея тоже укачивало, но тут Антоха спросил его:

– А этого типа то зачем Атталу везём?

– Не знаю. Мне этот... мне Берет сказал его доставить, вот мы и доставляем. Ваша-то многоуважаемая ахейская бригада с утра гуляет, отпускники херовы, вот нам и приходится отрабатывать.

– Пусть отдохнут ребзя, весь год в суматохе.

– А ты чего с ними на Фракийку не двинул?

– Так я ж уже полгода не пью. Всё, завязал!

– И поэтому на Берег не едешь? Серьёзно?

– Серьёзно! Чего мне там трезвому делать?

– А чего вдруг решился на трезвянку сесть?

– Да-й, есть одна ерунда на постном масле!

– Антоха набухался и на нашего Берета начал барагозить. – подал голос с заднего сиденья вроде спящий Тяпа. – Тот, конечно, его уработал за пять сек. А потом...

– Да, да, да! – засмеялся Кашей, глядя на Антоху. – Вспомнил я эту историю, пацаны прикалывали. Берет сказал, что ещё раз выпьешь – отрубит палец. А он с этим не шутит, я знаю. Ну как мизинец-то, цел?

Антоха усмехнулся, поднял вверх кулак с разжатым мизинцем и подёргал им.

– Ладно, палец, – обернулся Кашей к Алексу, – вот что он с этим уродом сделает? Может, живьём его в землю закопает, может, голодным собакам кинет, не знаю. Но прежде я все равно попрошу, чтобы он мне его отдал на пару часов.

Кашей внимательно посмотрел на Алекса и с угрозой произнёс:

– Карачун тебе, белобрысый. На ремни буду резать, ребра переломаю, зубы выбью, бля, да я тебя так отмудохаю, что мама родная не узнает. Даже на опознании, – сострил он и засмеялся своей шутке. Антоха тоже засмеялся.

Наусмехавшись вдоволь, Кашей повернулся, взгляделся в дорогу, зевнул, потом ещё раз и вскоре бросил водителю:

– Ты по федералке* (федеральной трассе) не езжай, цинканули, там пост будет стоять, а у нас этот цуцик связанный, и я весь в крови. Не остановить не смогут, там же камеры. Что мы им скажем? Так что лучше по местке потрясёмся.

– Да я уже усё продумал, я сверну на развилке, не волнуйся, Колян, – впервые он назвал Кашея по имени.

– Ладно, Антоха. Ты сам все знаешь. Я покемарю полчасика, а то этот нежилец мне все лицо искромсал, гнида. Бошка болит, нужно отдохнуть немного.

– Давай, давай. Подъедем, я разбужу.

Через несколько минут он свернул с трассы, вскоре дорога стала хуже, пассажиров начало немного потряхивать и укачивать. Вскоре Кашей вырубился, Тяпа даже похрапывал, повесив голову на грудь, а Алекс замер, лихорадочно размышляя. Время – понятие относительное и определить, как оно течёт, достаточно сложно. Вот сейчас, например, он принял какое-то решение, его захлестнула волна гормонов и эмоций, и секунды поползли, а не побежали. Конечно, время не замедлилось, просто восприятие начало работать с усиленной мощностью, и в мозг поступало больше информации

ото всех органов чувств.

Страх, да и вообще любая сильная эмоция, заставляет запоминать больше подробностей, чем обычно, и тогда человек думает, что его вселенная замедлила свой ход. Хотя ничего извне не меняется, просто за это время человек впитывает и перерабатывает больше данных, чем обычно, ведь это позволяет лучше прогнозировать ситуацию в критические моменты. Сейчас Алекс воспринимал мир, как бы с широко открытыми глазами, увеличивая объем знаний о текущем моменте через расширенные зрачки. Страх заставил его принимать какое-то решение и он обрабатывал в несколько раз больше подробностей, чем обычно: лес за окном, в гору подъем, все спят, везут в ад. Алекс даже не заметил, как его мозг рассортировал огромное количество данных и вынес вердикт. Ответ сам пришёл на ум и вселился в мысли.

Отбросив возражения, он сделал выбор, и с этой поры Александр уже не ждал, а выжидал. И, в один из моментов, когда Антоха начал бубнить какую-то песенку себе под нос, пленник открыл замок двери. Тот глухо щёлкнул, но водитель даже не обернулся. Вместо этого мобиль стал снижать скорость, может быть, потому, что они ехали под нехилым уклоном вверх. Тут Алекс решился. Он резко открыл заднюю дверь, подвинулся к краю... и в ужасе остановился, посмотрев на пролетающий внизу асфальт.

И упустил момент, потому что в это время, с криком «Э!» его за ногу схватил ещё косой ото сна Тяпа. Александр от

безысходности ухватился за ручку над дверью, вцепился в неё и въехал свободной ногой в заспанную морду Тяпы. Тяпа разжал руки, промычал что-то, но тут же дёрнулся, чтобы снова сцапать пленника. Мысль работала молниеносно. Александр, сжав двумя руками потолочную ручку, подтянулся на ней, подогнул к себе обе ноги и с силой их распрямил, целясь Тяпе в голову. Тот принял удар и, брызнув осколками, врезался головой в боковое стекло мобиля, а Александр вылетел в противоположную сторону прямо в открытую дверь, вместе с оторвавшейся ручкой, которую он держал связанными руками.

Удар о дорогу пришёлся на спину и часть правого бока. Его подбросило вверх, а потом он, по инерции, ещё несколько раз перевернулся, сильно ударившись рукой обо что-то, заорал, покатился по дороге и, наконец, замер, прижавшись спиной к асфальту. Поскуливая от боли, Алекс чуть приподнялся. Да, любимая кожаная куртка приказала долго жить, левый локоть и предплечье горели острой болью, тупо отдававшейся по руке и уходившей в рёбра, но, в принципе, всё было не так уже и страшно. Он был жив, местами даже цел, испуган и переисполнен желания бежать отсюда как можно дальше. Ещё сидя на асфальте, его взгляд выхватил, как мобиль проехал чуть дальше, затем резко затормозил, двери открылись, и из них выскочил Кашей, а за ним и Антоха. Александр не стал дожидаться, что произойдёт дальше – он пружиной вскочил на ноги, перемахнул через дорожное ограж-

дение и стремглав помчался по насыпи вниз.

Так он ещё никогда не бегал! Скатившись, Алекс выско-чил на твёрдую почву и полетел сквозь траву, постепенно становившуюся все гуще и выше. Да и земля оказалась не ахти какая, в ней встречались какие-то борозды, ямы, кучи земли. «Как по минному полю бегу», – подумалось ему. Он обернулся – за ним мчались Кашей и Антоха. Тяпа, по всей видимости, встряпался в стекло и теперь нехорошо себя чувствовал, поэтому его не было видно. Здоровенный Антоха заметно отставал, тогда как поджарый Кашей быстро догонял убегающего. Расстояние снижалось с каждой минутой, гликоген в мышцах – тоже. Дыхание стало неровным, появилась одышка – долгие годы без спортзала давали о себе знать. Связанными спереди руками, Алекс мог лишь раздвигать высоченную траву, выставив их на манер тарана у корабля. Кашею приходилось легче – он бежал след в след по проторенной до него тропе, а вот Алекс нет-нет, да снижал скорость, боясь провалиться в какую-нибудь яму. И точно, как накаркал!

Прямо перед ним разинула рот огромная дыра в земле, метра в два в ширину и пять-шесть в длину. Беглец замер на краю, разбежаться не было времени, и он помчался во-круг неё, прилично сократив расстояние между собой и по-гоней. Оббежав яму, Алекс повернул голову и увидел, как Кашей разгоняется и прыгает. Сил уже не было, левая рука нестерпимо горела, лёгкие – тоже, через несколько секунд

все должно было закончиться. На последнем дыхании Алекс поднажал, понимая, что этого хватит лишь на долю минуты. И он бежал. Бежал. Бежал. Секунды таяли... но его так никто и не догнал. Раздумывать о причинах не было времени.

Только добравшись до подножия возвышенности, он позволил себе на секунду обернуться назад. Из-за густой травы погони не было видно. Он снова бросился вперёд, где возвышалась громада холма. И нужно принимать решение – либо двигаться налево по такой же местности, либо забираться наверх, в лес. Алекс выбрал второй вариант. Сверху и видно лучше. Хотя тяжелей. Наверх, сука, не то, что вниз. Вообще. Не то. Уф-ф. Алекс был весь мокрый от пота, пылало лицо, ноги затвердели камнями, грудь ходила ходуном, рука просто невозможно тукала. И тукала, и тукала, и тукала. «Это перелом, мать его», – вдруг понял он.

Обернувшись с середины холма, Алекс увидел Антоху и Кашея, ковылявших вместе. Белая с красными следами крови спортивная куртка Кашея стала ещё и чёрной от жирной грязи. Антоха переваливался с ноги на ногу, неся своё здоровенное тело. Он показал пальцем на Александра, Алекс сматерился и припустил дальше наверх, превозмогая всё на свете. Добежав до вершины, он понял, что стоит наверху самого первого холма, а за ним их целая гряда, один другого выше. Он заметил, что следующий холм справа вверху оброс густым непроходимым ельником, и припустил в ту сторону.

Спуск вниз дался ему полегче, хотя лес становился более

плотным, и начали попадаться поваленные деревья. Почва стала жиже, в нос полезла москитня. Каждый шаг давался с трудом, земля липла к обуви, в одном месте даже пришлось на пару секунд остановиться, чтобы вытащить ногу из жидкой трясины. Силы покидали, пот катился градом, лёгкие разрывало от горячего неровного дыхания. «З-з-сдавайся, з-з-сдавайся», – жужжало в ушах комарьё, колени предательски дрожали, страх проникал в каждую мысль, но он бежал, бежал и бежал.

А через пару десятков шагов земля стала твёрже, заболоченный участок кончился, и начался очередной, дьявольски сложный подъем. Вся кусачая нечисть моментально сгинула, но путь наверх стал настолько трудным, что вскоре он просто побрёл в изнеможении. Крики догоняющих были слышны позади, но они тоже без сил еле плелись за ним следом. Шли медленно, но неуклонно. В голове стучала кровь, – там-там-там, – в повреждённой руке вторило, – тум-тум-тум. Шаг за шагом, шаг за шагом. Дыхание вырывалось с хрипом, который невозможно было заглушить. Силы были на пределе.

Еле добравшись до вершины холма, он некоторое время трусил по плоской поверхности, а затем начал крутой спуск вниз. Лес тут был гуще и хуже, прямо перед ним раскорячились здоровенные, выдранные с корнем, стволы вековых сосен. Тут в голове у Алекса словно раздался щелчок, он почувствовал энергию второго дыхания и, что есть мочи, приступил вперёд с новыми силами.

В быстром темпе он буквально пролетел метров двадцать по ломкой весенней траве, потом вернулся по своим следам назад, стремглав залез на упавшее дерево, добежал до его вывороченного из земли корня метров четырёх в диаметре и перепрыгнул через него. Закрывшись им, как ширмой, от преследователей, Алекс нырнул в густой ельник и на кончиках пальцев посеменял дальше. Травы тут не было, зато в изобилии рос мох, хорошо скрывавший звук его шагов. Пройдя так несколько сотен метров, он резко повернулся под углом в девяносто градусов и побежал в другом направлении. Звуки погони затихли позади. Дыхание стало приходить в норму, и он двигался лёгкой трусцой, постоянно оглядываясь назад. Никого.

Только через полчаса он обратил внимание на своё состояние. Рука сильно болела, боль была тупой, начинаясь от предплечья, она уходила вверх по руке. Когда его связывали, он немного раздвинул руки, увеличив между ними расстояние, и, наверное, вполне мог бы понемногу освободить их, но, увы. Левая распухла, и не давала возможности избавиться от пут. Каждое движение вызывало гримасу боли на его потном и грязном лице, поэтому превозмогая все, он бездумно шагал и шагал. Его мучил кашель, он еле сдерживался, чтобы не расхеркаться во всю мощь своих лёгких. Зверски чесались щеки, горела огнём разбитая губа.

Примерно через час передвижения по холмистому лесу, Алекс заметил, что порядком стемнело. Куда идти? Не зная

ответа на этот вопрос, он двигался прямо. То спотыкаясь об торчащие кочки, то получая ветками по лицу. Усталость навалилась на плечи. Ноги еле передвигались. Алекс просто плёлся, падая, поднимаясь и снова падая. Вскоре лес начал меняться – густой хвойный бурелом с неровной землёй постепенно перешёл в полуголый лиственный лес. В городе-то южная зелень уже всюю брызгала в глаза, а здесь берёзки только пустили почки и, местами, негусто распушились свежей листвой. Тут его взгляд выхватил то, чего здесь не должно было быть – старый деревянный столб с остатками прожаривших проводов.

Алекс заковылял к нему и, подойдя вплотную, прислонился и без сил повалился на колени. «Столб, столбушко», – прижался он к нему щекой и прикрыл глаза. – «Куда же мне идти, родненький, куда?», – спросил он у столба, и в глазах было выступили слезы отчаяния. Хорошо, что чувство юмора снова помогло. «Иди, куда шёл, а потом поверни направо», – ответил он сам себе, изобразив деревянный голос столба. Невесело усмехнувшись, Алекс глубоко вздохнул, поднялся на ноги и двинулся дальше.

Через сотню метров он неожиданно очутился на широкой грунтовой дороге, шедшей прямо посреди леса. Справа возвышался очередной холм, слева дорога вела в низину. Опять очутившись на перепутье – идти вниз или вверх, он снова отчего-то выбрал более тяжёлый вариант. Может, прислушался к совету столба. Солнце двигалось к закату, но в лесу ещё бы-

ло неплохо видно, и, приближаясь к вершине холма, Алекс понял, что становится заметным.

Он отошёл с середины дороги на два шага в лес, и, скрытый густыми зарослями, побрёл вдоль неё. Уклон вверх стал почти вертикальным, градусов семьдесят, не иначе. Взбираться приходилось, неловко держась связанными руками за выступающие корни и наваленные там и сям камни, хотя рядом, посреди тропы, были выдолблены лестницы, стилизованные под камни. Чертыхаясь, беглец взбирался все выше и выше. Конечно, идти по лесу было гораздо сложнее, чем по дороге, но вскоре он понял, что не зря это сделал. Поднявшись на вершину, Алекс обернулся и увидел свет фар в низине. Были заметны чьи-то фигуры и мобиль. Кто это, враги или просто туристы? Рискнуть или нет? Страх взял верх над другими чувствами и, повернувшись спиной к светящимся фонарям, он поковылял дальше.

Через некоторое время лес погрузился в полумрак. Немного спасала луна, да и то она иногда скрывалась за тучами. Слуховая и зрительная система напряглись, на периферии сетчатки обострилось палочковое зрение. Глаз перестал распознавать цвета, острота зрения упала, зато светочувствительность выросла в десятки раз. Даже тусклого лунного света, разливающегося вдоль дороги хоть немного, но хватало. Одно зрение для света, а другое – для темноты. Так решила эволюция.

Он передвигался в полшага от дороги, в тени раскидистых

деревьев. Мрак сгущался. Вдруг где-то слева, в лесу, заухала сова. Алекс пригнулся, напрягся и в панике выставил перед собой связанные руки. Сердце бешено забилося, ноги стали ватными. Он замер, боясь сделать хоть шаг. Но больше не было слышно ни звука. И он принялся глубоко дышать и успокаивать себя:

– Так, это всего лишь птица. Алекс, это птица, что ты как баба?! Нечего бояться. Бояться нечего, тебе говорят. В лесу водятся звери, некоторые из них не спят по ночам. Да ведь? Так и должно быть, Алекс, так и должно быть. Не ссы. Успокойся, успокойся, старина. Это сова или ещё какая-то птица. Всего лишь птица. Тебе нужно успокоиться и отвлечься. Лучше подумай о другом. О чём о другом? Ну, не знаю, например, кто эти люди и почему они к тебе пристали. Собери мозги в кучу и прикинь. Думай голова, думай. Попробуем начать сначала. Итак, кто эти уроды? Откуда они взялись на мою голову? Они определённо не из нашего кампуса, и не из Лаконии, и не из Аргона, не местные, короче говоря. Никогда раньше их не видел. Но они знают, кто я! Длинный сказал такую фразу, мол, я не доктор, как ты. Значит, они в курсе, кто я такой. А ещё Кашей сказал, что работает на Аттала, и это очень плохо. Очень, очень плохо.

Тут он представил, как его живого закапывают в землю, и страх снова охватил его целиком.

– Погоди, Алекс, не спеши. Они могли просто припугнуть Атталом, а сами... Да кто они, гамота их за ногу, такие?

За что? Почему? Кому он, малака, так насолил? Может, по пьянке с кем-то разругался? Может... что? Что это за...? Что это за хрень?

Выглянувшая из-за туч луна вдруг осветила путь перед ним, и он почувствовал, как мурашки пробежали по спине, и волосы встали дыбом. Ужас, какого он не ощущал даже во время погони, захлестнул его разум, приковав к земле. Он не мог заставить себя сделать даже вдох, тело просто застыло. Так, должно быть, чувствовали себя древние люди, когда видели в двух шагах разъяренного хищника, но перед ним сейчас не было никого живого!

Прямо посреди густого леса, на большой поляне, возвышалась глухая стена высотой в пятиэтажный дом. Она имела зубчатые вершины, похожие на скальные, но это точно была стена – правда, без окон и дверных проёмов. Возможно, попади он сюда днём, он бы непременно бросился изучать это странное сооружение в глухом лесу. Но сейчас его уставший мозг был напряжён до предела, глаза плохо различали предметы, и образы, которые возникали в его голове, были преувеличено окрашены страхом, а события нынешнего вечера так расшатали его психику, что было достаточно чего-то подобного, чтобы у Алекса от ужаса подкосились колени. Он поплыл вниз и как сквозь сон почувствовал, что рухнул на землю, прикоснувшись спиной к дереву. Неловко навалившись на него, Алекс отключился.

Проснулся он часа через четыре, от жуткого холода. Несмотря на то, что было уже начало апреля, земля ещё недостаточно прогрелась. Его трясло, ныли почки, зуб на зуб не попадал, тело было словно набито песком и ватой. Алекс не сразу смог подняться на ноги, сначала он просто повалился на бок и только после пяти минут борьбы с самим собой встал сперва на колени, а уже потом, опираясь на берёзку, попытался выпрямиться. На это тоже ушло время. Сказать, что ему было хреново, значило ничего не сказать.

Почему-то он сравнил себя с заржавевшим Жестяным Дровосеком, которого Дороти, кстати, нашла именно в лесу. После вчерашнего забега ноги превратились в два бетонных столба. Руки, до сих пор замотанные широким двухцветным тросом для буксировки мобильных, онемели и посинели от холода. Левая рука была в полтора раза толще правой, тупо ныла и на каждое прикосновение посылала сигналы острой, режущей боли. До сих пор болела шея в том месте, куда здоровяк Антоха воткнул электрошокер. Ребра стонали. Дико хотелось пить, спать и жить.

Вспомнив о страшной стене в лесу, Александр обернулся назад. Она никуда не исчезла, но в предрассветной мгле уже не выглядела так пугающе, как вчера. Действительно, над лесом возвышалась огромная вертикальная стена, метров сто в длину. Алекс обошёл её, но сзади она выглядела уже как

обычная покатая скала, с разбросанными там и сям огромными валунами. Они лежали друг на друге, создавая впечатление каменной кладки. Что это, творение человека или природы? И та, и другая версия выглядели правдоподобно. Спереди, там, где камни были плоскими, и как бы подогнанными друг к другу, это сооружение, действительно, выглядело неприступной стеной, построенной людьми, а с тыла можно было подняться по склону почти до самого верха даже со связанными руками, как по обычному холму.

Присев несколько раз, чтобы разогреть ноги, Алекс пошёл на приступ твердыни. Получилось это не сразу. Тело отказывалось двигаться, а вместо сосредоточенности на том, куда лучше ступать, в голове реверсом крутилась дворовая присказка: «Лучше нету красоты, чем пописать с высоты». Чуть не поскользнувшись на огромном полукруглом валуне, покрытом утренней влагой, Алекс наконец смог подняться на самую высокую точку, на которую можно было забраться в его положении. Будь у него развязаны руки, он бы мог залезть и повыше, но увы, не в этот раз.

Хотя и с этого места он мог рассмотреть, что справа, примерно в километре, пролегла широкая просека. В предрассветной тьме было сложно разобрать точно, но вроде бы там тянулась высоковольтная линия. Как река впадает в океан, так и линия электропередач должна была привести его к цивилизации. И Александр с облегчением вздохнул. Он приметил, что солнце брезжило по левую руку. Это значит, что у

него есть ориентир и ему уже не сбиться с проложенного курса. Стараясь держать свет слева от себя, он заковылял строго на юг. Казалось бы, вскоре все должно было закончиться, но не тут-то было.

Углубившись в лес метров на сто, он услышал громкий треск сучьев. Алекс остановился. Сначала было не так страшно, как накануне ночью, но он почувствовал, что засало под ложечкой. Надпочечники в очередной раз за последние часы выбросили в кровь порцию адреналина, содержание глюкозы резко выросло, и Алекс почувствовал прилив сил. Сердце забилося чаще, дыхание стало быстрее, мышцы переполнились глюкозой и кислородом, он снова вошёл в состояние «борись или беги». Но окончательное решение ещё не было принято.

И тут он услышал звук – глубокий, хриплый, низкий рёв. «Медведь», – пронеслось в голове у Алека, и он мгновенно ощутил, как в его организме просыпается ещё одна реакция на страх: синдром раздражённого кишечника, как учили их в ликее, или попросту «медвежья болезнь». Может быть, это был какой-то другой зверь, лось, например, но Александр представил себе голодного, злого медведя с облезлой шкурой, и коварный гормон панкреозимин начал вмешиваться в работу кишечного тракта. Воздух испортился моментально, хорошо хоть, что он стоял с подветренной стороны, иначе мишка бы его точно учуял.

А может и учуял, потому что треск повторился, и на этот

раз, как показалось Алеку, намного ближе. Не раздумывая, он выбрал вторую из двух возможностей, предлагаемых мозгом. Ни о каком «борись» речи уже не шло, только «беги», причём очень и очень быстро. Круто развернувшись и даже не подумав о том, что медведь легко может его догнать, Александр припустил со всей дури туда, куда глаза глядели. Куда только тяжесть в ногах делась?

Да никуда она не исчезла, оказывается, потому что через полкилометра запал кончился, с каждым шагом бежать становилось все труднее, но он, выдыхаясь всё больше, делал это до тех пор, пока, запнувшись за ветку, не рухнул на прошлогоднюю листву. И замер.

Мир вокруг него погрузился в тишину, прерываемую лишь сольной трелью какой-то ранней птахи. Беззвучно матерясь, Алек перевернулся с большой руки на спину, закрыл глаза и напряжённо вслушался предрассветный лес. Сил, чтобы встать, уже не было, оставалось только одно – лежать и слушать. Если медведь погнался за ним, то Алек пожелал бы только одного, чтобы все закончилось как можно скорее. Смерть? Пусть! Невозможно уже было выносить этот постоянный страх, преодолевать усталость, терпеть боль. Лучше умереть, провалиться в неизведанную яму вечного сна, чем снова и снова побеждать и проигрывать в этой безумной схватке с собственным организмом. Так думал он, готовясь к смерти или увечью.

Но ничего не происходило – и он просто лежал. Никто не

гнался за ним, ни одна живая душа не хотела его сожрать и выплюнуть. Чуть погода, кряхтя, Алекс еле встал на ноги, повернулся левым боком к солнечному свету и медленно побрёл сквозь пробуждающийся весенний лес. Все вокруг щебетало и радовалось весне, вокруг потного лица жужжала мошкара, из-под ног выскочил какой-то маленький зверёк, но Александр даже не обратил на него внимания. Его мысли напоминали бутерброд с жевательной резинкой вместо масла – вроде бы жуёшь что-то съедобное, но пережевать не можешь. Он устал так, как никогда до этого.

Через некоторое время Алекс вышел на просеку. Посмотрел налево. Потом направо. А куда идти-то? Где цивилизация? «Ай, будь что будет», – подумал он и побрёл на запад. Это уже потом, позже, он открыл карту местности и узнал, что, если бы он направился в обратном направлении, то вскоре вышел бы к старой, но ещё использующейся железной дороге с небольшой станцией. А так впереди его ждало почти двадцать пять километров до ближайшего союзного городка. Правда до него Александр так и не дошёл.

*

Солнце твердо встало над горизонтом и стало припекать спину, да так сердито, что пот покатился в три ручья. Снять чёрную кожаную куртку не было никакой возможности, это было понятно даже ежу, что преспокойно перебежал ему до-

рогу. Сломанная рука... про неё лучше вообще не стоит ничего рассказывать. Если бы Алексу предложили сейчас её ампутировать, чтобы больше не терпеть тупое тукающее нытье, иногда перемежающееся с острыми ударами, переносающимися резь из области запястья куда-то под ребра, то он, наверное, серьёзно бы задумался над этим вопросом. Потому что боль не затихала ни на минуту. Связанные руки можно было либо держать поднятыми к плечу, либо выставлять их перед собой. И так, и так было больно и неудобно. Горло настолько пересохло, что даже глотательные движение вызывали ощущение, словно по глотке водили наждачной бумагой. Язык превратился в сухой пенёк. Дико хотелось жрать. Но это была меньшая из бед, поэтому он старался не обращать внимания на чувство голода. Хотя с каждым часом это получалось все хуже. Хорошо, что ещё не было позывов в туалет – видимо, вся влага при погоне вышла.

Александр брёл по лесу вдоль просеки. Идти под палящим солнцем он уже не мог, а в лесу от зноя хоть немного спасали ещё редкие кроны деревьев. Он углубился чуть дальше в лес, потому что растительность там была гуще. Именно этого его и спасло.

Потому что внезапно он почувствовал лёгкий запах дыма. Не пожара или костра, а именно печного дыма. Алекс вздрогнул, принялся и стал медленно передвигаться на запах, стараясь не потерять этот еле ощутимый дух жизни. Кажалось, что он весь обратился в один большой обонятельный

рецептор, пытающийся не потерять след молекул сторевавшего дерева в густом коктейле лесных ароматов.

Вскоре он вышел на еле заметную тропинку, которая и привела его к добротной одноэтажной деревянной избе с высокой двухскатной крышей. Широкие бревна ещё не успели потемнеть, хотя и свежесрубленным дом тоже не казался. Над ним вился еле заметный дымок. Вокруг не было ни души.

Стараясь справиться с волнением, Александр поднялся по низкому крыльцу и постучал ногой в дверь. Никто не отозвался. Тогда он попытался толкнуть её плечом, но, кроме резкой боли в руке, тоже ничего не добился. Спустившись, Алекс обошёл дом вокруг. Два окна, занавешенных плотной тканью, поленница берёзовых дров в нескольких метрах, деревянный сарай, колода для колки дров – вот, пожалуй, и все, что смог заметить его уставший мозг.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – крикнул он несколько раз, но ответа, увы, так и не получил. Тогда он доковылял до двери, ссутулился, облокотился на неё спиной, сполз вниз на деревянный пол, прикрыл веки и исчез в забвении.

**

Александр захлебнулся от тошнотворного запаха жареного лука, спирта и открыл глаза. Он лежал на широкой скамье у стены, под головой топорщилась перьями жестковатая подушка, а сверху на нем пахла коровой короткая шу-

бейка. Его руки были развязаны, на левой была надета длинная, до локтя, прозрачная перчатка с отрезанными пальцами. Алекс узнал – это был фиксогель, которым лечили переломы. Его намазывали в несколько слоёв и за несколько часов он затвердевал снаружи до состояния камня. Фиксогель практически не был замечен и лечил переломы за две недели. Правый рукав был завернут до локтя, в сгибе, где пригрелась пахнущая спиртом ватка, немного жгло, как от укола. Пить не хотелось. Кто и когда успел о нем позаботиться, он не знал.

Рядом что-то шоркало и трещало, как будто водили лопаткой по раскалённой сковородке. Он поднял голову и заметил седого мужчину в коричневом свитере и синих джинсах. Тот склонился над дымящей плитой и, по всей видимости, был причиной лукового духа.

Приподнявшись на лавке, Алек скинул с себя полушубок и выдохнул. Голова после сна пока плохо соображала, но чувство благодарности к этому человеку уже переполняло его. Он оглянулся по сторонам и сипло выдавил пересохшим горлом то единственное, что можно было в этой ситуации: «Здравствуйте!».

– Очухался, скиталец? – сразу обернулся старик. Его узкое лицо с морщинами вокруг глаз обрамляла небольшая седоватая бородка, которой он дёрнул:

– Ты кого в таку глухомань в одной обутке забрался?

Александр непонимающе вытянул вперёд голову и помор-

гал глазами. Старик показал взглядом на ноги Алекса и тот обнаружил, что на нем всего один ботинок. Где потерял второй, он не помнил.

– Где я? – вместо ответа посмотрел он осоловевшими глазами на старика.

– В лесу, вместе с лосями и парой медведёв, – так же нейтрально ответил старик, заметно окая. – Ясно? А теперича моя чередa спрашивать. – Он отложил лопатку для жарки, снял фартук с каким-то гербом, вплотную подошёл к парню и скрестил руки на груди. – Ты кто такён бушь, паря?

– Я... Меня зовут Александр Церебраун, я из Ахеи, из Мессены, если быть точнее.

– Неблизко дело, – недоверчиво покачал головой старик. – А как в наши пикули забрёл?

– Да, так вышло..., – развёл руками Алекс, глядя снизу-вверх. Боль пронеслась по сломанной руке, но уже гораздо терпимее.

– А кого вышло то? – с любопытством отозвался старик.

– Да я и сам не знаю, – честно ответил Александр. – Подошли люди, избили, потащили в мобиль, повезли куда-то.

– А что за люди таки, мил человек? – прищурился старый.

– Не знаю я их, ни разу в жизни не видел! Может, из других кампусов, но не из нашего, точно. Знаю только, что одного зовут Тяпа.

Старик наморщил лоб и дважды отрицательно помотал головой.

– А второго звали Кашей, тоже помню, – добавил Александр.

– Как, звали? Кашей? – недоверчиво переспросил старик.

– Ага, Кашей! – кивнул скиталец. – Ну и имечко у него.

– Ты прям, как в сказке побывал, – усмехнулся дед.

– Только вот ничего сказочного я не заметил.

– Бабы-Яги там, случаем, не пробегало?

– Не, никакой бабы с ними не было.

– Да, с кем только не пересечёшься на своём пути, – непонятно протянул старый. – На кой ты им нужен то был, мил человек? Не так же просто тебя в мобилку запихали. Ась? Или темнишь ты?

Алекса захлестнула волна злости, он приложил правую руку к груди и заговорил, постукивая ей и постепенно повышая громкость со скоростью.

– Да не знаю я, дед! Я обычный магистр медицины, работаю в ликее, преподаю, иногда делаю операции. Вернее, ассистирую. Ясно? С чужими бабами не встречаюсь, если ты об этом! Даже не дрался уже лет пять! Я вообще ни к чему такому не причастен! Что тебе ещё сказать?! – его голос задрожал и чуть не сорвался на крик.

– Слышь чё, ты это, угомонись, паря! – выставил ладонь старик и окинул острым взглядом. – Кого возбужаешь то, как дикошарый, язви тя в душу?! Чё те, бес в задницу влез? Ты сам лучше мозгой пошеруди – я тут месяцами один живу, со мной токмо ружьишко для острастки, да топор, да нож,

да матушка природа. Вот с ней я всё время и балакаю. А человеческого-то обчения, почитай, и нету. И тут ты в одной чужне у моего порога нарисовался. Весь в рамках, изволоханный, культяпка поломата* (оборванный, грязный и сломана рука). Я тебя в дом заташил, руку починил, гидрогелем сквозь зубы впульнул, укол вона поставил. А ты ещё на меня же хайло и разеваешь, и хабалишь ишшо! В моём же доме! Совесть-то есть у тебя? – Старик серьёзно посмотрел ему прямо в душу, и Александр ясно осознал, что зря сорвался.

– Прости меня, дед, это нервы, – извиняющим тоном произнёс он, пытаясь объясниться. – Ты пойми. Я вчера пошёл к подруге своей, у неё день рождения был. И тут эти налетают, шокером шарахнули, я только в мобиле и очнулся. Считаю, на полном ходу из неё выскочил, руку вон поломал, потом почти сутки по лесу от них убегал. Нервы стали ни к чёрту за последний день. Причём, я ж ни в чём таком не виноват! Дед, ты...

– Погоди-ка, картошка-то! – всплеснул старик руками и побежал к плите. – Бушь картоху с луком? Голодный, поди.

– Пока не могу сказать, – отозвался Александр, чувствуя одновременно дикий голод и брезгливость к жареному луку. – А тебя как зовут, дед? Давай хоть познакомимся.

Старик молча пошебуршил в сковородке, потом, не торопясь, снова подошёл к Алексу и поглядел из-под бровей так, что тот поднялся под его острым взглядом. Старый протянул руку и, глядя в глаза, веско сказал:

– Зовут меня, мил человек, Ринат Мансурович. И лучше всего называть меня на вы, потому как старше я тебя годов на сорок, не мене. Не надо дед Ринат – не люблю фамильярностей, да и какой я тебе дед? Зови меня Ринат Мансурович, а фамилия моя тебе без надобностей. Понял? – с ударением на последний слог спросил старый. Это было сказано так веско и так строго, что Алекс без внутренних возражений принял эти условия.

– Все понятно, Ринат Мансурович. Извиняйте, если что не так говорил, ещё не отошёл я. Голова гудит. А меня зовут Александр, – второй раз представился он, сжимая крепкую руку старика. – Можно тоже без фамилии, у меня её хрен выговоришь.

– Да ты хохотач, – усмехнулся и оборвал рукопожатие Ринат Мансурович, направившись к плите. – Ну что, Шуран, можа, всё жа перекусишь?

– Шуран? – переспросил Алекс. – Что это за имя?

– А ты не знаешь что ли? У нас Александров завсегда Шуранами называли. Нормально слово, безо всякой подвохи, если что. Но, если не по нраву, то могу и по-другому.

– Не-не. Просто никогда такого не слышал раньше, – вежливо улыбнулся Шуран. – Мама звала меня Алекос, а все остальные называют просто – Алекс или Алек.

– У вас русских в полисе нет что ли? – Приподнял бровь Ринат Мансурович.

– Есть, конечно, но мало и в основном они в других фи-

лах живут. У нас в Асклепионской филе больше греков, чуть меньше турок и киприотов. Болгары, румыны, итальянцев большая диаспора, французы, египтяне есть, башкир ещё огромная семья, казахи, – как школьник перед учителем старательно вспоминал он. – Все хорошо говорят на двух языках, конфликтов нет...

– Лады. – Ринат Мансурович снова вернулся к плите и продолжил спокойным тоном учителя. – Слухай сюда тогда, мил человек, Алекс – это неверно. Алекс, по-нашему Алексей – означает «защитник», Андрос или Андрей – мужчина, али человек. То ись, имя Александрос или Александр можно перебрить как защитник людской. Это более крепкое имя, чем просто Алекс, понял? – опять с ударением на втором слоге вымолвил Ринат Мансурович. – Короче, Шуран, гуси в гусли, бушь картоху с луком, или, может, пельмени тебе отварить, заточишь?

– О, пельмени это самое то! – обрадовался молодой человек смене темы и появлению более вкусного блюда в меню.

– Давай, сварганю тебе пельменьев. Так, и ещё..., – старик критически глянул на одежду Шурана, – тебе бы перерядиться, мил человек. – Ринат Мансурович направился к старому комоду, пошерудил в нем и кинул Александру тёплую кофту, да старые, но чистые джинсы. – Сымай пока манатки, вот тебе моя одёжка, чистая, поглаженная. А то твоей теперича только полы подтирать. Надеть-то сможёшь?

Получив утвердительный ответ, и ещё раз взглянув на из-

мождѐнное лицо путника, старик вздохнул:

– Слышь-ко, горемычный, у меня водочка есть, говорят, от нервы помогают? Бушь?

– Да, давайте, Ринат Мансурович немного, граммов пять-десять. Не откажусь, – разлился в улыбке счастливый Санѐк, благодарно переодеваясь.

– Да хоть сто пият, – легко отозвался Ринат Мансурович.

– А вы то хоть будете? – спохватился Шуран.

– За компанию тожа можа, тяпну рюмочку. Давай, пере-ряжайся и айда ись* (переодевайся и иди кушать).

*

Через час, выпив больше полбутылки на двоих и изрядно опьянев, Шуран выкладывал старику все свои приключения. Рассказал про то, как его пытались заманить хитростью, о том, как он нос сломал длинному, как вылетел на полном ходу из мобиля и потом бежал по лесу. Шѐпотом поведал ему и про Аттала, который закапывает живых людей в землю. Чувствуя прилив доверия к старому человеку, спасшему его, он делился всеми мыслями, тревогой, страхом, неуверенностью, сопровождавшим его по дороге, постепенно облегчая свою душу. Ринат Мансурович внимательно слушал рассказ, цокая и качая головой. В конце истории он глубоко вздохнул и произнѐс:

– Вот ты хапнул горя, мил человек. Так за что, гришь*

(говоришь), они тебя?

– Да ни за что, в том то и дело! Я в ликее преподаю, иногда на конференциях выступаю, – весомо, с гордостью добавил Шуран заплетающимся языком. – Ничего не крал, не убивал, ни в каких разборках не участвовал, – не смог выговорить он и старательно повторил, – не участво-вал. Сколько думал, так ни к чему и не пришёл, – подвёл он итог. – Хрен его разберёт, что этим сукам от меня понадобилось. Вы же мне верите? – вдруг спросил он и посмотрел пьяными глазами на Рината Мансуровича.

Тот ответил не сразу.

– Очень, Шуран, странна история. Верю аль не верю, это токмо время скажет.

Воцарилось неловкое молчание, прерываемое швырканием чая – Ринат Мансурович запарил какую-то лесную травку. Обиженный Шуран в тишине доел последний пельмень и дрогнувшим голосом решился на вопрос, который его давно интересовал:

– Скажите, Ринат Мансурович, а вы меня сможете вывести из леса, а? Мне домой нужно, в Мессену. Мне на работу завтра, или послезавтра – я что-то уже запутался в днях.

– Ты, того, не спеши особо, – поставил старик чашку на стол. – Вывести то я тебя выведу, но токмо не прям щас. Пусть твоё барахлишко сначала, как следоват, высохнет, я печку на ночь растоплю. Отойти тебе надо, силов набраться, а то ты вона как ухайдакался. Сегодня ещё у меня переқан-

туешься, а завтра в вечер дома бушь, а то уже темнѣхонько, куды на ночь глядя? Под балдой то!* (Выпивший то!) Да и я с тобою вместе! На завтрась давай? Договор?

– Договор, – с облегчением вздохнул Алекс, сам не желая снова лезть в сгущающиеся сумерки.

Ринат Мансурович допил чай, поставил чашку в блюдце, немного помолчал, и, глядя в осоловевшие глаза Шурана, опёрся на руки, серьёзно спросил:

– Расскажи хоть о себе, мил человек? Интересно тебя послушать, чем живёшь, кого робишь?

– Так я, Ринат Мансурович, говорил же, работаю в ликее, магистр, ассистент хирурга. Преподаю студентам общую теорию нейрологии. Иногда сам профессор Гавриловский приезжает из Аквилеи, читает свежие примеры практики. Операции несложные проводим, но тоже редко. Гавриловский известный учёный, но у нас бывает нечасто. Все же самое современное оборудование в Аквилее, ну, и он, соответственно тоже там. А я тут, пытаюсь научить два десятка оболтусов, ассистирую при операциях, мышек недавно вот купили-скинулись, теперь хоть опыты немного проводим. Денег ни на что не хватает, наука то у нас союзная, не полисная. А они в свои центры вкладывают денежки, а наши по остаточному принципу, значит...

– Эт ясно-понятно, денег всем всегда не хватат, кончай жалиться, – махнул рукой Ринат Мансурович, – я про другое грю, ты то сам куды движешься, ты мне так и не прояснил?

– Да как не ответил-то? Ассистент хирурга, магистр нейрологии... – непонимающе промямлил Алек.

– Я тебя про иное пытаю, – отрубил Ринат Мансурович, – куды идёшь-то ты?

– Никуда не иду, – помотал головой парень. – Вы в каком смысле спрашиваете?

– Никого не понимаешь ты, что за человек?! Таку просту вещьцу смикитить не могёшь? Куды тебе ещё проще объяснить? – развёл руками старик и нашёлся. – Смотри, Шуран, пример, пошёл ты в булушну что-то купить. Потопал по дороге прямо, потом повернул вправо...

– У нас налево.

– Я вообще грю* (говорю), в принципе. Завернул оглобли, сунулся в магаз, прошёл мимо, значит, кассы к полке, положил в котомку, допустим, буханку, молоко и колбасу, вышел, встретил шапошного знакомца, пожал ему пятюню и потыкал обратно. Дома налил молочишка, сделал бутик, положил колбасу на язык и съел. Если покумекать мозгой, то ты знал – для чего и куды тебе следоват идти. То ись, чтоб скушать бутик с молоком, ты смикитил план и провернулся, зацепив по пути случайку. А вот если всё то же само, но только в размахе всей жизни? Я тебя об том и мурыжу – ты куды идёшь-то?

Выпивший Шуран ничего не понимал. Вот, правда, вопрос стрика показался ему белибердой. Какой магаз? Какая колбаса? Но спрашивать это было неудобно.

– А что за случайность вы имели в виду, Ринат Мансурович? – пожевав губы, ответил он вопросом на вопрос. Старик хмыкнул.

– Да ты ловкий тип, мил человек, будь то шамела – я тебе вопрос, а ты мне обратку. Ну да ладно, давай я ишчо раз втолкую, раз ты такой дубоватый. Идя по дороге в магаз, то твердо знашь, куда и зачем шлёпаш. А теперь прикинь к носу, что ты вышел с дому и не шарить, куды шагать. Куды в таком случае ты придёшь? Не понятно ведь?

– Точно! Совсем нет.

– И для чего ты идёшь?

– Для чего? Тоже не ясно.

– Ты вот нынче где бродил?

– В лесу. Всю ночь, и весь день.

– Куды ты, Шуран, шёл в том лесу?

– Непонятно. Хотя нет, потом придумал.

– Вот, а пока не знаешь, никуда не придёшь.

– Я потом вдоль линии высоковольтной двинул.

– Сызнова тебе толкую – когда не знашь, куды идти – не знамо, куда и придёшь. Верней всего – никуда. Тут уж как сvezёт. Вот тогда в твою жизнь и проходят случайки. Когда хороши, а когда и не шибко. Понял? А теперь ответь на вопрос – куда ты идёшь? Да не мне, а себе! И не спеши с ответом.

Старик встал и начал убирать со стола. Шуран морщил лоб. Он вроде бы что-то понял, но весьма смутно. И, чтобы побороть это неприятное чувство, решил сменить тему.

– Ринат Мансурович, а вы лесник тут?

– Кого? – прищурился хозяин дома, и тут же утвердительно кивнул. – Да, что-то навроде лесника.

– А чем тут занимаетесь? Скучно же всё время одному, – покрутил Алекс ложкой.

– Кому скучно, кому нет. – Поставил Ринат Мансурович тарелки в раковину. – Книгу пишу.

– О! – удивился Шуран. – А про что книга будет?

– Про спрос. Кто спросит, тому в нос, – добродушно рассмеялся старик. – Так. Историческа книга.

– Интересно, должно быть. А у меня с историей как-то не срослось ещё со школы. Учителем был математик, он предмет плохо знал и преподавал его, естественно, тоже плохо.

– Понятно всё с тобой, – подавил смешок Ринат Мансурович. – А после школы книги-то не разрешают у вас отоваривать?

– Сказать честно?! – словно не слыша вопрос, продолжил Алек. – Этот математик – он историю не любил, и нас не научил любить. Я, сейчас уже как преподаватель, так могу сказать – главное, это заинтересовать человека и тогда он сам будет задавать вопросы. Успевай только отвечать. А в противном случае получится, как у меня. Нет, ну, то есть я знаю

историю, но очень поверхностно. Без любви.

– Жалко малёха, – старик налил Шурану большую кружку пахучего травяного чая и снова сел за стол, – ведь история, как наука – это кладёзь человеческих премудростей, да ещё и весьма отличных от обычной жизни трафаретной. Вот, был случай, к примеру. Хошь, расскажу? Всего малюсеньку строчку он занимает во всемирной истории, а какой знатный! Хошь?

– Ага, – заинтересованно кивнул Шуран и отхлебнул чаёк.

– Слухай. – Ринат Мансурович поудобнее устроился и начал. – Однажды, две тыщи лет назад, ещё зелёный Юлий Цезарь плыл по Средиземному морю учиться премудростям. Годов двадцать ему было или где-то так. В Эгейском море их корабль догнали пираты. А он был из родовитой семьи, и потому они на месте не кончили, а запросили за его выкуп. Примерно вагон и маленьку тележка золота. А он им знашь кого ответил?

– Нет, – пьяненько покачал головой Алекс. – Сказал, что он бесценный?

– А он им и грит, мол, вы шибко с дэшку за меня запросили, мне перед людьми будет зазорно. Вы, грит, увеличьте сумму в два или три раза, не помню ужo сейчас, и тогда будет ровно – полюбас! Пираты сперва аж обурели, а потом, покумекали и ерепениться не стали. Наоборот, отнеслись с почётом.

Я скажу тебе, Шуран, что в те лихи времена берег Эгей-

ского моря был прибежищем басмачей всяких мастей. Острова, бухточки, заливы – настоящие ебень, попробуй отыщи иголку среди сена, где там злодеи скрываются? Вот в таких местах они и строили свои сарайки на песке – тепло, влажно, палку кинул, вот те и дупло, где ночевать. В такой дупле Цезарь и жил с ними почти месяц. Рыбалил, в карты играл, похлёбку ел, дурачился, баб тискал, в общем, стал своим среди чужих. Только они пираты, а Юлий – пленник, и этого, мил человек, он никогда не размыкал в голове. Не раз, выпив вина, говаривал, что когда калым заплатят и его отпустят, то он провернётся и всех их распнёт на крестах. Те только смеялись с этих слов.

Через како-то время привезли золото, довольны пираты раскланялись, и Цезарь отчалил домой. Только, когда он добрался до ближнего римского порта, то сразу нанял флот и отправился в обратку. Лиходеи морские, радуясь богатой плате, вина набузгались и гулеванили вовсю, а тут Юлий Цезарь с легионерами нарисовался. Всех повязали, конечно. Так он и деньги выкупные взад вернул и ишчо заработал, потому как награбленно пиратами себе прибарахлил, а их покарал на крестах, как и сулил. В Риме тогда всех бандюг распинали. Спартак, кстати, примерно в те же годы был тако же казнён.

Ринат Мансурович долил себе в кружку остатки чая из заварочника и внимательно посмотрел на Шурана.

– И вот всё то, про что я тебе шарманку кручу, занимает

одну масеньку строчку в истории людской, – он показал кусочек мизинца. – Это всего лишь часть жизни одного человека, страница, которую ты не узришь даже в программе схолы, а зря! Потому как за следующим листом будут спрятаны строки ещё более лепые, чем те, про что я тебе только что поведал. Был бы умным, сказал бы, что это всего лишь прелюдия к деяниям человека, которые переломили весь античный мир. Но это ужо, как чешут языками, совсем друга эпопея.

– Да, классный рассказ. Я даже не знал такого, я вообще думал, что Цезарь – это салат, – Шуран устало поморгал пьяными глазами.

– Ага, а Наполеон – торт, – в шутку сплюнул Ринат Мансурович и замолчал. Но вскоре поднял указательный палец вверх и продолжил:

– Вообще история – она учит. И даже то, что я сейчас поведал, это повод для тебя пошевелить мозгой, покумекать для себя. Обмикить этот сказ про Цезаря к какому решению он тебя подведёт? Как думаешь?

– Распятъ.

– Да хоть раз шесть. Кого распятъ то?

– А тех, кто меня схватил... Кончая этого, Тяпу. Козлы они. – Медленно проговорил Санёк. Его глаза уже слипались, видно, накопившаяся усталость ещё не полностью прошла. Он сам не заметил, как стал клевать носом и тогда Ринат Мансурович предложил ему двигать на боковую.

Он отдал парню свой добротный матрас, себе же подстелил несколько толстых половиков. И через несколько минут Шуран уже похрапывал на широкой скамье, но на этот раз раздевшись, на матрасе и под одеялом. Спал он так крепко, что не заметил, как Ринат Мансурович встал с кровати, протиснулся в небольшую комнатку за шторкой и дёрнул за верёвочку. Сверху бесшумно спустилась удобная лестница. Ринат Мансурович бросил острый взгляд на парня, а затем поднялся наверх, в мансарду. Лестница так же бесшумно поднялась за ним следом.

**

Утро прошло в молчании. Шуран не любил болтать по утрам, особенно с похмелья, и старик, по всей видимости, в этом был с ним схож. Облились холодной водой на улице, посмеялись над тем, как Алекс нелепо пытался сполоснуться, держа сломанную руку над собою, перекусили чаем с бутербродами. «Интересно, а где он берёт хлеб, масло и ветчину?» – закралась в голову мысль и растворилась в утреннем хаосе мыслей. Собирались они недолго. Гость еле натянул порядком изгвозданные, но целые и сухие штаны в клёш с разводами грязи. Ринат Мансурович подарил парню один из своих свитеров, коих у него было достаточно. Так и сказал: «Бери, тебе нужнее». Ещё ему достались резиновые сапоги старика, старые, но довольно крепкие. Сверху он надел свою

изрядно порванную, но вполне ещё живую кожаную куртку. Разорванный рукав пришлось разрезать, потому что опухшая рука с намотанной на неё шиной не пролезала.

Вышли они засветло, часов в семь. Апрельский ветерок был свеж, даже холоден. По оврагам и овражкам бежали многочисленные ручейки, в низинах ещё кое-где дотаивал последний снег, а вокруг уже всюю зеленел свежий уральский лес.

Шли споро. За спиной у старика болталось бадажок да ружьишко. «Медведи тут ходят. Два самца после спячки. Голодные, злые», – пояснил он, прихватив винтовку у выхода. Первое время топали все так же, молча. Потом Шуран не выдержал:

– Ринат Мансурович, простите, что интересуюсь, но все же, о чем книгу то пишете?

Старик долго молчал. Шуран уже подумал было, что зря спросил, ведь вчера на этот вопрос он так и не ответил. Но тут Ринат Мансурович произнёс:

– Про Потоп, мил человек.

– Про Великий Потоп?! – обрадовался и удивился парень. – Ой, это очень интересно. Про обе волны?

– Три, – перелез через поваленное дерево Ринат Мансурович.

– Что три? – перепрыгнул за ним следом Шуран.

– Я чаю, что их три, – он показал соответствующее количество пальцев.

– Ух ты, а я и не знал! Нас в школе учили, что было две волны. После первой уровень океана поднялся на четыре метра, а после второй...

– Три метра восемьдесят девять сантиметров был первый подъем воды, который медленно тянулся целых два года, – перебил его старик. Судя по довольному тону, Ринат Мансурович говорил на свою излюбленную тему. – А Вторая волна схоронила половину люду земного; за четыре месяца беспросветного паводка вода поднялась почитай на тридцать пять за лишком метров, потом небольшой стопарь на пике, уханье вниз почти на два метра и теперешнее затухание. Считается, что уже накрепко и надолго, но я в своей книге хочу донести, что нужно поджидать третью. И ныне мы, возможно, живём в переломный момент!

– Третью? Ничего себе! – не поверил Шуран, но вида не показал. – А можете, хотя бы в общих чертах, про что конкретно будете писать?

– Сперва о причинах, конечно. У меня, вишь ли, были знакомые геологи и климатологи, которы мне обстоятельно так обсказали, по полочкам. Один даже был в Антарктиде, когда всё полетело к ебене фене, прикинь к носу?! Он тогда жил на «Прогрессе», готовил новый поход в центр континента, на исследовательску станцию «Восток». Должны были какое-то озеро там особым образом прознавать. Так он еле спасся, чуть ли не за день до извержения вулкана на ближайшем самолёте свистанули на большу землю, сложно вос-

паление бронхов он там подхватил. Представляй, как свезло? Так что он мне много интересного трепалом раструбил. Жаль того, что я тогда не брал на карандаш, так что эту часть книги по памяти пришлось писать.

Они перешагнули через упавшее дерево.

– О последствиях отдельно большую главу вот недавно докончил. Самая, знашь, тяжкая часть, высадная, тоже много историй из первых рук. Товарищ мой по Индии кочевал, ох и назырился же он. Бангладеш когда под воду ушёл, там, почитай, сто миллионов человек зараз потонуло. Сто миллионов, отобрази мозгой?! Страна нищая, спасти некому. К океану было нельзя подойти, грит, на многие километры вонизма стояла от зачирвивевших тел. А в Китае? А в Германии! А в Бельгии с Голландией! А в Англии! А в Америке что творилось? Ты-то того не застал, а я хорошо помню. Весь мир тогда словно запаршивел – жратвы нет, жилья нет, ничего нет, все под воду ушло. Да и у нас чай не лучше было. Что Питер, что Ростов, что Новгород, что я уж про мелки города молчу. Питер-то ладно, там хоть успели людей, и даже музеи вывезти, ещё во время Первой волны. А в Ростове с Краснодаром? Утром были миллионы людей – вечером никого не стало. Тяжко писать об этом, мил человек, – старик глубоко вздохнул, и долгое время шёл молча.

– Ринат Мансурович, а о полисах наших?

– Конечно! А как? Я же сюда причапал в самом начале, исчо когда Аквилея только зачиналась!

– Ого! – вдруг удивился и даже восхитился Ринатом Мансуровичем Шуран. – Вы видели зарождение полисов, вы хотите сказать?

– Да, я и не такое видал. Я, мил человек, много интересно могу обсказать, много, – ухмыльнулся сам себе старик. – Об этом и пишу!

– Ого! Скажите, а о чём прямо сейчас? Простите за любопытство, если что, но это действительно интересно. Очень интересно! – у Шурана даже загорелись глаза.

– Нынче... нынче я перешёл к главе про «путинку», – после недолгого молчания ответил Ринат Мансурович. – Я ж неплохо ведаю, как она зачиналась. Корень, первые шаги, застройку и сам процесс, и большу политику. Вот про это всё! Как она тяжело проходила вначале, как спасла десятки миллионов людей, как стала главной рубловаркой Союза...

– Простите, что перебиваю, со всем уважением, но я, к своему стыду, даже не знаю этого, – даже приостановился Алекс, – мы как-то её в ликее не особенно изучали, у нас же сами знаете, усиленное изучение собственной истории. Историю России мы мало проходим, только начиная с Союза, с того периода, как на её территории появились первые полисы. Поэтому о «путинке», как вы её называете...

– А вы чего, не так, а иначе кличете? – удивился и даже обернулся назад старик.

– Нет, у нас она просто – Союзная трасса «Путь», – обошёл через колючий кустарник Шуран.

После очередного непродолжительного молчания Ринат Мансурович взвешенно высказал своё мнение:

– «Путь», конечно, хорошо название, но у нашего брата «путинка» в ходу.

– Ринат Мансурович, простите, а почему вы сказали, что «путинка» спасла десятки миллионов?

– Ну, так, а как, мил человек? Когда Первая волна хлестанула, «путинка» люду-то сколько вывезла? Мильоны. А во время Второй волны? Там самая населённая часть Китая под воду ушла, Крым вон за ночь островом стал. Робили без устатку в три смены, двадцать четыре часа в сутки. Вас что, этому не учат что ли?

– Нет, нас учат, что Союз пустил на свою землю переселенцев-потопчан, чтобы основать полисы, и добирались они сюда по «Пути». Вот и всё. Нет, я знаю, конечно, что ещё до Потопа власти придумали идею создать уникальный путепровод, соединяющий континент...

– Да не! – отмахнулся Ринат Мансурович. – Не так все было! Это нынче мелют, мол «путинка» возникла, как итог мудрой политики, ля-ля-два ноля... А тогда как срослось на самом деле? Просто в один прекрасный момент европейски и азиатски страны не стали покупать у России нефть. Забили в одну годину; а вскорости и на газ туда ж. Чья именно была задумка, нынче уже доподлинно не обскажешь, хоть я и силился. Можа и ничья, просто стало незачем; как-то так изобрелось, что почти весь мир за сколько-то годов перешел

на новые ресурсы, а мы остались ни с чем и ни о чём.

В общем, за те годы хозяйство страны так согнулось, что не разогнуть. Бунты начались в стране, и в центре, и на юге, у нас машину губернатора камнями расшатали, слышал поди этот сказ, нет? Нет?! Обурели ваши учителя, и кого только в школах ваших обучают, ежели вы таких пустяшных вещей не знаете? Я малой был, но помню, как у нас на Урале у владельца универмага хату сожгли за то, что цены на еду взвинтил. Сгорел вместе с семьёй, что ты? И никто не пожалел! Вот когда посыпалась вся шелуха по границам, тогда и вызрела окончательно национальная идея? Знаешь, какая?

– Какая?

– Поскорее свалить из России – вот наша национальная идея. Я тебе так скажу, Шуран, страна была на волоске! В общем, мил человек, время было тяжкое, народу жилось плохо.

Рассказчик глубоко вздохнул и уже с другой интонацией продолжил.

– Как всегда, спасло нас чудо. Где-то в те времена, за несколько годов до потопа, китайцы закинули удочку о крупном проекте, мол, дайте нам возможность построить жэдэшку-ширококолейку* (ширококолейную железную дорогу) от Китая до Германии. Скорость тогда была не така, как ныне – всего пятьсот-шестьсот километров в час. Но реклама «От Пекина до Берлина за один день» везде вертелась.

Тут наши скумекали, что поток людской меж Западной Европой и Восточной Азией никак не привязан к ситуа-

ции стране. То ись можно было просто дать связать крупнейшие цивилизации планеты каналом сообщения и наживать на этом пузо. Главное, тогда не прошляпили и ухватили суть – чем больше торгового и пассажирского трафика потуда-посюда, тем больше возможностей. Чичас погляди сам – эко-туры в Сибири, рай на Фракийке, каналы Аквилеи, Горный Алтай; сплавы, походы, экотуризм, дневные остановки – прикинь сюда купеческо дело, прибавь перевозки грузов, пошлины за транзит – всё несёт благо и мир между культурами. Тогда, конечно, о таком даже и не мечтали.

Шуран внимательно внимал, а Ринат Мансурович пригладил бородку и, всплеснув рукой, повернул.

– Потом наши китайцам воткнули обратку. Грят им, мол, ладим дорогу обоюдно, расходуем общи мощи, но уважаемый Китай, как сотоварищ, будет только до Уральских гор, хотя и это, конечно, нехилая земля. Китайцы и так и сяк, но Россию все равно не объедешь – южнее тогда полный хаос, да и сейчас не лепей – и руками хлопнулись. Потом наши законтачились уже с немцами и продолжили ваять путь на пару от Урала аккурат до Берлина. Назвали это «Путь», народ сразу переиначил в «путинку», и по ней начали летать вагоны. Опыта да знаний набрались и там, и там. Этот был первый путь, шарись что-то в этом? Нынче он зовётся «синяя линия» или «промка». Проходит по малолюдным землям, чтобы ничего не мешало высокой скорости. . . , да ты сам знашь это, кого я распинаюсь?

Короче горя, потом смекнули, что чисто для пассажиров можно заварганить отдельную белую ветку, узлы которой смыкались бы в больших городах с богатой историей и культурой, чтобы рубли в провинцию нести. Упор сделали, ну вот как сейчас, на удобстве. Прикрутили хорошо, кликнули спецов со всего мира, затеяли отсев, и, в общем, вышло баско. Можете кое-где и вызываете напроём, но, утки в дудки, всё нормально. Тебе как? Ну вот, мне тоже нравится. Семь лет петкались, но сделали сами и в другие страны тянуть пошли. Страна более-менее начала выбираться из задницы. Тогда ещё принялись было строить туристическую зелёную ветку, и тут навалилась хмарь – Первая волна.

Конечно, сразу переткнулись сначала на спасение людей, потом на стройку. Нас-то не сильно задело. Да Геркулесовы Столбы с помощью «путинки» построили... зряшно или незряшно, нынче тяжело судить. Спасла ли дамба людей, или больше погубила – бесконечно можно языком перетирать. Давай о другом.

После Первой волны всё с ног на голову перевернулось. Европа хиреть начала не потому, что она потопла частями, а от того, что заледеневать начала вскорости. Это сейчас там чистая Сибирь, а тогда всё только начиналось, и жить ещё можно было. Ветров таких, как нынче, не бывало. А у нас наоборот, теплеть начало. Там всё рушилось и мёрзло, а у нас «путинка» работала, деньги приносила, да ещё и тепло. Опять перекосяк нарисовался, вроде как все страны запар-

шивели, одна Россия в плюсах. Конфликты, язвы тебя в душу начались!

Только вроде, за пару годов маленько с ними сладились, как Вторая волна. И тут полный пиздец! По-другому и не сможешь сматериться! И вот, сначала все силы кинули на западну Европу, Нидердланды, правда, не успели нормально уберечь, еле немцев-то вытащили с французами. В Индии и рядом с ней не было «путинки» – так там почти сто пяст мильёнов полегло в первые же недели, кто от воды, кто от голода. В Китае, даже с их мощными каналами, и то триста мильёнов смертей. У нас все вроде сначала было нормально, Питер-то успели ещё в первую волну перевезти, это то знашь?

– И книги читал и фильм смотрел!

– Знашь? Ну, хоть что-то! А потом прорыв Геркулесовых Столбов, и всё... – Ринат Мансурович всплеснул руками. – Сколько люду там утопло, это же не описать. Вот и работала несколько лет «путинка» на износ. И полисы стали тогда возникать, и Союз создали, и я сюда приехал. Об этом книгу и буду писать. О том, что мир меняется, всё меняется, а люди остаются прежними.

Старик покашлял.

– Я, правда, этот самый момент не застал..., – добавил он горестно.

– А вы где были? – спросил уже порядком запыхавшийся парень.

– Где я был, там меня уже нет. – Отрезал Ринат Мансурович, явно не желавший заострять на этом тему. И замолчал. Молчал долго, а потом, пожевав губами, продолжил, – В глухой одиночке сидел.

– Ого! А за что вас? – Сразу же округлил глаза Алекс.

– Толковать о том не будем, – мотнул головой старик. – Скажу токмо, что именно тогда же суки ввели расправу «по своему желанию», это то ты знашь? Нет?! Вас и такому не учат? Ну, Шуран, это вообще ни в каки ворота уже! Что у вас за обучения такая позорная? Тада слухай пуще. За некоторые проступки людей стали приговаривать к пожизненному заключению в глухой одиночке. А знашь, что такое глуха одиночка? Это, мил человек, когда ты годами сидишь в серой хате два на четыре и никого не вишь, и ничего не слышь. С крохотным окном в замкнутом периметре. А камерека такая, знашь, глазу не за что зацепиться. Несколько раз в день в кормушке появляются еда сверху или уборна снизу, по времени. За плохое поведение снижают кислород в камере. Ни время не знашь, ни год. Бошка кипит уже на вторые сутки, а что говорить, когда пройдёт год, али два, али... – Рината Мансуровича даже передёрнуло от воспоминаний. – Да ладно, не о том болтанка! Так вот, я про то, что тогда и появилась «смерть по желанию» – это када суждённый сам выби- рат, когда расстаться с жизнью.

– Про глухую одиночку, я, конечно же слышал, а вот о смерти по желанию в первый раз! – быстро прервал его Шу-

ран.

– Что такое смерть по желанию? Хорошо, что нынче её уж нет. А так... Когда человек долго сидит и готов на стену лезти, то он сам по своей хотелке имеет право потребовать себе смерти. Многие так и делали – кто через три месяца, кто через год, а кто-то и на следующий день! Я тоже не раз кумекал про то, чтобы пойти на это дело.

Алекс изумлённо расширил глаза:

– И что же вас удержало?

Ринат Мансурович чуть задумался и легонько кивнул головой:

– Книги.

– Книги?

– Да. Однажды мне стали давать книги. Когда ты не знаешь, куда голову свою деть, чтобы с ума не свихнуться, то книга для тебя это спасение. Каждая буква – блаженство неземное, каждое слово – целебный настой, каждая мысль – рай обрётённый. Тело в клети, а мысль на свободе, вот что это. А ты, вообще, кстати, знаешь, что такое книга в широком смысле?

– Что? – заинтересовался Шуран.

– Вот прикинь к носу. Один человек всю жись шерудит мозгой, делат кого-то, опыта набирается, ума. А потом раз – и пишет книгу. А другому человеку уже не надо через ту же граблю проходить, он просто берёт и читат. И вот то, на что первый потратил всю жизнь, второй за пару дней узнат. Вот я так же хочу сделать.

– Знаете, Ринат Мансурович, я с удовольствием её прочитаю! Прямо ждать буду вашей книги, – запрыгал по кочкам Шуран.

– Добро, подпишу тебе даже, – довольно рассмеялся Ринат Мансурович. – Погодь, я отолью. А ты иди, с тропинки не сходи только.

Старый немного отстал, а Шуран не спеша побрёл по тропе. Ринат Мансурович догнал его через пару минут и что-то неразборчиво произнёс.

– А? – обернулся скиталец, не сбавляя шаг, и в тот же миг по грудь ухнул в какую-то яму. Благо, что она была сухая. В горло сразу забились земля, глаза запершило пылью и прелыми листьями, паутина налипла на лицо.

– Ну что ты, как слуга народов какой-то! Грю же, осторожно, яма тут! – подбежал старый и протянул ему руку, помогая выбираться. – Нельзя же идти вперёд, глядя назад! Запомни!

– Что запомнить? – кряхтя, переспросил Санёк, вылезая из ямы.

– Нельзя, грю, идти вперёд, глядя назад! Под ноги нужно смотреть, а не рот разевать.

– Ага! Да я так, задумался... А что это такое, могила какая-то?

Яма и правда была похожа на неглубокую могилу.

– Овраг это, – буркнул старик и побрёл дальше. – Двигай за мной по пятам. Уже на секунду нельзя отпустить, чтобы ты куда-нибудь не буркнулся. Не отставай, и это, давай по-

слушам тишину, обдумать мне кой чего надо.

Ринат Мансурович перестал говорить, и достаточно долго они шли молча. Старик, щурясь и что-то бормоча под нос, а Шуран, отряхивая брюки и вытирая пот со лба. Топать по весеннему лесу два дня подряд – сомнительное удовольствие. Организм старательно потел, сердце колотилось, в голове крутилась одна и та же фраза: «Нельзя идти вперёд, глядя назад».

Вдруг Алекс вздрогнул – недалеко в лесу громко закаркала ворона – три раза, потом ещё два. Старый замер, выждал секунду и неожиданно заухал совой. Да так похоже! А ворона ответила двойным карканьем, и все стихло. Ничего не объясняя, Ринат Мансурович направился дальше и вскоре сообщил, что им нужно повернуть возле этой старой сосны с тремя параллельно растущими ветвями, похожими на вилку. Пройдя минут пять, паренёк внезапно увидел высокий трёхметровый забор с коваными штырями на самом верху. Он как бы выныривал из лесной глуши, и издалека его вряд ли можно было заметить. Создавалось впечатление, что лес становился гуще, возможно, деревья специально так часто насадили, чтобы скрыть забор. Возле огромных, широких кустов малины скрывался небольшой проход, который вёл в густой ельник, а за ёлками пряталась низенькая, еле заметная дверь. Ринат Мансурович вытащил из-за пазухи шнурок, на котором висел трёхгранный ключ. Он вставил его в небольшую щель между тремя кирпичами, надавил, и дверь тихо пода-

лась вперёд. Старик пригнулся и прошёл внутрь. Александр последовал за ним, нырнул в проём и вынырнул в сказке.

Сказка

Перед ними расстилался парк, с беседкой, озерцом и мостиком над ним, с извилистой каменной дорожкой, временами переходящей под уютный тенёк аллеи заморских деревьев с узкими кронами. Через пару сотен метров рошица резко оборвалась, открывая великолепную картину с массивным тёмно-серым деревянным домом посреди чудесного пейзажа. Рядом высились ещё какие-то постройки, издали доносился шум пилы, и все это напоминало весьма зажиточное подворье. Не хватало только бегающих крепостных.

Немного пройдя вперёд, гости завернули за угол и оказались на заднем дворе огромного терема с весьма нестандартной рубкой – не «в лапу», как принято, а иначе – с большими промежутками между далёко выступающими венцами. В центре площадки, за домом, на постаменте стояла позолоченная статуя коня. Солнце сияло высоко в голубом небе, и поэтому статуя переливалась и горела огнём.

Тем временем в правом флигеле дома приоткрылась одна из трёх дверей, ведущих сюда, во внутренний двор, и навстречу им вышел крепкий парень средних лет, в чёрном военном берете, с прищуренными глазами и поцарапанным возле глаза лицом. Ринат Мансурович подал руку для рукопожатия: «Здорова, Валера!». Тот спокойно, но учтиво пожал её и поздоровался.

– Со мной, – небрежно показал Ринат Мансурович на Алекса.

Валера критически оглядел спутника, молча кивнув головой.

– Где будку поранил? – мотнул головой старик на царапину.

– Да это так, бандитская пуля, – уважительно произнёс боец.

– У себя он? – задержался старик возле двери, потянув ручку.

– Хозяин никуда не выходил. – Лаконично отозвался мужчина.

– Давай, заходи, – открыл дверь Ринат Мансурович, жестом пропуская парня вперёд себя. Сделав шаг в полутёмное помещение, тот понял, что попал в кабинет – справа стоял книжный шкаф, с потолка свисала люстра, слева горел и грел камин за отлично вычищенной стеклянной дверцей. Посреди комнаты расправил плечи широкий стол, а перед ним, спинками к вошедшим, уперлись в пол два деревянных кресла. В одном из них кто-то сидел. Самого человека не было видно, выдавали только руки на подлокотниках.

За столом солидно восседал импозантный джентльмен с седыми висками – весь его вид выражал уверенность в себе, респектабельность и силу. Он внимательно поглядел сначала на Алекса, потом на старика, входящего следом.

– Здорова, Иваныч! Вот, привёл к тебе хорошего челове-

ка. – Ринат Мансурович показал рукой на парня. Серьезный мужчина более внимательно пригляделся, словно ощупывая лицо и внешний вид Александра, затем постучал мизинцем с золотой печаткой по столу, поднялся, подошёл к старику, уважительно пожал ему руку и, приобняв, промолвил:

– Здравствуй, дорогой мой, Ринат Мансурович! А кто этот юноша? Что-то я его не признаю!

– Его зовут Александр Церебраун, и он grit, что ты его искал.

Вдруг из кресла, подпрыгнув, вскочила долговязая фигура с двумя черными синяками под глазами и пластырем на носу. Кашей, а это был он, ткнул в Александра пальцем, и гаркнул во всю глотку:

– Аттал, вот эта сука! Я тебе про него и говорил!

*

Аттал Иванович вперил взор в Алекса в третий раз, ещё более внимательно. Потом обернулся к Кашею, строго поглядел на него и прикрикнул: «Николай, сядь, закрой рот и помалкивай!»

Александр почувствовал, было, холодок между лопаток, но тут как раз по этому месту легонько ударила ладонь Рината Мансуровича, стоявшего позади: «Не дрейфь, Шуран, я тебе ведь обещал, что сегодня дома будешь».

– Александр, – после небольшой паузы начал Аттал Ива-

нович и широко развёл руки. – От себя лично и от лица моего непутёвого сына, – он кивнул головой на Кашея, – приношу искренние слова сожаления сим его поступком. Его разнужданное поведение не соответствует моим ожиданиям. Действительно, я приглашал вас к себе, но приглашал как друга, как дорогого гостя. Вне всяческих сомнений, то, что произошло – лишь досадное недоразумение, игра случайности, ежели можно так выразиться! Поэтому прошу вас присесть на соседнее кресло и ни о чём не беспокоиться, уже сегодня вас довезут до самого подъезда вашего дома в полной целостности и сохранности. И более никто не будет вам досаждать! – повысил он голос в конце и снова грозно обернулся на Кашея. – Верно? Николай?

Александр тут же подумал заявить претензии о нанесении имущественного, так сказать, ущерба, но потом вспомнил, что перед ним сам Аттал и благоразумно решил не предъявлять их вслух. Аттал Иванович кивнул, закончив разговор, затем приобнял старика, ещё раз извинился, и они отошли в дальний угол, о чём-то разговаривая. Протяжно выдохнув, Александр легонько хлопнул в ладоши, оглянулся, плюхнулся во второе кресло и нагло посмотрел на Кашея. Тот сидел молча – красный, как рак, глядя строго перед собой, и вдруг, не поворачиваясь, прошипел сквозь зубы:

– Чё, с-сука, зыришь?! Я тебя потом все равно подловлю. Сиди и трясись, что за тобой охота началась. Гандон ты штопаный!

Шуран промолчал.

– Чё молчишь, гнида? Я же знаю, где ты живёшь! Мы с пацанами как-нибудь тебя возле дома и дождёмся. Я тебе тогда лично все зубы «Димедролом» выхлещу, – цедил сквозь щёлку губ красный от злости, как свёкла, Кашей.

– Смотри, не пёрни от натуги, Кончей, или как там тебя, – как сплюнул, выдал Александр.

– Ты, сука, на ремни тебя порежу! – вскочил Кашей.

– Николай! – вскричал из дальнего угла Агтал. – Я поражён и твоими поступками, и твоей риторикой! Разговаривать так в присутствии наших многоуважаемых гостей – это моветон! Тем более ты и так уже такую кашу заварил, что нам с уважаемым Ринатом Мансуровичем приходится её расхлёбывать. И, вместо извинений, ты дерзишь и непотребно ругаешься! Отвратительное поведение, молодой человек, и оно тебя не красит! Я вынужден приказать тебе более не появляться мне на глаза, пока я сам не позову, а сейчас изволь выйти вон из кабинета, чтобы я тебя в глаза не видел! Вон! – добавил он уже более спокойно и показал рукой на дверь.

У Кашея раздулись ноздри и загорелись щёки, он резко дёрнулся, развернулся, налетел на журнальный столик, разлил бокал воды себе на брюки и на полном психозе вылетел из кабинета. А старшие тем временем, переглянувшись, продолжили еле слышный диалог, о чём-то договорились и вскоре вдвоём подошли к Александру. Тот поднялся и инстинктивно пожал руку, которую ему протянул Ринат Манс-

урович.

– Давай, мил человек, боле по ночам по лесу-то не шастай! Лучше по дороге, по пути, так сказать! Так что счастливо оставаться, а я потопал в обратку домой, к вечеру только допеткаю поди-кось. Так что всего тебе, Аттал! – он приобнял и похлопал того по спине. – И это, вороны в коробки... с Колькой нужно покрепче быть, да и Алиске накажи, чтобы мозгой уже шевелила, хватит им уже обоим шароёбить непутёвым.

Он махнул на прощание рукой, дружески похлопал хозяйина дома по плечу и вышел. Аттал Иванович и Александр остались одни. Хозяин дома замешкался:

– Чай, кофе? – он попытался изобразить гостеприимство, но получилось плохо.

– Нет, спасибо! Кстати, чем могу быть полезен? Вы говорили, что хотели пригласить меня к себе, – Алекс робко улыбнулся Атталу, чуть приподняв брови. Тот понятиливо кивнул, взял под локоток и мягко повёл к двери, ведущей внутрь дома.

– Пойдёмте со мной, молодой человек, сейчас вам всё станет понятно. – Аттал открыл вторую дверь из комнаты и попросил Алекса снять грязные сапоги, предложив домашние тапочки. Они в молчании пошли сначала по коридору, а затем начали подниматься наверх по полукруглой широкой деревянной лестнице. Хозяин обернулся к гостю, произнеся вполголоса:

– Признаюсь честно, приглашал вас вовсе и не я.

– Не вы? А-а-а, – выдавил он. – А кто тогда?

– Моя дочь, Алиса. Это она попросила позвать вас.

– Алиса? Но... но я не знаю никакой Алисы!

– Вы совершенно правы, молодой человек. Именно поэтому она и настояла, чтобы я помог ей в этом. Ей самой неудобно это делать, поскольку вы и впрямь не знакомы с нею, а видите ли, Алиса слишком воспитанная девочка, чтобы...

Он запнулся об лесенку, выдавив протяжное: «с-с-с» и через мгновение продолжил:

– Она моя единственная дочь, и ради неё я готов на всё, даже достать луну с небес, не то, что какого-то преподавателя из ликея, пусть и такого уважаемого, как вы, – приправил он острый момент щепоткой лести. – Но я, понимаете ли, очень занятой человек, поэтому мне пришлось перепоручить это своим помощникам, а они, сами видите, меня подвели. Поставили в очень неудобное положение, за что я уже извинился. А делаю я это весьма и весьма редко, чтобы вы понимали. – Аттал постучал по двери с табличкой «Завхоз», и открыл её. – Милая, к тебе гость, которого ты ждала. Александр, доктор который. Что?

– Пусть заходит говорю, папуля! – раздался громкий звонкий голос из комнаты. – Я одета, все в порядке!

Аттал показал рукой на дверь, улыбнулся, похлопал по плечу и направился обратно. А Александр сделал шаг вперёд.

*

– Здравствуйте! – Александр, в принципе, догадывался, что это может быть она. Вернее, он очень сильно этого желал, а сам не верил, конечно, что такое бывает! Но это действительно оказалась та самая чудесная девушка из первого ряда со злополучной конференции «Две двойки». Да, это была она! И более того – девушка хотела его увидеть! Может быть, она тоже все прошедшие дни о нем мечтала? Конечно мечтала! Он же сразу понравился этой красотке, она сама неприкрыто намекнула об этом на весь зал, между прочим! А кто ему жениться предложил почти, не она разве?

От сладких мыслей Алексу мгновенно стало так хорошо, что он забыл и про погоню, и про перелом. Ему показалось, что он смог бы пережить вдвое больше, лишь бы быть сейчас здесь – в этом месте, в двух шагах от неё. Алекс глядел и не мог наглядеться, глупо улыбаясь и приглаживая заляпанные грязью брюки. Алиса... Её звали Алиса! Какое чудесное имя! Конечно, Алиса, разве этого ангела могли бы назвать иначе? Она сидела к нему спиной за широким изящным столиком с огромным зеркалом перед ним и глядела на Алекса в отражение.

«Ну что, узнал?», – молча улыбнулись её глаза.

«Конечно узнал», – беззвучно расплылся он в широкой, от души, улыбке.

«И как я тебе?», – она встала и раскинула руки, демонстрируя прекрасное летнее платье выше колен с красивым вырезом на груди.

«У меня нет слов», – промолчал он, восхищённо глядя на неё в зеркало.

Она скромно потупила глаза, а затем бросила на него такой взгляд из-под ресниц, что сердце его забилось чаще, а кровь ударила в лицо. Наконец, Алиса повернулась, и, грациозно ступая навстречу, промолвила:

– Здравствуйте, Саша. Меня зовут Алиса, и я очень вас ждала. Как вас встретили?

– О, встретили замечательно! Высший класс! Как дорогого гостя! В лучших традициях гостеприимства! Никогда бы не подумал, что так... – разошёлся Алекс, сам недоумевая, какую чушь несёт.

– Послушайте, а что с вашим лицом? – прервала его девушка. – Вас били? И почему у вас рука на перевязи? Что с вами произошло, Александр? Ваша одежда...

– Алиса, Алиса, не переживайте! Ничего страшного. Поздоровал с ребятами у себя в полисе. Но вроде все обошлось благополучно. Не волнуйтесь!

– Просто... я не ожидала вас увидеть таким, таким... помятым! – нашлась она и вдруг нахмурилась. – Надеюсь, это никак не связано с моим отцом?

– Нет, нет! Что вы! Наоборот, именно Атал Иванович помог мне! Очень ему благодарен! Весьма... – оправдывался

Алекс.

– Да, мой папочка такой, вечно он всем помогает, – понимающе перебила его она. – Надеюсь, что вам не больно? Ничего, что я вас к себе позвала, а вы в таком состоянии?

– Нет-нет, что вы! После общения с вами я в два раза быстрее выздоровею. Врачи так и сказали: мол, вам пойдёт на пользу общение с красивой девушкой, улучшит, так сказать, эмоциональное состояние. Правда, я только рад! – обсыпал её комплиментами Алекс.

– Ну, хорошо, спасибо! – даже слегка порозовела Алиса. – Вы знаете, я ещё тогда хотела с вами поговорить, но вы были увлечены беседой с этим дяденькой. Вам удалось, кстати, ответить на его вопросы? Присаживайтесь, пожалуйста.

– Ой, – махнул он рукой и сел в просторное мягкое кресло. – И не вспоминайте. Мне кажется, что это городской сумасшедший. Я так и не понял, что он у меня хотел спросить, так что лучше бы я тогда с вами пообщался. – Алекс присел в предложенное ею кресло.

– Скажите, Александр... простите, не запомнила ваше отчество.

– Да, можно просто Алекс!

– А можно Шурик? – приподняла она бровь.

– Ну-у, да, конечно, – неуверенно произнёс он. – Почему бы и нет? Пожалуйста, как вам угодно... – опять понёс он ахинею, смутился и замолчал.

– Шурик, может быть, чай или кофе хотите? – выручила

его Алиса.

– От кофейка не откажусь, буду весьма признателен.

Алиса нажала на кнопочку.

– Настасья, завари-ка нам с другом кофе!

– Это не Настасья, это Луиза. Настя в полис уехала.

– Ой, Луизушка, это ты? – сразу же изменила тон Алиса, – Дорогая, раз уж ты на кухне, то будь добра, завари, пожалуйста, нашему гостю чашечку хорошего кофе. Так, как ты это делаешь только для своих. А?

На той стороне ответили положительно, Алиса отключилась и тут же повернулась к Шурику, продолжая разговор:

– Скажите, а почему ваше выступление прервали? Вы и правда подготовили совсем не то? – она удивлённо приподняла брови.

– Видите ли, Алиса, если честно, то да, – Шурик смущённо улыбнулся, – это правда! Я, признаться, совершенно не был готов. Да, да, не удивляйтесь. Я приехал и пытался объяснить организаторам, что никак не могу выступать, но девушка, которая меня встречала, куда-то убежала... и вот, мне пришлось импровизировать.

– А почему же вы тогда сразу не ушли с конференции?

– Как вам сказать? Два момента: это репутация и, наверное, Принцип.

– Принцип? Люблю людей с репутацией и принципами.

Так они непринуждённо болтали ещё некоторое время, до тех пор, пока дверь не открылась, и, плавно покачивая бёдрами,

рами, в комнату не вошла красивая женщина с кожей цвета молочного шоколада, светлыми волосами, эффектной фигурой и в очень короткой юбке. Она была одета так, как будто принимала участие в ролевых эротических играх: корсет со шнуровкой спереди, белый передник, чулки на подтяжках в мелкую сеточку, высокие каблуки. Лицо горничной искрило лучиками лукавства, а тело орошало воздух запахами флирта и лёгких цветочных духов. Её кудри широкой волной растекались, образуя локоны, подчёркивающие прекрасное личико с хитро-грустными глазами и мягкими сочными истинно-африканскими губами. Она обернулась к Алисе, и, вопросительно подняв брови, бархатным голосом задала вопрос:

– Совсем забыла спросить, а какой кофе приготовить твоему гостю?

– Вы какой кофе будете, Шурик? – повернулась к нему Алиса.

– Я не знаю, – Шурик немного оторопел, – А какой есть?

– Есть с белой пеночкой и шоколадной крошкой.

– Может быть, сделаешь что-то попроще?

– Конечно, как пожелаешь, милая.

– Помочь? – уточнила Элис.

– Нет, я справлюсь.

– Спасибо тебе!

Луиза улыбнулась.

– Ещё чего-нибудь хотите?

– Н-нет, – неуверенно ответил он.

Луиза пронизательно взглянула и вышла.

– Алиса, – шепнул Шурик. – Это ваша горничная?

– Нет, что ты, – засмеялась девушка. – Луиза часть семьи.

– Она так странно одета. Очень, я бы сказал, очень необычно.

– По-видимому, сегодня папа захотел, чтобы она надела именно это.

Саша непонимающе моргнул.

Алиса неохотно объяснила:

– Видите ли, Шурик, много лет назад муж Луизы задолжал моему папе крупную сумму денег и не захотел возвращать. А моему папе нельзя не отдавать, надеюсь, вы это понимаете. Поэтому его жена поселилась у нас до тех пор, пока тот не вернёт рубли* (деньги). Но у него всё не получалось это сделать, задолженность росла, и тогда папа предложил ему оставить Луизу у нас насовсем, тогда он простит долг. Тот думал, думал, но согласился, потому что не было других вариантов. Луиза со временем обжилась, привыкла и полюбила моего отца. А как не полюбить, ведь у неё двое детей, их нужно кормить, поить, в частные пансионаты отдавать. Да ещё хочется, чтобы мобиль подарили, одели с ног до головы, отправили в косметический салон и прочее. Да и в интимной жизни они, между нами говоря, нашли друг друга, я так понимаю. В общем, с тех пор Луиза живёт у нас.

– А-а что она делает?

– Она делает всё, что ей скажут, но делает это с душой, вот в чем кайф. Сейчас такой кофе принесёт, закачаетесь, – положила Алиса руку на грудь. – Да не о ней разговор. Я же вас пригласила по своему вопросу.

– Очень интересно, слушаю вас, – тут же закивал головой Шурик, переключаясь.

Алиса надолго замолчала и крутила локон, как бы не зная, с чего начать. Глядя на это, Шурик негромко и проникновенно произнёс:

– Начните с начала, так будет понятней.

Кровь застучала у него в висках, когда Алиса кивнула, робко улыбнулась, набрала в грудь воздух и начала:

– Видите ли, Шурик... Несколько месяцев назад я рассталась со своим молодым человеком. До этого у нас было четыре года совместки. Мы часто ссорились, но всегда мирились, хотя это уже не важно. Скажу только, что мы разошлись по его глупости, он устроил скандал на вечернике, пьяный. В общем, это было нечто отвратительное. Он сказал, что я слишком худая для него, представляете? При всех наших общих друзьях и подругах, – голос её сбился, но она справились. – Я, конечно, решила порвать с ним раз и навсегда. Но... вы знаете... мне кажется, что я до сих пор люблю его. Но, в то же время, понимаю, что это может быть привычка, – поспешила добавить она. – И я подумала, а что между нами было не то? Анализировала, размышляла и пришла к выводу, что он... наверное, он просто недостоин меня, пони-

маете? Просто мне даже не о чем поговорить, с ним попросту неинтересно, он, как большой ребёнок, с которым мне приходится возиться. Я устала, поймите меня. Я терпела его много лет, но больше не могу – всё, предел. В общем, мы разбежались. Но у нас общая компания, и мы иногда встречаемся. И тогда я вроде бы чувствую что-то: может, это любовь, или не знаю, как сказать, но от этого сердце разрывается, не могу понять, хочу быть с ним или не хочу. Я осознаю, что я просто-напросто не могу принять решение, но... не могу и всё, понимаете?

И от этого у меня депрессия такая началась: то плачу, то веду себя, как дура. Что я только не перепробовала, даже пить начала, потому что так проще, – она понизила голос. – Наркотики, лёгкие, конечно, пьянки, гулянки, случайные знакомства. Думала, в Аквилейский высший лицей в этом году повторно поступать, да куда там, – девушка махнула рукой. – Месяца через два экзамены, а я всё, как ватная кукла, хожу – ни до какой учёбы дела нет. Встряски не хватает, – и Алиса с жалобой в глазах посмотрела на Алекса. – Как мне разобраться в себе, Шурик, дружок? Что мне делать?

А тот сидел, обдумывая услышанное. Было больно, было неприятно – как удар по печени, когда все нутро замирает, и дыхание застревает в лёгких. Хотя, на что он надеялся? Что она встанет на колени и сделает ему предложение что ли? Ой, малака! Ой, остолоп! Он начал обзывать сам себя, и чуть было не прослушал её последние слова. Только когда

она замолчала и вопросительно посмотрела ему в глаза, он слепил какое-то подобие равнодушного лица и спросил:

– А чем, собственно, я-то могу помочь? – как бы непри-
нуждённо, погладил подбородок дрожащей рукой Шурик.

– Как? Вы же доктор по мозгам! К кому же ещё обращаться? Я уже ездила к наркологам, к психологам, к разным шарлатанам, пока, наконец, вообще не перестала им верить. Такого наговорят! Меня один раз Луиза спасла, я хотела себе вены резать после одного психиатра. Мы с ним разругались, представляете? Он начал мне выкладывать своё гнилое мнение обо мне, причём все так подчёркнуто вежливо, как будто по книжке, с терминами и всё такое, даже вспоминать противно. И тут, спасибо боженьке, я ваше выступление услышала и подумала, что вы тот, кто мне поможет. Вы разбираетесь в том, что...

– Ваш кофе, друг мой. – Луиза прервала их разговор, неслышно подойдя по толстому персидскому ковру к их столу, поставила на него поднос с приборами и вдруг положила руку Алексу на плечо. – Надеюсь, что вам тоже понравится.

Алекс почувствовал, как от прикосновения по его телу словно пробежала волна.

– Спасибо тебе, Луиза, милая, – девушка послала ей воздушный поцелуй.

– Благодарю! – склонил голову Алекс, пытаясь разобраться в своих ощущениях.

Луиза молча кивнула, одарив их улыбкой, и, не спеша покачивая бёдрами, лёгкой кошачьей походкой вышла из комнаты. Оглянувшись у самого выхода, она словно обняла Алекса спокойным взором, повела ресницами и исчезла из вида, оставив после себя сладкий аромат.

– Ей сорок лет, если что, – усмехнулась Алиса, глядя на отвисшую челюсть гостя и возвращая его внимание к себе. – Так вот, продолжу разговор, Шурик. Я бы хотела, чтобы вы мне помогли, объяснили, в чём тут дело, может быть, таблеток или процедур каких-нибудь прописали. Я хочу снова восстановить своё «потерянное я». Это так один психолог мне сказал – вам, говорит, нужно найти своё «потерянное я», и прописал десять сеансов у себя. Я ему сказала, чтобы он попробовал поискать своё «потерянное я» у себя в заднице, и ушла.

– Жёстко вы с ним, – вдруг от души рассмеялся Шурик. – Но я вряд ли вам помогу, Алиса. Я не психолог...

– Да мне и не нужен психолог... – перебила она его. – Мне нужен тот, кто бы излечил мою израненную душу. Я хотела с вами об этом поговорить ещё там, на конференции, но вы были заняты, поэтому... Шурик, дружочек, помогите мне! Может быть, мне нужно попить антидепрессанты, что вы на это скажете? Вы же можете прописать? У меня даже есть список, добрые люди подсказали, что именно нужно выкупить. Дружочек, не откажите бедной девушке! – взмолилась девушка и посмотрела на него жалостливым взглядом. – Алек-

сандр, исцелите мою душу, заклинаю вас!

– Алиса! – он взял чашечку кофе и сделал глоток. Напиток действительно был отменным. Ни лучше, ни хуже – в самый раз. Он выпил и замолчал, не зная, что ответить: – Поймите, я не лекарь человеческих душ, и я не прописываю антидепрессанты, тем более, что я не верю ни в какие души вообще!

– Как это не верите? Вы в душу не верите? – удивилась Алиса и махнула на него рукой. – Да неправда! Как можно в душу не верить?

Шурик засмеялся и поставил кофе на столик.

– Алиса, поймите меня, пожалуйста. Наверное, я неправильно выразился. Я учёный, и не могу так – верю или не верю. Я либо знаю, либо проверяю, если сомневаюсь. На этом стоит наука – подвергать критической оценке и проверять опытным путём или математическими расчётами. Так вот, современная медицина не признает наличия души.

– Мало ли, что не признает. Но ведь как-то человек чувствует, эмоции испытывает, сопереживает, в конце концов!

– Вы сейчас только что сказали о миндалевидном теле и зеркальных нейронах – отделах головного мозга. Всё, что мы чувствуем, происходит благодаря их активности. Как простейшие эмоции, такие, как страх или ярость, так и более сложные – социальные: ревность, например, или гордыня. Эмоции испытывает мозг, кроме этого, он вбрасывает в кровь определённый состав гормонов и медиаторов, чтобы мы это ощущение почувствовали всем существом. Вот

это совместное состояние мозга и тела мы и описываем каким-либо словом, например, любовь. Есть более сложные эмоции, например, эмоция детской радости при виде зимней горки, с которой можно скатиться.

– Погодите, дружок, что вы такое говорите? – она вновь его перебила. – Все знают, что душа находится в районе сердца! Ведь говорится же – «почувствуй сердцем», например. Вы хотите сказать, что сердце не чувствует?

– Алиса, сердце – это мышца. Просто учащённый сердечный ритм и частое дыхание – та самая реакция на гормоны и медиаторы, о которых я только что говорил. Заметьте, что и сердце, и лёгкие находятся в середине грудной клетки. Именно поэтому, ощущая последствия, а не причины, мы принимаем ложное решение, что душа и эмоции располагаются где-то в районе сердца. Чувства испытывает мозг, а тело или иные органы – надпочечники, например, или гипофиз – на это реагируют, выбрасывая в кровь гормональный коктейль. Сердце – лишь моторчик, который двигает кровь по нашему телу – оно не может чувствовать.

– Постойте, Шурик! – Алиса явно растерялась. – А как же интуиция? Говорят же – «как сердце чувствовало»?

– Принцип тот же. Я думаю, хоть могу и ошибаться, что за интуицию отвечает старый, рептильный мозг и части эмоциональной лимбической системы, так сказать середина нашего мозга. Вообще, многие вещи, которым придаётся мистический характер, в итоге оказываются работой нейронов.

Например, люди, побывавшие в коме или пережившие клиническую смерть, говорят о том, что чувствовали, как поднимаются вверх, видели своё тело сверху...

– Подождите, я об этом знаю, знаю, – оживилась Алиса. – Они рассказывали, что могли летать по операционной, видели себя сверху. Это-то как объяснить? Только с помощью души!

– Алиса, вы не дослушали, – нетерпеливо постучал он пальцем по столу. – То, о чём говорят эти люди, лишь иллюзия. Ведь реальность каждого из нас, – Александр поднял руки перед собой ладонями вверх, – это только то, что рисует мозг. Я ведь на лекции успел об этом сказать, вроде бы, или нет? Ну, так слушайте тогда. То, что мы видим, создаётся из мельчайших деталей, на которые глаз разбивает абсолютно всё, что видит. Дальше информация раскладывается, будто по каталогам: горизонтальные линии обрабатываются одними нейронами, вертикальные – другими, наклонные – третьими. Цвета определяются отдельно, движение тоже. Всем этим занимается наружное коленчатое тело, которое находится, условно говоря, на пути между глазами и зрительной корой.

И уже в коре эти фрагменты, скажем так, распределяются по слоям, а потом сливаются во всё более сложные объекты. Причём, на каждом последующем этапе реальность усложняется, потому что сначала подключаются шаблонные вещи – тень, перспектива, цвет, текстура, а в высших отделах даже

прогнозирование направления движения. Подумайте, какой анализ нужно провести за мизерную долю секунды, чтобы отбить удар кулаком, летящий в лицо на огромной скорости?

Александр поднял палец перед собой и повысил голос:

– Но это не всё! Алиса, вы представьте себе, всё то, что мы видим – это волны от миллиарда миллиардов вибрирующих атомов в нашем поле зрения. Наша сетчатка регистрирует длину волны, происходит преобразование Фурье, и сигнал уходит вверх по сети прямо в мозг. По дороге он обрабатывается памятью и эмоциями, а затем интерпретируется. По сути, зрительная часть мозга работает с объектами, динамически складывающимися из того, что мы видим, и что мы об этом помним. Эмоции, как мы знаем, маркируют памятные события, позволяя им легче вспоминаться.

Алиса потёрла лоб, с трудом понимая, что Саша говорит, а он тем временем продолжал:

– Структуры слоями накладываются друг на друга по иерархии, то есть мозг создаёт сложную картинку из простых объектов. Вернее – две. Одна отвечает на вопрос «что?» и формирует объекты в поле нашего зрения, складывает их, как пазл, условно говоря. Вторая отвечает на вопрос «где?» и создаёт пространственную динамичную картинку – пазлы становятся трёхмерными, а изображение в них живым, движущимся. Потом картинки «что?» и «где?» тоже, в свою очередь, сливаются, и это окончательное изображение получает конечную рациональную оценку. Или эмоциональную –

если мы перевозбуждены, например.

Доктор сделал непонятный жест.

– Дальше из всех этих разрозненных частей формируется некий паттерн, который определяется корой головного мозга как какой-то объект или группа объектов. Подключаются ассоциации. Например, если мозг понимает, что к нему приближаются какие-то недовольные люди с шокером в руках, то тут же всплывают подробности из прошлого опыта – гопники, драка, боль и так далее. Причём, самое интересное заключается в том, что после того, как кора мозга распознала гопников, то их образ перестаёт быть объективным, поскольку вместо этого в голове создаётся своя, уникальная картинка происходящего.

Алиса глупо пожала плечами, не успевая понимать, а её собеседник, по всей видимости, уже не на шутку разошёлся:

– Напомню, что зрительный путь идёт от глаз в таламус, а уже оттуда, через наружное коленчатое тело, в затылочную часть. Но! Из зрительной коры обратно, в таламус, мчится в шесть раз больше знаний! Мозг вычитает ненужные траты на получение той информации, что уже есть. То есть, прошлый опыт сравнивается с новой картинкой, и добавляется именно такая информация, которая считается важной. У всех она разная, потому что в неё входят личные воспоминания конкретного человека, его отношение к происходящему, ожидания от этой ситуации, текущее настроение и ещё тысяча разных мелочей. То есть мы с вами смотрим на одно и то

же, но в голове у каждого формируется своя, как бы это выразиться, точка зрения, окрашенная радугой субъективных эмоций. Конечно, мир вокруг нас абсолютно реальный, просто все мы интерпретируем его по-разному. Понимаете?

– Да, это я вроде поняла, – она покрутила головой с непонимающим видом, – но причём тут внетелесный опыт?

– Ой, точно! Так вот, Алиса, возвращаясь к вашему вопросу. – Александр пожевал губы. – Итак, мы выяснили, что всё видимое нами – это пространственная ментальная картинка, созданная зрительной системой. Надеюсь, что вы понимаете – мы можем перемещаться только в ней, а никак не в реальном мире, да? Ничто не выскочит из тела, так как не во что перемещаться. Всё происходит внутри живого мозга – и разум, и эмоции, и даже умение ходить.

А вот когда нарушается работа отделов мозга, отвечающих за осознание границ своего тела, а есть и такие отделы, представьте себе – это угловая извилина, тогда человеку становится трудно перемещаться в пространстве. У нас в ликее, кстати, сейчас один такой больной до сих пор лежит на реабилитации. Заново учится ходить, не понимает, где заканчивается он, и начинается окружающий мир.

Эта самая ангулярная извилина как раз-таки соединяет информацию от различных долей мозга, и именно там мы распознаём границы собственного тела. Нарушение работы угловой извилины приводит к тому, что человек начинает беспомощно барахтаться в той пространственной картине,

которую создал мозг, и тогда можно увидеть себя, парящего сверху, например. Вот так. Всё это – и то, что мы видим, и то, что мы чувствуем – результат работы миллиардов нейронов. Поэтому человек не летает по операционной, он перемещается в ментальной картинке, которую создал его мозг. Значит, если была травма или в мозг поступило слишком много какого-то вещества, то легко можно потеряться в просторах вселенной и летать хоть по космосу, хоть по операционной.

– То есть, вы всё же хотите сказать, что души нет? – раздула ноздри Алиса.

– Я хочу сказать, дорогая Алиса, – успокаивающе произнёс Алекс, – что я так думаю. А учёным свойственно ошибаться, ведь, вообще, наука – это дитя ошибок. Но, исходя из моих знаний, я считаю, что никакой души нет – есть только мозг и его работа, состоящая из огромного количества сложнейших процессов.

Алиса молчала. Было видно, что разговор почему-то доставляет ей неприятные чувства.

– То есть вы действительно хотите сказать, что души, которая болит и мучается, предчувствует беду – не существует? Что любовь и другие эмоции – это лишь работа мозга?

– Да. И влюблённость, и ревность, и все остальные чувства.

Алиса снова погрузилась в мысли.

– А экстрасенсы? Телепатия? Люди видят события, которые будут, предсказывают будущее. Как вы это объясните?

– Никак не объясню, я в этом не разбираюсь. Знаю, что измерений больше, чем те четыре, что мы можем ощутить сенсорной системой нашего тела, а что там в тех измерениях творится – мне не ведомо. Могу сказать лишь – если человек что-то увидел или представил – это точно работа мозга. Пока нейроны не создадут картинку, мы её не увидим. Вот за это я ручаюсь. Как бы то ни было, внетелесное тесно связано с соматическим.

На этот раз молчание затянулось, и Шурик решил немного сменить направление разговора:

– И ещё, поймите, Алиса, – он неуверенно улыбнулся, – я не психолог и не нейропсихолог, я преподаватель нейродисциплин. Это разные вещи. Нейропсихолог сначала делает томографию мозга, потом биохимию крови, возможно, возьмёт экспресс-анализ ДНК, после этого начнет создавать вымышленные ситуации и сканировать паттерны поведения. Одна, максимум две недели плодотворной работы, и карта вашего мозга будет нарисована. Тогда уже начнутся восстановительные процедуры, может, и медикаменты дадут. Вон, болезнь Паркинсона, например, за сорок лет до её возможного развития начинают лечить слабой стимуляцией чёрной субстанции...

– Да я прекрасно понимаю это, – перебила его Алиса, непонимающе фыркнув, и, сменив тон, перешла в наступление. – А почему вы не нейропсихолог, кстати? Вы же неплохо знаете черепушку, а эти мозго-психологи прилично зара-

батывают.

– Ну, как сказать... – развёл пальцы Шурик и чуть помолчал, – понимаете, я всегда хотел стать великим учёным, получить Союзную премию или Нобелевку, на худой конец. Хотел делать научные открытия, совершать невозможное! Я с самого юного детства мечтал стать таким, с того момента, как впервые очутился на залитом светом пороге госпиталя, – Алекс словно окунулся в прошлое. – Я же был, мало сказать – ошарашен, я был потрясён! И уже с самого младшего ликея знал, куда мне идти! Я выбрал медицинский профиль, отучился два курса в Аквилейском ликее, потом вернулся и закончил Ахейский, сейчас пошёл в магистратуру, поскольку мне больше научная деятельность нравится, если честно, чем преподавательская. Сейчас нужно кандидатскую защищать, но пока некогда. На работе дел по горло, – врал Александр, пытаясь произвести впечатление и скрыть личный кризис. – Исследованиями хочу заниматься. Я пока ещё ничего нового не открыл, хотя есть кое-какие наработки, конечно...

– Так, а почему вы не нейропсихолог? Вы так и не ответили на мой вопрос. – Алиса вернула нить разговора в нужное русло. – Что вам мешает, не могу понять?

– Так это же совсем другой путь, – непонимающе заморгал глазами Алекс. – Одно дело открытия совершать, и совсем другое – обычная врачебная практика. Этим же нужно всё время заниматься.

– А сейчас вы чем занимаетесь? Какие открытия совершили? – Подняла брови Алиса.

– Ну-у-у, – начал он накидывать пуха. – Преподаю в Ахейском лицее, несколько раз ассистировал профессору Гавриловскому. Он очень известный человек! Начинал у нас в Ахее, потом перебрался в Аквилею. Знаменитый нейрохирург!

– Я знаю его, он папин знакомый. Вы тоже хотите таким стать? Нейрохирургом? – чуть улыбнулась Алиса.

– Не уверен, – пожал плечами Шурик. – Даже операции – это уход в работу, в рутину, а не открытия и не достижения. Несмотря на всю славу, память о хирурге забудется лет через десять. А я... я хочу большего! – и тут он смущённо заулыбался. – Я, наверное, выгляжу очень честолюбивым?

– Честно говоря, нет, – проронила Алиса, – вы вовсе не похожи на такого человека.

Возникла неловкая пауза. Шурик покраснел, а девушка, чтобы замять неприятный момент, тут же продолжила, всплеснув руками:

– А что это я вас-то допрашиваю на отвлечённые темы? Не для того я вас позвала. Я бы хотела, наоборот, услышать ваше мнение по своему вопросу. Мне-то что делать с моим молодым человеком? Дайте совет!

– Да чёрт его знает, милая Алиса, – обиженным тоном начал Шурик, закидывая ногу на ногу и скрещивая руки на груди. – Или вернитесь к нему, или найдите нового, что я

вам ещё могу сказать? Если вы расстались по вашей вине, то нужно либо извиниться, либо забыть об этом.

– Извиниться? – вновь прервала его девушка. – Ну, уж нет. Я знаю столько ругательств, что хватит на несколько человек, а вот извинений, – она задумалась, – нет, ни одного не помню. Особенно, если я-то ни в чём не виновата!

Алекс взглянул на неё немного исподлобья:

– Ну, если виновен он, то либо прощайте его, либо больше никогда с ним не разговаривайте, или ещё миллион других вариантов может быть. Что тут подсказать? Я, правда, не могу дать совет в вашем случае. Это ваш путь, и вам принимать решение, куда на нём свернуть. Где есть любовь, туда и нужно стремиться, я так думаю.

– А что такое любовь, Шурик, дружочек? – раздражённо повысила голос Алиса. – Что это за зверушка-то такая, объясните мне! Вы же учёный, вы должны знать такие банальные вещи.

– Алиса, все это очень индивидуально, но с точки зрения...

– Не нужна мне ваша точка зрения, Шурик, – вдруг, недослушав, вскочила и заходила по комнате Алиса, – у меня своя есть, спасибо боженьке! И не нужно мне ничего говорить об этом!

– Да и я не против! – улыбнулся Шурик, чтобы снять нервозность. – Я считаю, что у каждого должна быть своя точка зрения. Лишь бы эту точку навязчиво не навязывали, а все

остальное – мелочи.

– Дружочек, вот вы даёте советы, а сами ничего не знаете! – Алиса погрозила ему пальчиком. – Нам вместе хорошо, он любит меня, хоть и дурак, конечно! Думает, что он вытерпит и не прибежит! Но я, как хочу, так всё и происходит. По крайней мере, так раньше происходило. Спасибо боженьке, всё для этого имеется, – поправила она себе грудь. – Но когда он при всех такие глупейшие просто вещи говорит и делает, то это никуда не годно! Всё время чушь порет... У него ведь, что на языке, то и на уме – одни амбиции без желания понимать простейшие вещи. Папа сто раз ему говорил, что для возвышения нужно ещё и репутацию создавать! А если он ведёт себя, как пятнадцатилетний подросток, так чего же он удивляется, что и я меняю своё отношение, – укоряла она кого-то, глядя Шурику в глаза. – Когда он не пытается даже ухаживать, это что, любовь такая? Ничего не дарит, никуда не возит – это что, любовь, по-вашему? Нет уж, как он, так и я – так ведь? Если он ко мне так, то я ему вообще весь мозг вынесу! Вот такая у нас любовь! – она враждебно посмотрела на Алекса. – Так что же вы молчите, Шурик? А по-вашему, что такое любовь?

– Алиса, простите меня, – замялся, было, он, – если я вас разочарую, но я не особо в этом силён, были, конечно, но... – взмахом перста он предупредил её реакцию, – однако, я могу рассказать это только с точки зрения науки...

– Мне эта ваша наука до одного места, у меня своё пра-

вильное мнение есть! – Алиса цокнула и отвела глаза, а потом, без паузы, повернулась. – Так что же там наука говорит, не молчите уже, ну же?

Алекс неохотно продолжил.

– Ну, клинически установлено, что с физической точки зрения любовь – это усиленное выделение дофамина и окситоцина, плюс активизация полосатого тела и островковой доли, в то же время формирование определённого рисунка нейронных связей и так далее. И... – он заговорил быстрее, понимая, что она сейчас взорвётся. – Алиса, Алиса, мне сложно сказать, в чём именно у вас проблема. Я, правда, могу только предполагать, а это антинаучно. Поэтому могу сказать, что вам показано съездить к нейропсихологу хорошему, не пожалеть денег и двух неделек в стационаре. Там анализы возьмут, то да сё, мозг отсканируют, динамические тесты проведут для проверки, спец посмотрит, и вы получите более-менее ясную картину. Я и сам, наверное, в ближайшие дни так сделаю, – тяжело усмехнулся он себе.

– А у вас то, что не так? – вдруг удивлённо поглядела Алиса.

– Фрустрация у меня! – недовольно буркнул он и посмотрел в окно.

– Это когда живот болит? – спросила она.

– Да. Типа того.

– Ясно.

И разговор затих.

*

– А знаете что? – вдруг встрепенулась она через секунду.

– Что? – грустно ответил он.

– А давайте я вас подвезу, а по дороге просто поговорим?

Не обо мне, не о вас, не о мозге или душе. Просто, я не знаю... О погоде там, или любимых книгах. Как вам идея?

– Идея? Отличная идея! Я буду этому очень рад, – чуть повеселел Шурик, – Хотя-бы до узла вашего докиньте. Мы, кстати, где находимся?

– Аргон. Вернее, в десяти километрах от Аргона. А вы что, разве не знаете, куда приехали? – удивилась Алиса.

– Меня на мобиле везли, поэтому я не сориентировался, – неловко оправдался вынужденный путешественник и предложил: – Можете добросить до остановки, а дальше я уж сам, на электробусе. Я в Мессене живу, кстати.

– В Мессене? Вот это совпадение! – отчего-то обрадовалась она. – Нет уж, Шурик, вы ко мне явились, проявили уважение, поэтому я должна вам помочь – довести до дома! Поехали. Я пойду у папы отпрошусь. Вас он мне точно разрешит проводить.

– А что, обычно не разрешает? – вытаращил глаза Шурик.

– Я... просто, понимаете, я немного наказана, поэтому нахожусь под таким, – она нервно похихикала, – негласным домашним арестом. Но для вас, я думаю, он сделает исключе-

ние. Подождите минуточку, дружок.

И она торопливо скрылась за дверь, оставив его одного в этой светлой комнате с окном почти во всю стену и очень дорогой, изящной мебелью. Алекс потёр сначала подбородок, а затем и лоб, поглядел на грязные брюки и разорванный рукав куртки. Почему он её не снял? Как он к девушке пришёл в таком виде? Что она о нём подумала?

Да ничего – у неё парень, которого она любит, а ему исповедалась, как... как доктору. И зачем он только сюда попал? Только хуже стало, твою ж мать! Что в его жизни вообще происходит? Малака, ну почему у него вечно так? Делаешь, делаешь, а всё не в ту сторону! Может быть, прислушаться к Ринату Мансуровичу, он про какой-то путь втирал. Типа смотри, куда идёшь что ли? Или что-то такое? А как тут путь выбирать, если только успеваешь уворачиваться от летящих в харю приключений.

И когда это все началось? А, это он знает – с конференции. Точно! Его злоключения начались с конференции. И что такое там было, что изменило его судьбу? Да ничего особого, чередой нелепых случайностей, каждая из которых немного поменяла направление пути.

Он ведь мог в то утро никуда не пойти? Мог. Причём, даже в самом простом случае – если бы банально проспал. Или если бы болела голова, то он тоже никуда бы не пошёл, но она почему-то не болела.

И вечером предыдущего дня, в пятницу, он вполне мог

бы уехать к Наташке, например! И тогда никто бы до него не дозвонился. Но он решил идти домой, хотя она звала! А всё потому, что надел утром дырявые носки, и ему было стыдно.

В то злополучное утро он вовремя добрался до Ахейского узла, и маглев подошёл через несколько минут. Если бы он хоть немного опоздал на станцию, то приехал бы в Аквилею на тридцать минут позже, и нигде бы не выступил.

И вот что такое судьба, как не череда бесконечного выбора из множества вариантов обычных случайностей? Неужели его путь зависит от больной головы, дырявых носков и пунктуального машиниста маглева? Что или кто определяет, куда поворачивать? Пусть даже эти повороты незаметны, а выбор – неочевиден...

– Это я! Всё-всё, я отпросилась! – Алиса забежала в комнату и радостно продолжила. – Подождите, сейчас захвачу свой кардиган. И поехали, поехали скорее, мой милый Шурик, дружочек вы мой! В путь!

И завертелось.

*

Уже когда они ехали по федеральной трассе в направлении дома Алекса, Алиса предложила обращаться друг к другу на «ты». Он с удовольствием согласился на её предложение стать друг другу чуточку ближе. Девушка лихо крутила баранку своего красного мобиля и с улыбкой подмигнула:

– Какие планы-то на сегодня? Выходной же ещё! – спросила она.

– Я даже и не знаю. Вроде никаких: в душ сходить, переодеться, сапоги снять хотя бы!

– А я думала, что сапоги и разорванная куртка – это твоя парадная форма одежды, – залилась счастливым смехом Алиса. – Давай так поступим – я тебя высажу у дома, а сама поеду к своей подруге, она тоже у вас в Мессене живёт, в Арсинойской филе. Ия Курочкина, знаешь?

– Не-а. Она молодая?

– Да нет, взрослая уже, ей двадцать два.

– Ой, двадцать два – это ещё детский сад. Поверь словам опытного тридцатилетнего! – веско произнёс Шурик, картинно выпятив нижнюю губу.-

– Кхм-кхм, вообще-то мне самой двадцать один! И что-то не похоже, чтобы я ходила в детский сад, уважаемый Александр! – смеясь, произнесла она. У Алисы был замечательный голос: искристый, звонкий, радостный. Она завораживала каждой частичкой себя, и душа его пела просто от того, что он находился рядом.

– Так что?

– Что?

– Мы увидимся?

– Где?

– У Ии Курочкиной!

– У Ии?

– У Ии, у Ии!

– Хорошо, у Ии, так у Ии. Давай, я подойду к ней! А куда?

– На бульваре Аристомена. Знаешь, где это?

– Знаю, это в Арсинойской филе! А я в Асклепионской живу.

– Так вот, там, возле булочной, арка есть, а за ней трёхэтажный особняк.

– Тоже знаю! Там наша золотая молодёжь полисная соби-
рается. Всегда у фонтана мобили стоят дорогие.

– Да-да, это мои друзья! А Ия – дочь хозяина дома. И сегодня там вечеринка. Если бы не ты, то я бы на неё не попала, – она заговорила торжественным голосом. – Поэтому, за моё спасение из лап огнедышащего дракона – то есть папы, я приглашаю вас на этот бал, сеньор Александро! – снова рассмеялась Алиса.

– Давай! Хороший план! Я – за! – радостно согласился он.

Тут мобиль резко дёрнулся вперёд, когда Алиса решила обогнать тихоходную старушку «теслу». Пользуясь паузой, Шурик решил:

– Алиса, можно тебя спросить?

– Спрашивай, конечно!

– А почему на конференции ты задала вопрос, не женат ли я?

В ответ Алиса звонко рассмеялась и ответила:

– Я бы тоже хотела тебя спросить – а почему ты именно мне предложил задать третий вопрос?

– Ты подняла руку, я подумал, что ни одна девушка ещё не спрашивала...

– Да не поднимала я руку, Шурик, дружочек! – с усмешкой прервала его девушка. – Ты просто показал на меня, и поэтому мне пришлось импровизировать! Я вообще не знала, что именно у тебя можно спросить!

– Как не поднимала? Я же видел!

– Да нет! Чистая правда! Я сначала хотела отказаться, но увидела, что весь зал смотрит на меня. И вот, выдала первое, что пришло на ум! – снова залилась она звонким смехом. – Ты уж прости, я ляпнула, не подумав! Что в голову взбрело, то и спросила. Но ты очень хорошо ответил, остроумно, мне понравилось!

– Ой, я болван! – в ответ расхохотался он, обрадовавшись неизвестно чему.

Так, болтая всю дорогу, и непринуждённо смеясь, они доехали до Мессены. Алиса высадила его на своротке с трассы, недалеко от дома, и, шёркнув резиной, полетела в центр полиса. А Шурик понёсся на крыльях счастья к себе по короткой дороге, через небольшой парк. Выбежав сквозь узкий проход в аллее акаций, которая служила живой изгородью, он бросился к подъезду и сначала даже не расслышал окрика.

– Молодой человек! Александр! Минуточку!

Он вздрогнул и повернулся. К нему спешил управдом, близоруко приглядываясь и громко вещая:

– Александр, Александр, постойте. Хотел у вас уточнить,

что за молодые люди на мобиле искали вас позавчера? Я им сказал, что вы пошли на остановку, но мне показалось... Александр, что с вами? – выдал управляющий, подойдя поближе. – Почему вы в таком виде?

Алекс стоял перед ним с лохматыми волосами и разбитым лицом, в разорванной куртке, с левой рукой на перевязи, в испачканных джинсах и грязных сапогах. Чтобы избежать новых вопросов, он торопливо ответил:

– Здрасьте! Да вот, ездили с друзьями в лес... за грибами, и вот, несчастный случ...

– За грибами? В апреле? – сузив глаза, оборвал его на полуслове местный начальник. – По-моему, вы мне лжёте, Александр! Вы опять пили, и, судя по всему, ещё и дебоширили. Я бы хотел поставить вам на вид, что в нашем доме это категорически запрещается делать!

– Так и я не делаю, – начал оправдываться Александр и возразил. – Я что, с кем-то в доме поругался или окно кому-то разбил?

– Но ведь можете же, можете? – не унимался управдом. – По пьяной лавочке!

– Да по какой лавочке? – возмутился Алекс. – С чего вы взяли то, вообще. Ничего такого я не мог!

– Мог, я говорю! Что с пьяницы возьмёшь!

– Какого пьяницы?! Вы слова то выбирайте!

– Что?! Да вы как со мной разговариваете, молодой человек?

– А как с вами разговаривать? Чего вы ко мне прицепились, я шёл по своим делам...

– Прицепился? Это я прицепился? Знаете, что?! А поставлю вопрос о вашем выселении на следующем же общем собрании! Расскажу и про внешний вид, и про ваши пьяные загулы до рассвета, и про наш сегодняшний разговор. Прицепился я к нему, видите ли! Я значит, да? Знаете, кто вы? Да вы просто дурак! Пьяница и дурак!

С этими словами он в гневе развернулся и размашисто зашагал в сторону своего небольшого офиса, а Алекс побрёл к себе, чувствуя себя оплётанным. С тяжёлыми думами он поднялся наверх, подогрел воду и угрюмо залез в ванну, но отойдя в тёплой воде от потрясения, Шурик вспомнил об Алисе и подкрутил настроение на плюс. Быстро сполоснувшись и перекусив, чем попало (в холодильнике было старое молоко, хлеб, замороженная рыба и пучок петрушки), Александр переоделся в парадную форму, начистил туфли, надел лучший костюм, поправил галстук и направился на бульвар Аристомена.

В пути его терзал внутренний диалог с управляющим. И так и этак он пытался оправдаться перед собой и перед ним: давил интеллектом, сражал сарказмом, ставил в тупик – в общем, классически махал кулаками после драки. Но вопрос о выселении постоянно возвращал его в реальность. Он понимал, что это не пустые слова, а значит, придётся идти с извинениями, нести какой-то подарок, уговаривать, пресмыкаться-

ся, как он это называл. И никуда не деться, ведь тут удобно жить – и до остановки недалеко, и оплата не очень высокая, да и вообще – привык уже. Мысли его витали, пока, наконец, неизвестным образом не перетекли в оду Алисе. И он повеселел.

Настроение улучшилось, уровень серотонина поднялся, поэтому вскоре он сменил точку зрения. То есть он начал рассуждать о той же проблеме, но глядя на неё под другим углом. Например, а почему это он должен оправдываться? Что он, на помойке себя нашёл? На собрании всегда можно спросить, кому, интересно, он помешал? Никому! Может, он болтается по двору пьяный? Не было такого. Может, он кому-то отказывает в помощи? Нет. Кстати, некоторые жители по его протекции или обследовались, или лечились у него в ликее. Вот он всех их обойдёт и попросит сказать на собрании своё слово. А почему нет? И вообще, может быть ему поставить на голосование вопрос о смене управляющего? Ну, а что? Если к нему так, тогда он в ответ сделает революцию. Посмотрим ещё, кто кого. А оправдываться перед этим существом он не будет! Мерзкое чувство возникает, когда пытаешься оправдаться – это касается любых ситуаций, и тут, и на работе. Это сразу принижает, делает зависимым. Александр решил, что больше никогда в жизни не будет этого делать.

Хотя, если он проиграет на собрании по голосам, то выселят, и к гадалке не ходи. Ну и ладно! Что управляющий ему

там скажет, что Алекс, мол, пьёт? Так пускай тогда...

Размышляя таким образом, он не заметил, как добрался до бульвара Аристомена и скользнул под аркой в тенистый сад. Взглянув на красивый трёхэтажный особняк, молодой человек вошёл внутрь, по дороге продолжая спорить с мерзким управляющим в своей голове.

– Э! Ты это, кто такой? – раздался окрик, и крепкий молодой парень перегородил путь Александру.

– Я? Я к хозяйке, к этой, как её... – сбился тот с мысли.

– Слышь, чё надо тебе тут, а? – уже с какой-то угрозой в голосе произнёс парняга. Он был раза в полтора шире в плечах, но почти на голову ниже Алекса. Сломанный нос и уши завершали картину, создавая законченный образ типичного борца.

– Я с Алисой, – неуверенно начал, было, он, но вовремя остановился, вспомнил свою недавнюю мысль, сменил тон и прекратил оправдываться, – я от Аттала Ивановича, вообще-то, приглядываю вот за его дочкой. – Он поправил наглаженный костюм, чувствуя себя в роли босса мафии, как минимум. И сразу перешёл в наступление. – А ты кто такой, парняга?

Круглое лицо крепыша мгновенно изменилось. Он тут же протянул пятерню, сделавшись радушным и радостным.

– Так бы сразу и сказал! А меня Лёха зовут. Лёха Молодой. Я на Витю Комара работаю! Будем знакомы!

– Будем знакомы, Лёха.

– Я тут за охрану как бы отвечаю.

– И как, получается?

– Что получается?

– За охрану отвечать?

– Так это, как сказать, – растерялся Леха. – Вроде получается.

– Ну, пойдём тогда, проводишь до Алисы, а то я тут в первый раз.

– Пойдём, пойдём, – весело махнул рукой крепыш и пошёл вверх по мраморным ступеням туда, где громко играла музыка. Леха заливался соловьём: – Ты, это, извини, что я так резко. Просто все пьют, в бассейне купаются, а я, как видишь, на охране сегодня. Да ещё не отошёл со вчерашнего, башка трещит. Ты это, особо не напрягайся, у нас тут по-своему весело. Все друг друга давно знают, чужих нет, я с пацанами перетру насчёт тебя, расскажу, что ты свой. Ты, если что, не обращай внимания, они все пьяные. Мы в отпуск недавно пошли, завтра уезжаем на три недели со своими девчонками на Фракийский берег, в горы. Четвёртый класс, все включено. Рай! А тут уже третий день гуляем, провожаем. Красота! Так что ты это, располагайся. А вот и Алиса, – и он повысил голос. – Элис, к тебе пришли!

Действительно, в глубине комнаты, на огромном бежевом диване сидели пять девчушек. Алиса расположилась посредине и через трубочку допивала огромный пол-литровый бокал. Справа, за барной стойкой разговаривали разговоры

трое крепко сбитых парней, двое были в одних шортах, без рубаш. Один из них сидел в кресле, второй – на барной стойке, а третий стоял, скрестив руки. В комнате царил полумрак, играла музыка, шторы заглушали солнечный свет, но в дальнем конце распахнутые настежь двери открывали прекрасный вид на зелёный сад, где, по-видимому, и располагался бассейн, потому что на одной из дверей сушилось широкое полотенце.

Все повернули головы к Алексу и оглядели его сверху до низу. Девушки с интересом, парни с вопросом. Леха Молодой подошёл к ним и что-то растолковал. Те понимающе покивали и подняли вверх правые руки, приветствуя его. Он ответил кивком и тоже поднял руку, показав открытую ладонь. А Леха потопал обратно вниз, подмигнув Алексу по дороге.

– Шурик, иди сюда, давай познакомлю с моими подружками, – перекрикивая музыку, немного нетрезвым голосом воскликнула Алиса и сделала приглашающий жест.

Алекс ещё раз кивнул парням, как бы говоря, что он тут с дружескими намерениями, и приблизился к девушкам. Некоторые улыбнулись ему, Алиса цокнула языком и подмигнула, а крайняя слева девушка восточной внешности хлопала рукой по дивану рядом с собой, приглашая присесть на свободное место. Покуривая кальян, она раскинулась на правом боку, на мягких подушках, в коротких спортивных шортах и белой свободной майке. Девушка подняла большие

выразительные узкие чёрные затуманенные глаза, посмотрела ему в душу и спросила:

– Давайте знакомиться, сударь? Присаживайтесь, оцените кальян с великолепным табаком и кусочками индийского ароматизированного гашиша. Замечательная штука. Куришь себе потихоньку, куришь, а потом идёшь и кушаешь! Кстати, хотите печеньку?

Он оторопел от такого предложения, не зная, что сказать, как в ту же минуту её соседка – пьяненькая блондинка с округлым подбородком подняла бокал вина и произнесла весёлым пьяненьким голосом:

– Так это вы и есть тот самый Саша, спаситель нашей Лиски? Давайте знакомиться! Меня зовут Марго, а эта девчонка рядом со мной, – она похлопала восточную девушку с кальяном по попе, – Рита. Но не Ритка, запомните это! – и погрозила пальцем.

Девушка имела смазливое личико и выдающиеся формы, её короткая полупрозрачная туника больше показывала, чем скрывала. Не сказать, что она была пышкой, скорее, имела сочные пропорции.

Следом за ней, закинув ногу на ногу, сияла великолепная Алиса, приглаживая шёлковые русые волосы, игриво покачивая туфелькой и удивленно поглядывая на гостя.

– Шурик, да тебя прямо и не узнать! Принарядился, похорошел, галантный кавалер, ей богу! Я весьма довольна собой, что тебя пригласила. Знакомься, это мои подружки, не

важно, как их зовут, всё равно не запомнишь, да и их парни будут против вашего невинного, но очень откровенного знакомства, – и кивнула на двух оставшихся девушек.

Повернув голову и оглядев их, Алекс удивленно приподнял брови и тут же загрузил от того, что оделся, как кретин, потому что следующая за Алисой рыжая девушка сидела в одних трусиках и лёгком полотенце, наброшенном на плечи. Она крошила пластиковой картой белый порошок на небольшом плоском блюде, стоящем на резном столике. Стол был низеньким, поэтому девушка достаточно глубоко нагнулась вперед, и от этого полотенце просто свесилось с шеи вниз, как и грудь девушки. Хорошая грудь, ничего не скажешь. А девушка между тем так увлеклась своим процессом, что даже не обратила на Алекса никакого внимания.

Пятая, кудрявая девушка в синем купальном костюме, больше напоминающем тоненькие ниточки с кусочками ткани, видимо, только что покрасила ногти, по крайней мере, в руках у неё были закрытый красный бутылёк и кисточка. Девушка сидела, поджав под себя ноги и дую на пальцы рук.

– Вы откуда такой нарядный, гражданин, с симпозиума? – спросила она и, не дождавшись ответа, снова стала дуть на свеженакрашенные ногти.

Саша растерялся, не зная, что ответить.

– Девчонки, дайте человеку оглядеться! – весело скомандовала Алиса. – Шурик, дружочек, садитесь вон там – у Риты, покурите кальянчик, а мы тут с девочками ещё посекрет-

ничаем чуток, хорошо?

– Ладно, ладно, – молодой человек покраснел, понимая, что выглядит инородным телом в этой разбитной компании, смущенно пригладил брюки, присел рядом с Ритой и расслабил галстук, чтобы хоть немного соответствовать ситуации.

– А я вас знаю. – Сразу же произнесла Рита и протянула ему шланг кальяна. – Я в нашем ликее на экологическом профиле училась, направление сельского хозяйства, а вы на медицинском преподавали вроде бы?

– Да, да, – рассеяно ответил он, принимая мундштук. – Именно так.

– Вот, попробуйте тогда кальянчик, господин препод! Он великолепно расслабляет разум, не хуже ваших лекций.

– Спасибо, не откажусь, – чтобы избавиться от неловкого чувства, Саша взял трубку кальяна с медовым запахом губ Риты, сделал несколько глубоких затяжек и закашлялся.

Тут в разговор влилась Марго – девушка в полупрозрачной тунике. Она подвинулась поближе, качнув грудями, и заговорила громким шёпотом.

– Лиска сказала, что на вас кто-то у вас в полисе напал? И вы сдали сдачи, да? Ой, молодец! Скажите, а вам нравится драться? Вот мой муж говорит, что для него драка, как хороший секс, отлично снимает напряжение и бьет по мозгам. Я никогда не дралась в жизни и не хочу даже пробовать. Мне неприятно бить человека по лицу или по любой другой части тела, не понимаю, как это можно сравнить с занятием

любовью. Секс – это круто! А вы как к этому относитесь? – безапелляционно уточнила она.

– Отлично, просто отлично! – лилась в это время беседа на другом краю стола. – Знаешь, Алиска, по-моему, ты просто в край уперлась! Он нормальный парень: занятой, деловой! У него потенциальных возможностей больше, чем у наших вон вместе взятых, особенно у моего, – рыжеволосая девушка с полотенцем, накинутым на плечи, мотнула головой в сторону парней. – Да, иногда не хватает времени на тебя, он в работе, но и у нас такая же история! Мышка, скажи? – Ия прекратила толочь белый порошок и кинула взгляд на кудрявую Светку, высоко подняв свои тонко изогнутые брови и тускло сверкнув уставшими голубыми глазами.

Светка поправила ниточки купальника, быстро оглянулась назад, на одного из парней, словно нехотя открыла рот и негромко сообщила:

– У нас уже тесной и глубокой связи не было знаете сколько? Недели три наверно! Приходит ночью, и спать сразу. Бывает, что даже выпивший, и то! Так раньше-то сразу на меня лез, а тут дрыхнет. И храпит, представляете?

На левом фланге дивана тем временем шел другой, не менее важный, разговор:

– А знаете, почему её зовут Рита, а меня Марго? – поджала под себя аппетитные ноги блондинка с пышными формами. – Потому что мы обе Маргариты. Я, она и я, представляете? И мы не сёстры! Поэтому мы и придумали себе такие

непохожие имена, чтобы нас не путали. Просто у обоев... у обеих... у обоих имён есть достоинства и недостатки. Риту иногда называют Риткой, и ей это не нравится. Зато её можно уменьшительно-ласково называть – Ритуля. А у меня звучное имя – Марго, но с ним ничего не поделаешь, Маргуля – некрасиво ведь звучит, да?

В это время справа рыжая Ия уперлась локтями в колени и уже потирала нос, закатив глаза. Алиса внимательно и немного злорадно разглядывала её профиль. Девушка была не менее красива, чем она, но теперь в этой красоте присутствовал неуловимый налет увядания: тёмные тени под глазами, небритые волоски подмышкой, секущиеся локоны.

– Ну как? – поинтересовалась у неё Алиса.

– Уже начинает! – та несколько раз вздохнула и поморщила нос. – Мурашки побежали. И жарко стало.

– Сейчас я тебе усилю ощущения! – Алиса потянулась, протянула руку, взяла в ладонь свисающую грудь подруги и мягко её сжала, погладив. В ответ рыжеволосая Ия закатила глаза и издала утробный, глубокий стон.

Шурик вытаращил глаза на Элис, мнущую грудь соседки, и не сразу услышал, как Рита взмахнула пушистыми ресницами и неспешно проговорила:

– Вы мне когда-то нравились!

– Что?

– Вы мне нравились!

– Я? Нравился? Но почему? – пытался собрать в кучу мыс-

ли уже изрядно обкуренный и обескураженный происходящим Алекс.

– Просто нравились и всё! Вы же встречались с Иркочкой Ромушиной?

– С кем? Да, да, было дело, – пересохшими губами произнес молодой человек. – Хорошо, что тогда встречи между студентками и младшим научным составом ещё были не запрещены. Ей тогда только стукнуло восемнадцать, мне уже двадцать четыре, вроде бы. Она взрослый подросток, я подрастающий взрослый...

– А мне тогда шестнадцать было! Как давно мне было шестнадцать, и какой же я была душой, когда не ценила каждую секунду жизни в этом возрасте, – плавным голосом сказала Рита и внимательно посмотрела на соседку. – А некоторые так и остались детьми!

Марго махнула на неё рукой и тут же сменила тему разговора:

– Представляете, все едут на отдых, а мой не едет, потому что он не пьёт, и что ему, типа, там с пьяной компанией делать? А раз он не едет, то и я не еду, представляете? То есть все мои девчонки на Фракийском берегу будут загорать, а я тут в Ахее москитов кормить. Все будут на пляже валяться, а я носки стирать! Справедливо, да? – завелась она. – Ему уже все сказали! Уже все подходили! И Мирон, и Светка даже – мы, говорит, присмотрим за ней. А он уперся, как олень на новые ворота и трясёт рогами! Хорошо, хоть Лиска тоже в

полисе остается, будет не так одиноко!

– Трясёт! Рогами! – тем временем во весь голос рассмеялась Рита.

Справа же наоборот тихо зашушукались:

– Отсыпь мне чуток, на пару раз. Да давай я сама, – взяла пакетик Алиса.

– Друга что ли тоже угостишь? – спросила Ия, настороженно глядя суженными зрачками на уменьшающееся количество зелья.

– Не знаю пока, посмотрим. Он сейчас, когда переделся, конечно, более-менее, а так – провинциал провинциалом. Живёт где-то на окраине, в третьем поясе. Там дороги ещё не бордюром, а по старинке – поребриком выложены.

– Аська, где откопала-то такого красавца? – спросила Ия, вытерев пот с лица.

– Ой, Ийка, дружок, не томи ты мою душеньку разговорами, дай отдохнуть красной девице, – Алиса положила пакетик с порошком в сумочку, повязала себе невидимый оренбургский платок на голову и откинулась на подушку с почти пустым бокалом в руках, пристально глядя на подругу.

– Светка, а тебе он как? – обернулась рыжая Ийка к кудрявой соседке.

Та перестала махать пальцами, нагоняя воздух на покрашенные ногти.

– Болван болваном, чё могу сказать! – улыбнулась Светка и послала Алексу воздушный поцелуй.

Тот вообще расплылся – и от этого, и от общей атмосферы, и от почти неприкрытой груди рыжеволосой девушки, и от нехилой порции гашиша, которого в табаке было не кусочками, а целыми кусками.

– Привет, милый, – вдруг плавно соскочила с места Рита и, покачивая бедрами в обтягивающих коротких шортиках, поплыла навстречу одному из парней, который направлялся в их сторону. «Попа, как орех, так и просится на грех», – пронеслось в голове у Алекса.

Крепкий широкоплечий накаченный парень с развитой волосатой грудью и рельефными мышцами рук подошёл, нахмутив брови, и встал рядом, засунув руки в карманы. Рита подбежала к нему, обняла за талию и потерлась головой о его шею. Тот тут же улыбнулся, обнажив белые красивые зубы и перестав выглядеть пугающим.

– Привет, меня Сэм зовут, я тут старший. Это Рита, моя девушка, ну, ты в курсе, наверное, уже, да? – пробасил он ровным голосом и протянул руку. Александр из вежливости встал и крепко пожал её:

– Алекс.

– Работаешь на Аттала Иваныча, говорят?

– Скорее, помогаю из дружеских побуждений, – Саша понизил голос. – Кое у кого сейчас сложный период в отношениях, сам понимаешь.

– Да! Они вечно ссорятся, но потом мирятся, – покивал головой Сэм. – Пойдем с нами постоим, чё ты тут с кобыл-

ками, скучно наверное?

– Пойдем, пойдем. Девочки, Алиса, я к парням, не теряйте! – произнес Алекс, которого не на шутку накрывало* (наркотик оказывал влияние).

– Возвращайся, любимый, – поцеловала Рита Сэма в щеку.

*

Мужской разговор был более динамичен и касался извечных семейных ценностей.

– Я на работе уже прописался, копец! Привет, я Мирон! – лишь на секунду повернулся, чтобы представиться, крепкий мужчина в распахнутой рубашке с коротко подстриженными волосами, и снова продолжил втолковывать что-то своему товарищу, сидевшему на барной стойке с бутылкой пива. – Домой прихожу – спать валюсь, сил вообще ни на что не хватает, братуха. Хочу Светке на день рождения мобиль купить. Розовый. А она на меня ещё за это и сердится, прикинь? Что я стал меньше времени ей уделять. Но я не обращаю внимания, скажу я вам, я упираюсь и делаю. Теперь-то ты меня понимаешь?

У него чуть заплетался язык, как у выпившего, но в целом Мирон выглядел вполне себе бодрим.

– Нипель, – подал Алексу руку сверху вниз худощавый парень с острыми скулами и хмельными глазами и снова обер-

нулся на Мирона. – Не, не понимаю, друган! Зачем ты так ради неё убиваешься? Я же вижу, что ты же вообще с работы не вылазишь. Я бы уже давно коньки отбросил. Ты же в прошлом месяце сколько объездил?

Этот даже немного приплясывал плечами, хотя музыка была гораздо спокойней.

– Четыреста двенадцать точек за месяц, братуха, прикинь!

– Четыреста двенадцать?! Да ты debil, ты че себя расходуешь то так быстро? Четыреста двенадцать! Тормозни, друган! Светка это оценит, думаешь? – и Нипель сделал несколько глубоких глотков из бутылки.

– Оценит! Еще как оценит! Я почти накопил. После приезда подарю, братуха. Но есть ещё кое-что – я пока молчок про мобиль, ничего ей не говорю, только вам. И вы молчите тоже. Вот когда мы на Берег приедем, я ей об этом расскажу. Заценили мысль? Она, как узнает про сюрприз, весь отпуск меня облизывать будет, я тебе говорю, братуха! В предвкушении подарка, ну и чтобы меня отблагодарить, конечно. Ну как? Круто я задумал? А если наш общий знакомый свою отпустит с нами, то я знаешь чё? – он понизил голос, но было слышно, – я их уговорю на троечку без вопросов!

– С м-м и м-м? – удивлённо промычал Нипель, запикивая имена.

– Да, да, и я вместе с ними, братуха! – счастливо засмеялся Мирон, поглаживая намечающийся живот и наливая себе в рюмку виски.

– И что, снова не расскажешь, как было? – сурово подкинул дровишки в костерок разговора молчаливый Сэм.

– Не-а! – оскалил Мирон зубы в усмешке.

– А чё так?

– Да меньше знаешь, крепче спишь, Сэм!

– Не понимаю этого, – развел руками Нипель и допил бутылку пива. – Что такого-то – пацанам рассказать о своих половых подвигах? Сейчас же рассказываешь! Кого стремишься ты, друган? – он почему-то вопросительно посмотрел на Алекса, который с каждой минутой все больше проваливался в ватную перину индийского гашиша и уже мало чего понимал.

– Да никого, братуха! – развел руками Мирон. – Ты сам посуди мозгой-то! Вот я сейчас пьяный, обнюханный сижу, языком треплю. Какой с меня спрос? Никакого. Ромчиком с самого утра заправляюсь третий день подряд, сам уже не понимаю, чего несу. Так ведь? Одни пустые слова и пьяные базары. Я прав? Я прав, скажу я вам! – сам себе ответил он. – А вот когда я сделаю, что хочу, то тогда я произведу действие, братуха. Что-то будет создано, понимаешь? Какая-то ситуация. И дальше она уже не рассосётся сама по себе, как пустая болтовня, она начнёт жить, может быть, во что-то перельётся, и этого уже не остановить. Когда действие произведено, его невозможно перемотать назад. И там, в этой ситуации, мы с её мужем ругаемся рано или поздно, девки наши попадают под чужие языки. И в какие дали это нас потом заве-

дёт, никто не знает. Но! Между этой неприятной ситуацией и абсолютным спокойствием – всего одна вещь!

– Какая, Мирон?

– Золото.

– Какое ещё золото, друган?!

– Молчание – это золото, братуха! – ответил тот, пошлепал себя по животу, бахнул рюкзаку и, довольный, откинулся на спинку кресла. – «Кто много звенит – тому некогда думать» – как говорит один умный человек, – шумно выдохнул он.

– Да с чего ты взял, что никто не узнает?

– А никому не выгодно, понимаешь? Мне? Я только что рассказал. Вам? Так вы только пьяные разговоры слышали. Девкам? Моя не из болтливых, сами знаете, да и вообще, моей даром не нужно кому-то рассказывать, что она нашу постель с кем-то делит, да и той тоже.

– Да он её не отпустит, ты чё! – фыркнул Нипель, открывая новую бутылку. – Он же знает, что она как бахнет* (выпьёт) пять капель, так сразу у неё передок жим-жим на подвиги.

– Да все они такие, братуха, – махнул рукой Мирон, снова откручивая крышку бутылки с алкоголем. – Все они такие, сам знаешь.

Нипель опустил голову и удручённо покивал головой.

– Не все! Вон, Ритка у меня не такая! – вдруг не согласился немногословный Сэм и расправил огромные волоса-

тые плечи. – И Алиса тоже. Да, Алекс? – обернулся он к тому.

– Не знаю, пацаны. Я в личные отношения людей не лезу, – Алекс засунул руки в карманы и покачнулся на каблуках. – Я за здоровье, так сказать, отвечаю, – многозначно высказался он, смутно понимая, что говорит. Парни вроде кивнули и опять начали разговаривать о своих делах, как через минуту к Алексу повернулся Мирон и, прищурив залитые синькой глаза, уточнил:

– А чего у Алисы со здоровьем?

Алекс облизнул сухие губы – его сильно накрыло с гашиша, и он в этом разговоре принимал участие, как зритель в кинотеатре на интересном, но не очень понятном фильме. А когда из фильма вдруг обернулись в зал, и, глядя на него, спросили: «А чего у Алисы со здоровьем?», то Алекс даже немного растерялся, не зная, что ответить.

*

Тем временем, в другой части огромной комнаты Алиса говорила, не задумываясь:

– Кстати, за здоровье вот ты сказала. У нас баба одна с работы мне недавно предъявлять начала. А мы с ней, короче, для её семьи разрабатывали план питания, всё просчитали, сделали заказ на неделю и всё – до свиданья-до свиданья. А потом она мне давай названивать, на встречи приглашать. Я, на свою голову, сходила и как охерела – она там мне це-

люю личную драму выложила. Столько начесала, что я, под конец, как выжатый лимон была, аж тошнило, не поверите.

– Да, бывают такие – ноют и ноют, – покивала Ийка, пригладив рыжие волосы. – У этой-то какие проблемы? Мужик изменяет?

– Её, видите ли, парень бросил.

– Бывает, – Марго закатила глаза.

– Она считает, что виновата карма.

– Что? Серьёзно? – усмехнулась Рита.

– Ага, представь! – рассмеялась Алиса.

– Карма влияет на начало, а дальше сама.

Произнесла Светка, оторвавшись от ногтей.

– Ой, Мышка, ты наш маленький философ доморощенный, бороды тебе не хватает! – засмеялась Алиса.

– Есть борода. Вон внизу, на бугорке чернобурка лохматится, – тут же нашлась Светка, показав глазами вниз, и подруги грянули хохотом.

– Так вот, девки, – продолжила Алиса после снижения уровня смеха. – Она говорит, что в прошлой жизни с кем-то несправедливо поступила, и люди отвечают ей так же. Все её бросают, мол, все подставляют и пользуются добротой. А она ангел небесный, вся такая правильная – чёлочка, воротничок, юбка по колено, короче сама добродетель, бантика не хватает. А так-то сама заучка, родители обеспеченные, дали образование, много знает всякой белиберды из попсовых книжек и считает себя умной. И я вот, слышите меня, с

ней рядом нахожусь, а саму от души воротит. Вроде и девка неплохая, но общаться просто невозможно.

– А чего невозможно? Она что, воздух портит что ли? Воняет? – тонко засмеялась Марго, но никто не поддержал.

– Причём тут воняет?

– А чё? У нас в школе была учительница, так от неё постоянно воняло потом и кошками, мы её Стинки звали, – попыталась обелиться Марго. – Тоже рядом было невозможно находиться.

– Ничем от этой не воняет, просто она какая-то не такая. То ли у неё завышенная самооценка, то ли она слишком приторная: улыбается чё-то, льстит, лебезит, видно, что всё у неё не по-настоящему. И ещё она постоянно жалуется – на погоду, на друзей, на парня, который её бросил, на родителей, на правительство даже. Просто вынос мозга, девки!

– И как ты с ней общаешься?

– Да никак! Я её просто отсекай начала, поняли? Отсекать! А она мне знаете чё? Ты, мол, такая-растакая, бестактная. А я ей знаете чё? Я ей – ладно, пусть я бестактная, а ты тогда какая – тактная что ли? – все хохотнули, а Алиса продолжила, подметив, что Светка даже не улыбнулась. – Она тогда и завиляла. Я ей говорю – и без тебя, мол, дел по горло, с подругами раз в месяц вижусь...

– Да, послушай, кстати! – шелкнула пальцами Марго, – ты нас точно забывать начала!

– Девки, да некогда мне!

– Вот она, дружба-то вылезит!

– С этой у тебя есть время, значит?

– Да-да, да-да! А с нами, значит, уже нет?

– Да, блин, я сама уже жалею, что с ней встретилась! Я аж ощущала, как она высасывала мою душу. Я серьёзно, девки! Она в меня вцепилась, что есть мочи, мы же друзья, говорит! Я говорю – какие друзья, ты чё, краля, берега попутала? Мы с тобой не подруги. Женская дружба – это нечто другое, чем у нас с тобой.

– Я вообще считаю, что многие думают, будто дружить – это нести друг другу горы всякой ненужной пурги. Мне кажется... – начала, было, Светка.

– Так ты просто Мышка, – со смехом перебила её Алиса. – И если ты всегда молчишь и выслушиваешь, то это же не значит, что все должны быть на тебя похожи?

– Главное – это выслушать и дать дельный совет, – вдруг раздался с галёрки голос Риты, и её чёрные миндалевидные глаза сомкнулись, словно подтверждая это.

– Ой, какая ты прям умная, – сразу отреагировала Алиса. – Главное, не перепутать совет с нравоучением, да ведь? Рита промолчала, покосившись.

– А ты, Мыша, запомни, что всем присутствующим на твои проблемы насрать сто куч, – снова обернулась к Светке Алиса. – У каждого, копни только чуть, сразу найдутся тысячи отговорок, чтобы не помочь, когда будет нужно. Помняни моё слово!

– Ты набухалась что ли? – неприязненно встряла в разговор рыжеволосая Ия.

– А чё это? – дерзко ответила ей Алиса.

– Много лишнего ты говоришь, бабёшка.

*

– Не любитель я много говорить, ребята. – Алекс погладил себя рукой по подбородку, что-то обдумал и высказал. – Да что там скажешь на глазок, про здоровье-то? Нужна же проверка. А распространятся о том, чего не знаешь, да ещё в отношении других людей – это большая ошибка, не так ли? – тактично ушел от ответа Алекс, глядя на Мирона.

– Ты это верно сказал, – помолчав, веско произнес пьяным голосом Мирон. – Давно с Атталом двигаешься?

– Да как сказать. Я бы, может, и поделился сроками, но разные люди в них вписаны, у всех свои дела, свои секреты. Сказал одному, ушло другому, а третий сделает выводы. Так ведь по жизни?

Алекса несло.

– Да, братан. В точку задвинул! Дай пять, – протянул ему лапу Мирон. – В нашем деле язык должен быть короткий, а ум – длинный, так Аттал Иваныч говорит.

– Вот-вот, – важно покачал Алекс головой, – и в этом мы с ним тоже солидарны.

– А ты по жизни в какую сторону пылишь?

– Что? Не понял. – Выбился из темы Саша.

– Откуда халву берешь? – встрял Нипель.

– Какую халву? – почти растерялся Алекс.

– Ты чем занимаешься? – пояснил Сэм.

– А! Я вообще-то... вообще... доктор.

– Кто? – в упор вытаращился Мирон.

– Айболит? – заплёл языком Нипель.

– Что болит? – недопонял магистр.

– Да не. Я так. Шутейно, – отъехал, было, Нипель, отворачиваясь и вихляя, словно на шарнирах, но не смог удержаться от любопытства. – Ты нерусский что ли?

– Знаете, меня часто об этом спрашивают, – рассмеялся Алекс. – Мой папа русский, но он поздно узнал о моем существовании. Да, так тоже бывает, – парень грустно покивал головой. – В общем, мы с ним познакомились, когда мне было лет десять, но это долгая история, и не нужно о ней здесь. А мама родилась в Македонии, в горах, она по национальности гречанка, и вся мамина, ну то есть наша семья – греки, я с ними вырос, поэтому иногда не въезжаю в русские шутки. Есть такое. Но так-то я в основном русский, – сбивчиво объяснил Алекс и прищурил красные глаза.

– Ладно, братан, всё понятно, – расслабился Мирон. – Бухнёшь с нами?

– Да, чё не бухнуть, пацаны, – улыбнулся Алекс. – Давайте бухнём!

– Точно русский, – хлопнул по колену и захохотал Нипель.

*

– Аська, ты нерусская что ли, нормальных слов не понимаешь? Ты достала уже парня терзать! Отпусти его, чего ты исполняешь! Он же от тебя насовсем ушёл, зачем ты его опять к себе недавно звала? – втолковывала соседке Ия, зажав полотенце крестом под грудью. – Что ты его маринуешь, как томат в банке? Уже мне, Алька, уже мне его жалко становится. Перестань ты его ерошить, в конце концов! – с наездом высказывалась рыжеволосая девушка.

– Курочка, очнись, да какое твое дело вообще? – пощёлкала пальцами Алиса, будто проверяя подругу на вменяемость.

– Так ты определись с пациком* (парнем, молодым человеком)!

– А тебе-то какая разница, дружок! – ехидно произнесла Алиса.

– Может, тут, знаешь ли, ещё есть желающие с ним поближе сойтись, так сказать, – внезапно ответила глупостью Ия.

– И кто же эти желающие? – затаила дыхание и понизила голос Алиса.

– Да вот есть такие! – поглядела на неё шальными глазами обнюханная Ия и вытерла пот со лба.

– Ты что-ль? – зло бросила Алиса.

– Пусть даже и я! – дерзко ответила Ия. – А Нипель возражать не будет, ты ведь знаешь, ему наплевать! – она повы-

сила голос и явно играла на публику.

– Не много ли захотела, сучка обожратая?!

– Это я сучка? – завелась Ия. – Слышь, овца!

– Давайте успокоимся? – раздался голос Риты.

– А ты не командуй тут! – скомандовала Алиса.

– А ты голос не повышай! – повысила голос Рита.

Остальные промолчали: Светка делала вид, что сосредоточилась на ногтях, Марго заинтересовалась коктейлем. За девичьим столом воцарилась нервная тишина. Алиса заметила взгляд Шурика, ответила ему, показав головой в сторону выхода и вопросительно подняв брови. Тот кивнул в ответ.

– Ладно, я поехала тогда, – поднялась Алиса и делано поклонилась. – Спасибо вам, дружочки, за добрую встречу.

– Ладно тебе, – сменила гнев на милость Ритка, – давай, посиди с нами, а то опять на месяц пропадёшь.

– Ну, коне-е-ешно, оставайся, лапуля, – пьяненькая Марго похлопала её по попе. – Они просто пьяные, обнюханные и накуренные. Не обращай на этих дурёх внимания, оставайся, если что, я тебя смогу спрятать за своей широкой грудью, – пошевелила она статью.

– Нет-нет. Спасибочки, конечно, подружки, но мне пора! Я возьму пузырек, ладно? – без спроса схватила она чуть початую бутылку рома, стоящую на столе. – Мне и правда нужно ехать, Шурика вон домой завезти.

– Сама, смотри, не заедь под него, – под общий смех за-

явила Светка, трогая наконец подсохшие ногти.

*

– О чем вы там смеялись? – спросил её Шурик, когда они попрощались со всеми и спустились вниз.

– Да так, про Мышкины ногти. Красит их весь день, девочки говорят.

– Да, да, – громко рассмеялся он, – я заметил. А почему, кстати, ты Свету Мышкой назвала?

– Так она мышка и есть. Я ж эту сучку кудрявую сто лет знаю, с детства, она всегда молчком, да молчком, как мышка.

– Понятно, – произнёс Алекс, не зная, о чём продолжить разговор и спросил первое, что пришло в голову. – Ну что, Элис, какие у тебя планы?

– Планы? Да, собственно... никаких, – девушка на секунду задумалась. – Домой не хочется, день ещё не закончился, с ними скучно – они пьют уже который день. Я как-то не очень люблю пьяных, – вышагивала она с бутылочкой рома в руке. – А знаешь что? Поехали на Прудок? Посидим, пообщаемся.

– Поехали. Круто! Я там отдыхал несколько раз, красивое место. Дорогое только.

– Да, недешёвое, – согласилась она в раздумье. – Но не обязательно в ресторан идти. У меня там лавочка есть, можно присесть на бережку, ром вот попить, – показала она бу-

тылку.

– А тебе отец ничего не скажет? – вдруг проявил он заботу.

– Нет, я позвоню ему по домашнему коннекту, он увидит, что я действительно из дома, и нормально к этому отнесется.

– Так у вас дом на Прудке?

– Да, у меня там дом. Мы возле него мобиль оставим, а сами пойдем к берегу, там и дорожка красивая извивается между каштанами.

Шурик тут же воодушевился.

– Давай, я – за! Если что, я потом пешком до дома уйду – мне вдоль озера и налево.

– Отлично, а то я не очень хотела бы ехать ночью пьяная за рулем, – одобрительно покачала головой и так уже вполне охмелевшая девушка.

На том и порешили.

*

Но, пока они добирались до Прудка, сгустились тучи, а когда они подъехали к дому, зарядил ливень. Пришлось срочно забегать в дом. Когда зажегся свет в коридоре, то выяснилось, что у Элис сильно промокло платье. Алисе пришлось отлучиться на пару минут, и вскоре она вернулась в длинном махровом розовом халате с котятками и белых мягких тапочках, а промокшее платье, встряхнув, повесила возле ка-

мина. По всей видимости, на сегодня поход на Прудок отменялся.

Оглядевшись, Алекс восхитился внутренним убранством маленького, но уютного домика, обставленного со вкусом. Его уже отпускало с гашиша, но в голове до сих пор плыл туман, поэтому он ёрзал в кресле, не зная, что делать дальше. В это время Элис, нажав на кнопку пульта, разожгла электрический камин, подвинув к нему сушилку, затем достала бокалы, лед и колу, положила две большие тряпичные салфетки на столик и этими создала уют.

Сначала молодые люди молча выпили по полбокала коктейля, алкоголь подействовал и вскоре небольшое отчуждение, сквозившее между ними весь день, понемногу сошло на нет.

– Будешь «снег», Шурик? – спросила Алиса, первой прервав молчание.

– А что такое снег? – приподнял брови Алекс, хотя прекрасно это понимал.

– Это наркотик. Очень мощный, предупреждаю, – прищурила глаза девушка.

– Никогда не пробовал, – молодой человек развел руками и тут ответил честно.

– И это хорошо, Шурик, и это хорошо, – она схватила сумочку и начала в ней рыться, – потому что к нему можно быстро привыкнуть, если силы воли нет. Ийка с Нипелем, вон, плотненько уже сидят. Она скоро сторчится в сопли*

(плотно подсядет на наркотик), будь уверен. У неё уже бессонница началась – это первый предвестник. И потеет постоянно. Скоро дозу увеличит и запараноит.

– А что дальше?

– Психушка, что ещё? Выйдет дурой. У некоторых башню сносит: из окон прыгают, кислоту пьют, глаза себе выкалывают. В общем, одна дорога.

– Ого, – испугался Алекс, находясь под действием гашиша, – так, может, и нам не стоит употреблять?

– Да не! Спасибо боженьке, мне можно – я редко, да метко, дружочек, – нашла она порошок и насыпала чуток на мизинчик. – Себе в удовольствие, понимаешь? В удовольствие-то можно, да ведь? – она повернулась с блаженной улыбкой. – Да и сила воли у меня ого-го! Хочу – употребляю, хочу – нет. Так что, будешь?

– Я не знаю, – замялся Шурика. – Просто никогда не пробовал.

– Ну вот, мы сейчас и распробуем, – сказала она и вдохнула в себя порцию порошка. – Первый раз – самый лучший, я тебя уверяю! – потёрла она нос, взяла Алекса за большой палец, насыпала туда из скомканного пакетика «снег», и протянула трубочку.

– А ты помнишь свой первый раз? – с совершенно наигранным беззаботным видом поинтересовался он, принимая трубочку дрожащей рукой и вдыхая вторую дорожку.

– Я не люблю об этом вспоминать, – нахмурилась она, но

Алекс этого уже не заметил. Он не успел ещё отойти от порции наркотика из кальяна, как смешал его сначала с ромом, а затем посыпал «снегом», и уже через пару минут переполнился эйфорией эндорфинов, счастьем серотонина и таким количеством мотивирующего дофамина, что даже вскочил с места и заходил по комнате. Он как будто сначала нырнул в сугроб после баньки, а затем вынырнул оттуда добрым молодцем.

– Ого! Ого! – такими междометиями оценил эффект Алекс.

– О-го-го! – передразнила она, пританцовывая, сидя в кресле, и тоже, по всей видимости, чувствуя приход* (удовлетворение от приёма наркотика).

В ответ Алекс посмотрел на девушку так, что она даже засмушалась, как бы принимая его игру. А он не играл – на его глазах Алиса преображалась, превращаясь из прекрасной Золушки в ослепительную принцессу. Это породило в нем такую бурю неподконтрольных разуму чувств, что он ощутил всю совокупность влюбленности, страсти и желания. Причем последнее чувство настолько преобладало над всеми остальными, что уже через пять минут он осыпал её комплиментами, а она, задорно смеясь от всей души, заставила его сесть в кресло, успокоиться и выпить ещё «Куба либре».

– Шурик, дружок, – звонко заливалась Алиса. – Мы же договаривались о книгах разговаривать, вот давай и поговорим. Какая у тебя любимая книга?

– Камасутра, – ни секунды не задумался он, чем вызвал у обоих приступ оглушительного хохота. Отсмеявшись, они начали острить, вспоминая сегодняшний день. Алиса рассказала, как она удивилась, когда в её комнату ввалился помятый Алекс в порванной куртке, но вообще выпала в осадок, когда затем он вышел из дома в сапогах. Посмеявшись, они переключились на ребят, у которых недавно были в гостях. Алиса болтала, не переставая, словно тренируя язык:

– Вообще Ия с Нипелем живут, как два чужих человека. Едят, разве что, за одним столом, а спят в разных кроватях с разными людьми и считают это нормальным, представляешь? Нипель давненько с наркотой балуется, да и она тоже, причём это он сам её и подсадил на эту гадость, жалеет сейчас, наверное. Однажды, давно уже, Нипель с кем-то переспал под этим делом и Ия ему тут же отомстила с каким-то армянином. Он об этом, конечно, узнал, и ты знаешь, всё у них стало рушиться прямо на глазах, ты не представляешь как быстро. Собачатся постоянно, друг друга куда подальше посылают, а раньше... Ты бы знал, какая это пара была, Шурик, ох, ты бы знал! Он ведь её на руках носил, я в прямом смысле это говорю, да что там, Ия планировала замуж за него выйти, детей думала завести, они даже кольца купили. У них вся жизнь была, как праздник! Один большой непрекращающийся праздник – с алкоголем, танцульками, наркотиками. А потом закрутилось и понеслось!

Зрочки у Алисы стали настолько огромными, что Алекс

буквально тонул в них.

– Просто сейчас всё иначе. Нипель совсем тупой стал в последнее время, прямо уже чувствуется сильная разница с тем, каким он был до этого. Он «снег» нюхает и «джет» курит через день, да каждый день. Вот точно дойдет до того, что папа выгонит его к чертовой матери, он уже как-то говорил об этом. А Ия все время его провоцирует, сучка тупая, с чужими мужиками заигрывает, типа, чтобы он обратил внимание. Очень вызывающе себя ведет, как шлюха какая-то, иной раз. Да ты сам видел. Голосисая* (без лифчика) ходит, типа она вся раскрепощенная такая – молодость, радость, топлесс, как у них говорится. А на самом деле – просто чтобы он увидел и заревновал. Я уже не знаю, то ли это она все ещё его доканывает, то ли ей понравилось? Ийку в последнее время прям несёт на приключения, особенно, когда обнюхается. Не понимаю, что она хочет? Все ждет, что Нипель психанет и что-то сделает, непонятно что. Морду ей набьет что ли?

Рассказывая об этом, девушка мягкими движениями поглаживала кожу на шее и между ключиц.

– Так вот, хоть Нипель и тупой, но умней Антошки, по крайней мере. Марго с ним живёт уже года четыре, три из них в браке, законном, а тот как был водилой, так им и остался – до старости дотянет с баранкой в руках, наверное. Я прямо так и вижу его стариком с геморроем на старой мобилке. И будет Маргушка женой шофера, и это с её-то внешностью,

ты видел? У неё пятый размер, всё свое! Ни одной морщинки, круглая, как шарик, сдобная, как булочка. Мужики к ней так и липнут, как мухи на навоз. И что она с ним забыла? Сейчас Маргуша моя лучшая подруга из всех этих овец. Бездельницы они тупорогие: сидят целыми днями, сплетничают за спиной, деньги своих мужиков тратят, стервы. Светку я давным-давно знаю, она моей закадычницей была, а потом к Ийке переметнулась. Да она всегда такой была – падкой на всё блестящее. Всему вечно завидует, Мышь. Это кличка у неё такая – Мышка.

Алиса вытерла капельки пота со лба. Алекс тоже ощутил испарину, ему захотелось раздеться, но он не стал этого делать, конечно.

– Из них всех только Ритка более-менее, мебелью какой-то приторговывает, ещё и в Аквилею, в высший ликей поступать тоже хочет, как и я. Двигается куда-то, сучка узкоглазая. Сэм у Ритки хоть и хороший парень, он мой старый друг, но тугодум, мягко говоря. Хоть папа и говорит, что уважение возрастом не добывается, но пока он старшим в бригаде Вити Комара считается и подчиняется только Вите. Ему уже двадцать семь, вроде, а остальным парням по двадцать пять или что-то типа того. Мой парень... мой бывший парень... – она поперхнулась, – он их на несколько лет помладше. – Алиса закашлялась и перевела разговор. – А видел, какой Сэм здоровенный, видел? Одним взмахом может с ног сбить! Я сама была свидетелем. А так-то Сэм добрый

парень, я давно его знаю. Да я всех давно знаю! Со Светкой даже в одном классе училась в школе, представляешь?

Алиса взяла бокал и стала водить пальцем по кромке бокала. Шурик загляделся, не в силах оторвать взора от подобной красоты.

– Да и с Ийкой мы тоже вместе стали двигаться в ликее. Её отец старинный друг моего папы, поэтому мы с ней раньше были немного знакомы и быстро сошлись. Светка с нами конечно – раз она моей подругой была с допотопных времён, как говорится. И как-то так получилось, что сейчас Мышка с Мироном живёт, представляешь, как все запуталось? – криво усмехнулась она. – Эх, какое золотое время было, спасибо боженьке за те времена. Я тогда и начала со своим бывшим встречаться, Мирон со Светкой, Антоха с Марго, Сэм тогда один был ещё, и Ия тоже одна. Они, кстати, несколько недель вместе гуляли, но не получилось у них, разные они, сам видел.

Девушка поджала ноги под себя, отчего её халат призывно распахнулся. Алекс почувствовал, что ему стало трудно дышать.

– Так вот, а потом папе понадобился водитель, я Марго об этом случайно сказала, а она сразу же говорит – типа, пусть на Антоху посмотрит. Тот с самого детства машинами увлекается, в шестнадцать лет водительские получил, прикинь? У кого сейчас в этом возрасте права? Единицы же! Да и Мирон с Сэмом за него слово сказали. В общем, с тех пор Ан-

тоха работает у нас. Потом папа Нипеля к себе взял – он наш родственник какой-то дальний. Он раньше, в детстве, тоже жил у нас, а потом уезжал на много лет, поэтому был свой и быстро влился в компанию. Ийка в него сразу без памяти влюбилась, как собачонка. И закрутилось. Чуть позже Сэм встретил Риту, не помню где... привёл, познакомил, и она тоже с нами стала гулять. Вот такая компания! Эх, какое время было! Сказка, да и только! Гулеванили ночами, пели песни, купались в озере, пили пиво. Я тебе серьезно говорю – у нас тогда самая крутая компания в полисе была, все парни работали на Аттала, а мы с девчонками все как на подбор – красотки, ты же видел да?

Он покивал с широко открытыми глазами и впервые открыл рот:

– А сейчас?

– А сейчас... сейчас всё не так, – скисла она. – Я, как ты знаешь, разошлась со своим. Ия с Нипелем тоже. Ну как, они ещё держатся вместе, типа. Живут в одной квартире, я бы так сказала. Раньше делили семейное пространство, а сейчас – совместную жилплощадь. Тут решили, что вместе поедут на Фракийский берег, типа, в последний раз, может, там что-то получится – восстановить отношения. Хотя я сомневаюсь, конечно. Очень сомневаюсь. Они себе туда уже гору «снега» заказали, а это значит, что там будет то же самое, что и здесь. Если ты делаешь то же, что и всегда, как можно ждать, что что-то изменится? Я не понимаю! Думаю, что там они окон-

чательно разосрутся* (разругаются), и на этом всё.

– А ты?

– А я... А я туда не еду. С ними. Потому что, – погрустнели её очи. – Я наказана отцом. Д я и не хочу, если честно, – неуверенно хмыкнула она. – Марго, наверное, тоже не поедет – её Антоха-то тут остается, поэтому он и жену не хочет отпускать. И правильно делает, Маргушка хоть и неплохая девка, но потаскушка, между нами говоря.

Алиса допила бокал, Алекс последовал её примеру и заново разлил ром, разбавив его колой.

– Из них всех я только про Ритку ничего плохого сказать не могу, хоть и стерва она, конечно, та ещё: вертит своим мужиком как хочет, но так хитро это делает, что Сэм думает, будто сам всё решает, наивный. А вот Мышка – да она мышка и есть – всё молчком, молчком. Правда, может подколоть, конечно – язык у неё острый, но она чаще прячет его за зубами. Да и Мирон у неё одинаковый, тоже слова лишнего не скажет, типа по понятиям чести и всё такое. Вообще, хотя Сэм и считается старшим по возрасту, но главный у них всё равно будет, мне кажется, Мирон. Просто это он по многим вопросам принимает решения. К его советам даже папа прислушивается. Был бы он немного посдержанней, меньше своё мнение выпячивал – так сейчас бы о-го-го. Папа говорит, что у Мирона есть потенциал, потому что прёт вперед и не оглядывается!

– Просто нельзя идти вперед, глядя назад! – вдруг, в пер-

вый раз прервав монолог, к месту вставил Алекс, вспомнив чью-то фразу.

Алиса расширила глаза и удивленно поглядела на него, восторженно сказав:

– Шурик, да ты меня просто поражаешь!

От её слов и действия «снега» его окатило волной такого блаженства, что ему чуть не стало плохо. Состояние счастья мгновенно сменилось на тревогу, тут же возникло чувство беспокойства, ибо высокий уровень дофамина может не только доставлять удовольствие, но и ввергать в панику. Алекс принялся было затравленно озираться и тяжело дышать, но прикосновение её маленькой теплой и мягкой, как шёлк, руки быстро успокоило и снова окунуло в nirvanу, где они вдвоём мгновенно нашли темы для разговора, перепрыгивая с погоды на любимые блюда, потом на музыку и места, где они были. Минуты летели, когда Алиса болтала обо все на свете, а Алекс слушал, получая от этого несказанное удовольствие. Иногда он довольно оглядывался вокруг – комната напоминала уютнейшее в мире место, где всем нам хочется быть. В голове звучало: «Дом, милый дом», а слова Алисы мягко играли на чувствах его души: определённые составы нейромедиаторов усиленно щекотали нейронные синапсы, многократно усиливая свое присутствие в разных частях мозга. С того момента, как они приняли «снег», их состояние изменилось, он ощущал, что стал другим человеком – уверенным в себе, открытым, отзывчивым, чувствующим мир

на смысловом уровне.

Часа через два, выпив на двоих бутылку рома, но будучи почти трезвыми из-за продолжающегося действия «снега», они переключились на работу. Оказалось, что Алиса преподавала правильное питание и активный образ жизни, у неё были даже свои ученики. Вместе они отдыхали, занимались спортом, танцами, посещали косметологов, гуляли по лесу, ходили на концерты, играли в гольф и бридж, путешествовали. Всё это организовывала Алиса, неплохо зарабатывая, ведь богатые люди любят хороший досуг. Когда она сказала, сколько денег ей эта деятельность приносит ежемесячно, Алекс удивленно присвистнул и почесал затылок.

Он не ожидал, что на такой, как ему казалось, ерунде можно делать неплохие деньги, он то думал, что чем крепче работаешь, тем больше получаешь. А оказалось, не нужно сидеть по ночам над тетрадями или выполнять двойной план по количеству лекций, достаточно подумать, придумать, и тогда начнёшь зарабатывать, а не получать. Как просто! Тут он вспомнил про свою беспросветную унылую жизнь, загрустил и очень некстати ощутил, как наркотическое возбуждение спадает, уступая место классическому опьянению. С каждой минутой жар рома в крови ощущался все сильнее, а сугробы «снега» в лабиринтах нейронных связей таяли, как под полуденным солнцем.

Алиса, по всей видимости, чувствовала то же самое, потому что её речь перестала быть связной, а радостная улыбка

все чаще становилась брезгливой:

– Некоторые мои ученицы вообще... Представляешь? Я им одно говорю, а они другое делают и потом удивляются. Одну тупицу уже полгода учу не употреблять пищу с содержанием холестерина, объясняю, что, в конце концов, жирная пища – всякие там яйца и мясо доведут её до инсульта...

– Да нет, не доведут, – икнул Шурик.

– Как это не доведут? Что ты, дружочек! Холестерин, то есть молекулы холестерина, входит в состав этого... липо... липо-чего-то-там... Жира, короче говоря. Он может быть как высокой плотности, так и низкой. Шурик, я всё это знаю, что ты! И вот эти жиринки скапливаются в кровеносном сосуде, на его стенке, из-за чего он сужается, и, в один прекрасный момент, происходит закупорка. Поэтому пища, богатая холестерином – печень или яичный желток, например, вызывает инсульты...

– Э-э-э, нет, не вызывает, – пьяно вздохнул доктор.

– Ты о чем, Шурик, как не вызывают-то? – чуть повысила голос Алиса.

– Ну так, не вызывают и всё.

– Да почему же? Сосуды в мозге какие? Кровеносные. Холестерин где? В крови. Жир попадает в сосуды и вызывает инсульт.

– Нет!

– Да как нет-то?! Что ты меня бесишь-то?! Шурик, дружочек, не надо так со мной разговаривать! – разозлилась Алиса.

– Ну, так я правду говорю... говорю, то есть, – уже немного заплетающимся языком ответил он, глядя в её осоловевшие глаза.

– Какую правду? – начала нервничать она. – Какую ты мне правду хочешь донести? Что в мозге нет крови? Ты дурак что ли? Ты мне тогда так и скажи!

– Я же нейрохирург, я как бы врач...

– Как бы срач ты, Шурик! – не на шутку завелась она. – Ты что, хочешь со мной поспорить что ли? Когда мы едим жирную животную пищу, то в крови накапливается много липо..., этого, я только что тебе говорила, как он? Этот...

– Липопротеин, – подсказал Шурик.

– Да! Много липопротеина, но не простого, а именно низкой плотности! Липопротеин низкой плотности, – старательно проговорила она. – Этот жир, как грязь в трубах, уменьшает проводимость кровеносных сосудов! Это называется «плохой» холестерин. А когда это происходит в мозге, то он может человека убить или сделать инвалидом, когда закупорит кровеносный сосуд и создаст тромб, который и станет причиной инсульта. Это значит, что пища с низким содержанием холестерина – это лекарство от инсультов, что я и говорю своим ученикам. Ну что, ты и с этим готов поспорить? – раздув ноздри заявила она, ожидая, что Шурик сдастся.

– С этим. Готов, – пьяненько рассмеялся парень.

– Ах, так! Хорошо, господин доктор. Хорошо! И на что мы спорим? – спросила она в полной уверенности, что тот

откажется.

– Хоть на что, – непонятно почему развеселился Шурик, глядя на неё косыми глазами.

– А хоть на что! Без разницы тебе, значит? – разошлась пьяная девушка. – Дружочек, а ты рискуешь! Ой, рискуешь, мальчик! Не боишься, что потом испугаешься, если проспоришь?

Шурик отрицательно икнул и прикрыл рукой рот, испуганно улыбнувшись.

– Ну давай-давай... хотя, подожди ... давай сначала до конца «снег» подметём* (употребим наркотик). А то что-то я в пьянку ухожу, нужно поправиться.

Она открыла пакетик со «снегом» и высыпала его на стол, сделав две дорожки. Отсыпав себе чуть побольше, Алиса глубоко втянула порошок через стеклянную узорчатую трубочку с белоснежной змеёй на тонком стекле, потом протянула её Шурику, который повторил все манипуляции за ней.

Его моментально вернуло назад, хотя и не так далеко как в первый раз. Но даже от повторной дозы он почувствовал в себе могущественную силу убеждения, дьявольскую уверенность в собственной неотразимости и небывалую чёткость мышления. И в то же время наркотик не овладел им полностью: молодой человек всё ещё чувствовал себя немного пьяным. «Неплохое ощущение», – подумалось ему, когда он снова, словно нырнул в сугроб, вынырнув из колодца с живой водой.

Алиса тоже преобразилась. Один лишь взгляд на неё снова вернул его в ту секунду, когда она поднялась навстречу в красивом платье. В тот миг он, словно попал в сказку и до сих пор оставался в ней, чувствуя себя её главным героем. Сейчас Алекс готов был сделать все ради неё, что угодно, лишь бы...

– Так что, – бодрым тоном ворвалась в его мысли Алиса. – Ты готов спорить?

– Спорить?! Всегда готов! – бодро воскликнул он.

– Тогда, если ты проспоришь, то ты должен мне одно желание, согласен?

– Какое желание? – дерзко уточнил Шурик.

– Я пока ещё не придумала, но ты должен поклясться, что выполнишь его по первой моей просьбе! Любое желание, дружочек! Ты сам сказал, что готов спорить хоть на что. Или сдаешься, мальчик? Отказываешься от своих слов? – брала она его на слабо.

– Нет-нет. Спорим. А что за желание может быть? Примерно?

– Даже и не знаю, что сказать. Может вполне невинное, типа съездить со мной за покупками, а может и посерьезней, всякое может быть. Моё желание и всё. Так что, дружочек, ты готов? – она состроила глазки и облизнула кончиком языка губы.

На Алекса снова накатило так, что он еле сдержался. Он чувствовал, что просто хочет её всей своей сущностью без

остатка. По крайней мере, с точки зрения физиологии его тело было готово к этому на сто процентов.

– Спорим! – и он пожал её мягкую руку, ласковую, как молоденькая кошка.

– погоди. А если я проиграю? – бархатным голосом промурчала она. – Что мне для тебя сделать? М?

– Знаешь что, Алиса? Сделай тогда мне минет! – вдруг услышал он собственный голос в ушах и немало поразился глубине и правильности ответа.

Девушка словно поперхнулась, её лицо внезапно поменялось, она растерялась, не зная, что ответить:

– Что ты сказал? Что мне сделать?

– Если проиграешь, то отсоси мне, Алиса, – на этот раз уже менее уверено произнёс он и пристально на неё поглядел. – Хотя, конечно, ты можешь отказаться от своих условий и спора. Ты же девочка, что с тебя возьмешь?

– Я девочка, и что с меня возьмешь?! Мне? Тебе? Отсосать?! – повторила за ним она, не веря в то, что услышала. – Ты вообще охамел, дружок? Ты за свои слова отвечаешь, вообще?!

– Я отвечаю. А ты? – перебил её он.

– Я-то за свои слова отвечаю, понял?! И если ты...

– Так что тогда, принимаешь условие? – он протянул ей руку.

В её глазах возникло сомнение, поплясало немного и исчезло. Алиса раздула ноздри, твёрдо пожала ему ладонь и

сказала жестким тоном:

– Хорошо. Ладно. Если проиграю я, то сделаю тебе минет, дружочек, хотя я очень и очень в этом сомневаюсь, но если проиграешь ты, в чем я уверена, то ты от меня так просто не отстанешь! Ты у меня поскачешь, как козленок вокруг колышка, слышишь? Ты так просто...

– Хорошо! Ну что, замазали?

– Замазали! – веско, по-мужски произнесла Алиса, разжав его ладонь. – Давай, дружок, попробуй мне рассказать, что я не права.

*

– Ладно, слушай, – ответил Алекс, ощущая в себе ораторский талант, помноженный на знание тематики, – вот скажи мне, Алиса, ты знаешь, что такое герпес?

– Герпес? – переспросила она. – Знаю. Это когда простуда на губах и иногда на половых органах есть, но редко. У меня не было ни разу. А при чём тут герпес, вообще?

– А при том, – начал Алекс, – что простой герпес встречается у восьмидесяти процентов населения, и, в основном, не вызывает ничего, кроме пузырьков на губах, ты это правильно заметила. Но иногда этот вирус попадает в мозг, по обонятельным нервам, например. И тогда он может привести к его разрушению: у одних людей развивается хроническая усталость, другие чувствуют несуществующие запахи,

у некоторых развивается слабоумие, бывает, что пациенты даже умирают. В Аквилее недавно был интересный случай, когда женщина перестала свою кошку узнавать: она не могла вспомнить, что есть такие звери как кошки. Короче говоря, один и тот же вирус вызывает разные последствия. Всё зависит от того, где он живёт и развивается – в кровотоке тела или головного мозга. Это понятно?

– Понятно, и что? – фыркнула Алиса.

– Слушай дальше. Это значит, что кровеносная система тела и кровеносная система мозга различаются. Между ними существует препятствие, которое называется гематоэнцефалический барьер – этакая граница между головным мозгом и всем остальным телом. Он не даёт различным веществам: бактериям, вирусам и прочей гадости из крови, циркулирующей по телу – попасть в совершенно другую, более чистую кровь. По сути, этот барьер является защитником мозга от многих чужеродных веществ, которые легко могут его разрушить. Я тебе так скажу, что даже иммунные клетки не могут проникнуть сквозь него, их словно стена не пропускает. Кислород проходит, спирт, впрочем, тоже, да и крошечные частицы наркотиков, вот как сейчас. А крупные частицы, увы, к сожалению многих фармацевтов – нет. Можно придумать крутую действующую молекулу, но она окажется чересчур крупной для барьера.

А липопротеин, содержащий холестерин – это огромная белково-липидная молекула, слишком большое соединение,

чтобы пройти через ГЭБ, как называют барьер нейрологи. Поэтому уровень холестерина, содержащийся в крови, напрямую не связан с уровнем холестерина в мозге.

Да, в мозге есть свой холестерин, он жизненно необходим для формирования новых синапсов между нейронами и для создания миелиновой оболочки, обволакивающей аксоны, если ты понимаешь, о чём я говорю. Вообще, ты не поверишь, но мозг – это орган с самым большим количеством холестерина в нашем теле, и это, повторюсь, не связано с питанием напрямую. В мозге есть специальные глиальные клетки, которые называются астроцитами, они и вырабатывают то количество холестерина, которое нам необходимо. Вот такие дела.

Поэтому, повторюсь, что ГЭБ – это такой барьер, который физически не сможет пропустить холестерин из крови в мозг, а это значит, что жирная пища напрямую не может вызвать инсульт, то есть ты проиграла, Алиса.

Алекс широко улыбнулся.

*

Алиса облизнула сухие губы и покашляла в кулачок – ситуация складывалась анекдотичная. С одной стороны, она действительно проиграла и не может нарушить слово, но этот парень, хоть он и симпатичный в целом хочет нереальную вещь. И что делать? Просто на первом и даже десятом

свидании такое поведение для нормальной девушки её круга считалось всеми, да и Алисой тоже, аморальным. Хотя, в это же время состав наркотических веществ в крови легко проникнул через ГЭБ, взбудоражил мысли, что-то внизу её живота запылало, и она внезапно пришла к мысли, что грязные танцы на сегодня – это не так уж и плохо. С другой стороны:

– Я проиграла, признаю. Но вот скажи мне, Шурик, ты же вроде доктор? Умный причем, наверное, да?

– Такой, – замялся от неожиданного вопроса Шурик, – нормальный.

– А раз ты нормальный, то почему на такую хрень со мной поспорил?

– Ну, ты же согласилась. По сути, ты сказала: «Да, я согласна». А сейчас уже не согласна?

– Шурик, подумай сам, – отмахнулась от его сарказма девушка. – Как ты себе это представляешь? Вот я встаю на колени перед тобой, расстегиваю ширинку, достаю и все прочее... Вот так?

– Как-то так, ага, – дурачком засмеялся Шурик.

– А прикинь, я бы блеванула! – вдруг бросила она.

– Чего? – не поверил Шурик.

– Ты же весь вечер не мылся, вот бы я не вытерпела запаха и блеванула прямо тебе на штаны? – пояснила она подробней. – Прикинь, какой психологический шок у тебя бы остался на всю жизнь? А потом бы я ещё показала пальцем

на твою пипиську и расхохоталась. Представил? У тебя бы год потом не стоял, – зло ухмыльнулась она. – Ну что, не ожидал такого поворота, дружочек?

Шурик что-то промолчал в ответ. Да, он не ожидал такого, если честно.

– Да ты не бойся, ты нормальный парень. Просто ты не с той карты зашел. Сразу с козырей начал, – вдруг победно засмеялась она, как бы прощая его.

– Да брось ты, с каких козырей? – попытался глупо отшутиться он. – С тузов?

– Да, да, с них, – погасила она улыбку. – Ну что, дружочек, как будем проблемку решать? Пойми, у нас так не принято.

– Что не принято?

– Вот это всё – не принято!

– А как у вас принято?

– Ха, – хакнула она, а потом задумчиво хмыкнула. – Хм!

– Ты пойми, – попытался объяснить он, – я же не знаю, что для тебя значило мое предложение. Может, ты из тех, кто не против лёгких связей? А как мне узнать, не проверив? Понятно? Вот ты расскажи мне, пожалуйста, что для тебя значил мой вопрос, растолкуй мне, ведь для того, чтобы тебя услышать, нужно, прежде всего, выслушать.

– Ха, – повторила она, собираясь с мыслями. – Наверное... наверное, сначала я была поражена, услышав такое, потому что считала тебя таким типичным парнем во френдзоне, а ты вдруг оказался другим. Потом я была раздосадо-

вана проигрышем, затем обескуражена тем, как мне придется исполнять твою ставку. Мы с тобой вообще плохо знакомы, я первый день тебя знаю, и ты мне такое предлагаешь! Для меня это шок, у нас так не принято, Саша.

– Да я понял, а как принято-то, скажи? – он пристально в неё вглядывался.

– Принято сначала почувствовать к объекту страсти сильную эмоцию.

– Я чувствую, – выпалил он. – Вот, правда, я чувствую!

– Что ты там чувствуешь? Шевеление в штанах?

– И это тоже. Но всё же, я чувствую, что... что я, наверное, влюбился, – открыто улыбнулся Саша, и Алиса вдруг почему-то покраснела. В камине треснуло полено.

– То есть ты попросил меня отсосать, потому что влюбился? – после долгого молчания она сощурила глаза и недоверчиво вытянула мордочку.

– Да, выходит так! – расплылся в довольной улыбке тот.

Алиса глубоко вздохнула и посмотрела на люстру.

– Мужики, вы вроде умные все, некоторые даже учёные, магистры, а такую херь несёте, просто нет никаких слов!

– Ты сейчас с кем разговариваешь? – хохотнул он.

– С тобой, дурачина! – махнула она рукой. – Ты понимаешь, что для того, чтобы добиться всякую уважающую себя девушку, тебе нужно научиться о ней позаботиться? А в чём я твою заботу увидела? Ни в чём. Все вокруг моё. Мобиль мой, дом мой, ром мой, спасибо боженке, «снег» вон и тот

тоже мой, – она саркастически улыбнулась.

«Мобиль папин, дом папин, ром и «снег» у Ии взяты», – подумал он, но вслух сказал: – Конечно, никакой заботы от меня ты ещё не видела! Но я постараюсь...

– Постараешься? Постарается он... – хмыкнула она. – А что это значит? Повезёт или не повезёт?

– Нет, скорей не так, – ответил он прямо. – Скорей, захочу или не захочу!

– Ах, вот как? То есть ты ещё можешь меня и не захотеть? Ты это хочешь сказать, или я ошибаюсь?

– Что ты, что ты?! Ты абсолютно права. Могу и не захотеть, вдруг ты мне минет не очень прикольно сделаешь, – все так же хохмил, не уступая, Алекс. – Проиграла ведь, не поспоришь.

– Я вообще сейчас до этого с кем разговаривала? – внезапно разошлась она. – Ты не услышал что ли ничего? Ни одного аргумента? Мне повторить? – и зашагала по комнате.

– Нет, нет, я все помню! Я же в адеквате* (адекватный). Ну, давай не сейчас, потом, когда сама захочешь, договорились? А вдруг? Однажды? А если? Что тут такого? Мы ребята молодые, чего нам? – пошёл он на мировую. – Давай отложим на потом этот вопрос. Я же всё понимаю, а сейчас ты тогда давай уступка за уступку. Сможешь сделать мне небольшое одолжение? – вдруг уже более спокойно произнес он, переводя тему. – Ничего криминального.

Она повернулась к нему и ехидно уточнила.

– Что за одолжение?

– У тебя тут есть другой халат? – озабоченно сдвинув брови, спросил Алекс.

– А-а-а, – озадаченно произнесла Алиса, – ну есть, а что?

– А какой он, можешь мне вкратце рассказать?

– Обычный халат, коротенький, лёгкий.

– А ты можешь его надеть?

– Надеть? А зачем?

– Любоваться!

– Мной?

– Да!

Алису пробрала дрожь, начавшаяся между ног и пронесшаяся вдоль позвоночника, рассыпавшись ярким приходом возбуждения в мозг. Она протяжно и глубоко вздохнула, а кожа на груди, которую открывало неглубокое декольте, покрылась розовыми пятнами. С неестественной улыбкой, с выражением на лице – «ох, уж эти поклонники!», грациозно покачивая бедрами, Алиса молча ушла в другую комнату переодеваться.

«Один-один – схватка продолжается», – подумал Александр, оставшись один. Её не было минут десять, и половину этого времени в доме явно слышался шум душа. Затем шикарная девушка с подведёнными глазами появилась в очень коротком кружевном халате телесного цвета. Он был таким лёгким, что буквально струился по телу. Неспешной, возбуждающей походкой красавица прошлась перед ним, по до-

роге включив негромкую музыку. Потом все так же неспешно остановилась в нескольких сантиметрах от него, обдав запахом духов и горячей женщины. Сердце Алекса застучало, как после быстрой пробежки, в руках почувствовалась дрожь, в голове творился хаос. А Алиса, как будто не замечая оторопь молодого человека, присела в соседнее кресло и стала задавать какие-то непонятные и бессмысленные вопросы. Что-то отвечая невпопад, безуспешно пытаясь вникнуть в суть, он восхищенно её разглядывал.

Минут через пять сила «снега» опять стала сходить на нет, взоры обоих затуманились, в то время как женский вокал в музыкальном треке определенно настраивал на лирическую волну с сексуальным подтекстом. Алкоголь снова побеждал, поэтому дальше всё происходило так, словно мелькали кадры в испорченном кино.

И вот.

Они вдвоем.

Медленно танцуют.

Целуются перед камином.

Играя, он покусывает её за шею.

Она томно шепчет ему: «Я без трусиков»

Тут же, возле камина, он проникает ей под халат.

Она, умудренная опытом, тянет его за руку на кровать.

Он плюхается на спину, а она – сверху.

Он расстегивает халатик, и тот падает вниз.

Кладет руки ей на бедра и скользит по её телу вверх.

Она начинает извиваться, но вдруг вздрагивает и замирает.

Обнаженная, она встает с кровати и затворяет дверь в спальню.

Туман

Утро мгновенно окунуло в похмельную реальность: в голове слышался бой курантов, во рту словно переночевали кони, живот бурлил, в ушах шумело. Настроение было настолько дерьмовое, насколько это может быть, потому что вчера организм потратил запасы серотонина, дофамина и их рецепторов, оставив мозгу только депрессивные нейро-коктейли, помноженные на общее паршивое состояние организма. Алекс поднял было голову, но тут же рухнул вновь от удара резкой боли в затылке и висках. Только через несколько минут борьбы с собственным телом он смог принять более-менее вертикальное положение. Шум в голове стих, а через минуту из ванной комнаты вышла Алиса, завернутая в широченное полотенце, и поглядела на него мутными воспалёнными глазами:

– Тебе надо идти, – сквозь силу произнесла она. – Одевайся.

– Алиса. Мне херово, – в изнеможении произнёс он.

– И мне, Шурик, тоже хреново. Поэтому тебе нужно как можно скорее одеться и пойти домой поспать. Хотя, сегодня же понедельник. Тебе на работу! – невесело усмехнулась она. – Бедняга.

– Я могу и не ходить... – начал, было, он. – Скажу, что заболел.

– Можешь ходить, можешь не ходить, мне без разницы. Главное, чтобы ты сейчас свалил куда-нибудь, – она прикрыла глаза и пару раз махнула пальцами в сторону двери.

Алекс в отчаянье посмотрел за окно туда, где только стало светать, а с травы поднималась дымка тумана. Впереди ему светило часа полтора до дома пешком. «Зато приду трезвым», – попробовал он себя успокоить. Кивнув Алисе, Шурик медленно начал надевать трусы и тут вспомнил, что вчера они...

«Что они вчера?» – попытался он вернуться назад сквозь туман похмелья, но ничего не приходило на ум. – «Что было у них с Алисой, ведь что-то же было?» – Алекс туго соображал, в голове была каша, хотелось засунуть два пальца в рот и очистить себя всего – с головы до ног. Словно в дымке, перед ним пролетали кадры, как он одевался, искал рубашку, как пытался поцеловать её на прощание, но получил лёгкий шлепок по щеке, как выходил на зябкий утренний воздух и брёл по мокрой траве. Проходя сквозь парк, обрамлявший Прудок – озеро в центре кампуса, территория вокруг которого считалась элитной, Алекс пересёк небольшую лесополосу и вышел на дорогу, ведущую в Асклепионскую филу, в которой он жил.

Он еле плёлся, понимая, что так плохо ему давно не было. Конечно, сказывалась нехватка позитивных гормонов, влияющих на эмоциональную систему организма. Безусловно, плохо соображала голова, потому что расшатанная печень не

вырабатывала необходимого для мозга количества глюкозы. Вдобавок алкоголь практически уничтожил запасы магния в организме, что привело к чрезмерному нервному возбуждению, и, соответственно, к аритмии, раздражительности и ознобу. Да ещё нутро выворачивалось наизнанку и просилось наружу. Но хуже всего было то, что после пьянки он ничего не помнил – как выключило с того момента, когда он предложил малознакомой девушке, да ещё дочери самого Аттала, да ещё такую дешёвую вещь! Причём, вот это он помнил, а всё остальное забыл, малака! Какое-то время он пытался воспроизвести хотя бы один миг из прошедшей ночи, восстановить в памяти её обнажённое тело, губы, соприкосновения тел... Но всё было бесполезно. Замычав от подавленности и стыда, Алекс спрятал лицо в ладонях, да так и пошёл. Всё вышеперечисленное в его голове слилось в одну кашу-малашу и взаимно усилилось, поэтому состояние и настроение его были весьма и весьма паршивыми, мягко говоря.

Алекс попытался хоть как-то отвлечься и занять разум. Он поглядел на часы – время шесть часов сорок минут, если сейчас идти домой, то дойдёт туда к восьми, а в восемь тридцать ему нужно быть на работе, то есть он не успеет даже умыться. Так лучше, может быть, тогда сразу двинуть на работу, но тогда он окажется там примерно в семь двадцать, а здание открывается без десяти восемь, и тогда придётся полчаса стоять и ждать. Не найдя решения, Алекс глубоко

вздохнул и, поколебавшись, потопал в ликей, уйдя в себя и не глядя на окружающую его реальность.

**

После Великого Потопа нужно было срочно восстанавливаться и приводить цивилизацию в порядок. По самым скромным подсчётам, для этого понадобилось не менее четверти века, то есть работать пришлось не только поколению «потопчан», но и их потомкам. Надо было многое поменять в кратчайшие сроки. Не было времени на то, чтобы впустую тратить десять лет на бестолковое воспитание детей в школе, давая им знания, которые не пригождались и поэтому забывались за ненадобностью в ближайшие годы. Это же самое касалось высшего образования, подготавливающего молодёжь к жизни в вымышленном мире. Да, бывали исключения, спору нет, но они лишь подтверждали общее правило – прежняя идея обучения устарела, как экскременты мамонта. Нужна была новая система.

Конечно, тут же появились скептики, которые посчитали данную идею реформации несостоятельной. Они принялись хмурить брови и говорить о невозможности менять то, что, в целом, успешно существовало десятилетиями. Тут же в высоких кабинетах нашлись те, кто соглашался с подобным консервативным настроем, ибо смена парадигмы образования напрямую влияла на то, каким станет общество уже

лет через пятнадцать-двадцать. Вырастить поколение умных людей себе на голову – это необдуманый поступок с политической точки зрения, ибо глупые тянутся стадом, куда их поведут, а разумные имеют свою точку зрения. С дураками намного легче – им наплевать на всё, кроме борща, примитивных сериалов и вспузырившихся треников, а вот с теми, кто с головой – с ними ж заколебёшься, их же стандартное существование не устраивает, им реальную жизнь подавай! Ишь чё!

Поэтому, наверное, никакой реформы так бы и не случилось, если бы не Великий Потоп. А там уже деваться некуда – пришлось, скрепя сердце, расцепить скрепы и начать меняться. Суть новой системы образования как раз и заключалась в том, чтобы максимально подготовить ребёнка к реальной жизни – причём сделать это так, чтобы он входил в неё уверенно, со знанием дела. Бессмысленную борьбу за получение академических оценок отменили, поскольку вы зубрить материал, а потом пересказать его, получив оценку – не находит применения нигде за пределами школы, кроме, быть может, самых низкооплачиваемых профессий.

Жизнь не терпит шаблонов, она зиждется на новых подходах, постоянном движении вперёд, взлётах и падениях, эпохах Средневековья и Возрождения. Конечно, основное качество людей – животное умение приспосабливаться к меняющейся обстановке, но есть в нас и человеческое желание творить нечто прекрасное, иметь вкус к жизни.

Вот этому раньше не учили в школе. Не приближали к реальности, а давали устаревшую теорию. Да, детям нужно уметь бегло читать и быстро считать, да нужно знать классиков и основы алгебры с геометрией, но необходимы и предметы, обучающие логике и практическому праву, знанию своего организма и нейропсихологии, а также генетики и эволюции, физики и химии, биологии и астрономии – для осознания глубины окружающего мира.

Главное, всё это должно быть в удовольствие, потому что знание без положительного эмоционального подкрепления плохо откладывается в памяти. Чтобы процесс запоминания происходил правильно, во-первых, стремились добиваться заинтересованности детей, дабы они сами принимали решение учиться, а во-вторых, старались исключать любой стресс, ибо он сбивал ребят с курса. Поэтому основными критериями новой системы образования стали две вещи: получение максимума интеллектуальных знаний, необходимых для полной творческой жизни, а также стремление научить детей просто-напросто получать от неё удовольствие. Но легко сказать, а как сделать? Сотни тысяч школьных преподавателей, десятки тысяч сотрудников вузов – их-то как обновить?

«Делай из проблемы задачу, и тогда она решится» – так говорили мудрые люди. Поэтому решение проблемы нашлось... и многое изменилось. Теперь, после окончания учёбы в школе, лет в тринадцать, полисные дети поступали

учиться в младший ликей. На первом курсе, помимо обязательной теории, два раза в неделю ребяташки посещали практические занятия, пробуя свои силы в какой-либо профессии. Всего в первый год обучения они узнавали девять специальностей, на каждую из которых уходило по месяцу практики. На втором курсе можно было заменить три профессии на выбор, а на третьем, четвёртом и пятом – по четыре. Так в возрасте семнадцати лет некоторые ученики успевали попрактиковаться аж на двадцати четырёх различных работах, и поэтому к концу юношеского возраста многие уже понимали, что им нравится делать в жизни, а что – нет. Тем более что за работу платили – когда треть, когда полставки. Так решали первую задачу – подготовить детей к взрослой жизни.

А в восемнадцать лет начиналось углублённое изучение теории по тематикам, что больше всего интересовали студентов, и тогда количество профессий сменялось качеством образования. Ученики высшего ликея получали знания о предмете от теоретиков и конкретику от практиков, нередко становясь связующим звеном между ними и даже родоначальниками новых направлений, ведь на стыке полученных знаний чаще появлялись свежие идеи.

Наиболее престижными у них, в Ахейском ликее считались кафедры «УПС» (Управление путей сообщения), «МИФ» (Механика, информатика, физика)», «ЗБС» (Здоровье, биоинженерия, спорт) и ещё, пожалуй, «Кварта» – гума-

нитарная кафедра с известными выходцами – знаменитыми художниками, музыкантами, поэтами. Архитектурный профиль «Кварты» был настолько силён, что давал фору даже проектировочному бюро «МИФа», выполняющему крупные инженерные заказы и зарабатывающему на этом огромные деньги.

Александр преподавал на довольно слабеньком нейро-профиле «ЗБСа», и в последнее время дела там шли неважно. Ведь совсем рядом, всего в семистах с небольшим километрах, в Аквилейском ликее, располагалась известная на весь союз кафедра «Нейрологии и развития мозга» под руководством профессора Гавриловского, оснащённая самым современным оборудованием для изучения мозга и операций на нём. Лучшие хирурги, учёные и преподаватели стекались туда, как мухи на мёд, потому что при кафедре был выстроен великолепный научно-исследовательский центр с огромным госпиталем и невероятным Александровским парком, с потерями, но перевезённым сюда аж из самого Питера много лет назад.

Именно там, в шуме молоденьких дубов, будучи студентом первого курса высшего ликея, проходил практику и Алекс, но на втором курсе он влюбился и не смог сдать выпускной экзамен, а потом погорячился при разговоре с профессором Гавриловским и пулей вылетел из ликея. Затем, впрочем, без проблем, поступил на кафедру ЗБС в Ахейском ликее, закончил её и остался преподавать после учё-

бы. Сейчас, находясь на подсосе Союзного министерства инженерии и науки, преподаватели получали необходимый денежный минимум зарплаты и совсем мизерный научный – на исследования. Обучать обучали, но открытий не делали, и, в общем-то, прозябали. И Алекс, естественно, тоже. Его надёжным союзником на этом нудном поприще был Юджин – друг и верный на протяжении последних лет. Они вместе учились, а потом и сами обучали ликеистов на «ЗБСе», но по разным профилям – Юдж преподавал «психонейроиммунологию».

У Юджина был сегодня выходной, а это значит, что он сто процентов сидит дома и сочиняет свои стишки. Сашин друг уже давно забил на карьеру, работал, конечно, но так, для галочки, чтобы оплачивать аренду и огромные счета за электричество. Всё свободное время он уделял каляканью, как называл его стихоплетство Алекс. Зато у Юджина хоть какое-то хобби было, а вот у него самого ни с чем особо не складывалось. «Какая-то размазня, а не человек. Всё не так идёт. Всё через жопу. Но почему?» – упрекнул он сам себя.

Алек вечно принимал какие-то не такие решения, или с ним что-то случалось. Самой первой нелепостью было в возрасте десяти лет уехать от матери из Македонии, потому что ей не хватало денег, чтобы прокормить всю семью. Она уговаривала, плакала и молила, но Алекос был непреклонен и улетел из Македонии в Союз, к отцу в Аквилею. Он до сих пор считает, что это было вердикт самому себе. В юности вы-

брал медицину, хотя сейчас понимал, что лучше бы педагогике. Затем зачем-то ушёл в нейропрофиль, потом придумал совершить открытие и долго над чем-то безуспешно бился, но ни к чему не пришёл. Оказывается, и тут он выбрал путь не туда. И вот так всю жизнь, малака!

Пока он думал такие грустные думы, его состояние, естественно, ухудшалось. Свежий утренний ветер бодрил, конечно, но желание сесть на унитаз, потом сходить в душ, съесть бутерброд и лечь спать, никак не выходило у него из головы, но до этого было ой как далеко. А хуже всего было то, что он ни черта не помнил. Что у них было с Алисой? Какая она без одежды? Сколько раз и подолгу ли у них всё происходило? И, самое главное, выполнила ли она обещание, данное ему в споре? Как он ни ломал голову, так ничего не вспомнил из этого – и именно этот факт был самым невыносимым!

Как и следовало ожидать, он пришёл в ликей пораньше и добрых полчаса ждал в рассветной тишине прихода уборщицы. На работе он пытался что-то поделывать, но безуспешно – хорошо хоть, что по понедельникам у него не было лекций. Помучавшись до вечера, он понуро поморосил к другу.

**

Купив по дороге четыре пинты пива, вскоре он уже стучал в дверь Юджа. Тот, как всегда, открыл только минуты через две.

– Дрочишь ты все время что ли? Никогда сразу дверь не открываешь, – почему-то раздраженно буркнул Алекс с порога, стряхнул с волос морось, и протянул ему пакет. – Держи, я пивасика принес.

– Здорова! – ответил Юдж, впуская. – Заходи, коль не шутишь.

– Да какие уж тут шутки, – снял обувь Алекс и направился на кухню. Юдж, ценой уменьшения комнаты, воткнул перегородку между кухней и остальной частью полости в бетонной коробке дома. Строительные компании называли такие комнаты «студиями», холостяки – «одиночками», а семейные – «малосемейками». Детей в доме почти не было.

– Пишу вот... задумался, музыка играет, наушники, – оправдывался Юджин.

– Господь дал тебе крайнюю плоть, но ты решил открыть сыромятню. Ладно-ладно, рукоблудничай себе на здоровье, – не слушая его, махнул рукой Алекс и сел на диван, пока Юдж доставал из мини-холодильника пельмени и молоко, заталкивая туда пиво. – Значит не помирился со своей? – он огляделся. – Опять быка включил* (заупрямился) и не извиняешься? С Кулаковой по новой?*(онанируешь)

– Да пошёл ты в хер дырявый, – вдруг вспылил друг. – Не спрашивай лучше ни о чём. Сам знаешь, у неё одна песня – денег нет, как с тобой жить и детей от тебя заводить?

– А ты что?

– Ничего. Сижу вот, стихи пишу.

– Ну, а что она?

– А она ушла, – раздражённо ответил Юдж, – Алек, чего ты до меня докопался?

– Да ты просто малака!

– Чего это я малака?

– Потому что ерундой занимаешься. Женщина же не молодеет с годами, ей семью нужно, а ты калякаешь себе в стол какую-то писанину. Кто её читать будет, Юдж, я тебе как другу говорю, кому она даром нужна? У тебя такая симпатная деваха – добрая, хорошая, а ты...

– Да ты меня-то пойми, Алек, – морщился Юдж. – Она пилит меня всё время, семь дней в неделю, а я наушники надену и пишу, пойми меня, пишу! Я словно и живу только в этот момент, а потом снова оказываюсь в этой серости будней. Мне самому с собой хорошо, наедине, но и её я не могу отпустить, люблю потому что. Просто... я понять что-то хочу, разобраться в жизни и, когда я пишу, то мне кажется, – неуверенно замялся он, – что у меня получается разобраться.

– Да в чём ты разобрался, Юдж? – Алек плюхнулся в старенькое кресло. – Ну-ка, скажи мне? Ты посмотри, где ты и как ты? Я, конечно, не лучше, но я-то холостой, а у тебя девушка, и ей хочется жить красиво. А что ты ей можешь дать, Юджин? Оглянись вокруг, – усмехнулся Алек, поганя всё вокруг своим настроением, но, заметив обиженное лицо друга, тут же воспринял его эмоции микродвижениями сво-

его лица и с извиняющей интонацией произнёс, – Ну ладно, друг, ладно, не лезу я в вашу личную жизнь. Извини, Юдж, если задел словом, просто плохо мне, давай лучше пива уже бухнем.

– А что такое? – тут же простил друг. – Кстати, поведай, где ты сегодня был, Алек, человек с мутными глазами? – достал из холодильника две бутылки пива и сел на мягкий диван Юдж.

– О-хо-хо! Устраивайся поудобней, дружок, ты такого ещё не слышал, – с ковбойской усталостью произнёс Александр, открыл бутылочку сначала другу, потом себе и не спеша рассказал большую часть истории Юджину, исключая упоминания Аттала, конечно, а тот внимательно слушал, попивая пиво и удивлённо качая головой. Алек что-то ещё долго бы рассказывал, ведая о своих злоключениях, приключениях и огорчениях, но в конце третьей бутылки почувствовал облегчение в теле, получив взамен сильную вялость и апатию. Никакого желания поддерживать разговор не стало, поэтому он сделал ход конём и попросил Юджа почитать стихи. Тот сначала отнекивался, но потом сдался и очень мягко и немного устало прочитал что-то личное:

*Уходя, не прощайся словами, ведь слова – это лишняя
пыль,*

*Всё проходит, вода точит камень, каждый миг превра-
щается в былль.*

И не слушай обид и упрёков, и не нужно чего-то в ответ:

Всё забудется. Всё. Понемногу. Через год. Через несколько лет.

Уходя, расставайся без фальши – оттолкнувшись от самого дна,

Ты придумаешь, что будет дальше.

И пойдёшь в это дальше одна.

Когда он закончил, Алекс спал.

Месяц прошёл как в мутном сне. Это были тяжёлые семьсот часов, во всех смыслах этого слова – он чувствовал, как втрескался в Алису по уши, просто не мог думать ни о ком и ни о чём другом, кроме неё. Она чудилась ему во встречных девушках, он вздрагивал, когда слышал похожий голос или видел очертания лица, напоминающие о ней, её образ приходил к нему во сне ночами. Алиса была на страницах книг, которые он читал и в музыке, что слышалась порой. Приближался сезон сессий, но Александр настолько потерялся, что не вошёл ни в один из экзаменационных советов с двойным окладом, он просто забыл об этом, а на работе целыми дня-

ми шатался и бесцельно пил кофе. Для вида он смеялся со всеми и в эти минуты даже немного отогревался душой, но всё равно съедала Шурика тоска-печаль.

У него обострился тот самый дофаминовый передоз, что будоражит несчастные мозги любого влюблённого. Помимо повышенной возбудимости и страстного желания, повышенный дофамин давал и побочки, выраженные в падении количества серотонина. В такие минуты Алекс становился беспокойным, неуверенным, раздражительным, невнимательным, зато острее чувствовал любую боль – как физическую, так и душевную, просто потому что оба эти чувства завязаны на серотонине и даже обрабатываются по соседству.

Влюблённость – не что иное, как рост содержания дофамина в стриатуме. Следствием этого становится сильная концентрация на том предмете, даже при воспоминании о котором повышается приток этого приятного медиатора. По тому же принципу, кстати, работают человеческие пристрастия: мы фокусируемся на них, они становятся важнее всего на свете, мешая лобным долям размышлять трезво. Многие теряют свою цену – дружба, родители, образование.

Иногда влюблённость перерастает в депрессию, поскольку в состоянии пониженного серотонина и повышенного дофамина мы становимся ранимы – ревнуем, обижаемся, грустим. Кажется, что мир несправедлив, всё против нас, и жизнь погружается в болото меланхолии. Мы легко вступаем в конфликты, отчего, кстати, нередко между вчерашними

пылкими влюблёнными вскипают бешеные ссоры из-за безобидной шутки.

Вот такое безрадостное состояние царило и в душе у Алекса. Он бесконечно вспоминал Алису, он только о ней и мечтал, и даже понимая суть электрохимических процессов у себя в голове, не пытался с этим абсолютно ничего поделать.

Боялся ли он Кашея? Да он про него просто не вспоминал вообще, не до того как-то было. Да и Наташка теперь его совершенно не прельщала. Алекс просто видел в ней говорящего человека и ни чувствовал к ней абсолютно ничего. Она не раз надевала свой самый откровенный наряд с настолько глубоким декольте, что видны были ареолы сосков. Пали все мужики в ликее, особенно учащиеся юноши. Даже женщины с откровенной завистью тарасились на её шикарный бюст, шипя вслед бессильные ругательства, а всё потому, что старшему проректору такой вид сотрудницы ужасно нравился. Короче говоря, никто не оставался равнодушным. Кроме Александра.

В его мыслях была только она – Алиса. Алиса. Алиса.

Сколько раз он порывался съездить к ней, но всегда останавливал себя. Ну как он, в конце концов, покати к её дому – на велике? Может, ещё короткие штанишки наденет? Подумывал одолжить мобиль, но, малака такая, не у кого. Да и вообще, что он может дать дочери богатейшего человека полиса? Двадцать метров квартирёшки да скромную зарплату

преподавателя? Кто он в это мире? Что он в нём делает? Да и вообще, нужно ли задавать себе такие вопросы или лучше попытаться смириться? Алекс не знал правильного ответа, и от этого настроение нашего героя падало всё ниже, хотя, признаться, ни на какого героя он никак не был похож – и Александр это прекрасно понимал! Жилось ему тяжело настолько, что и жить-то, собственно, не хотелось. Лишать себя жизни, пожалуй, нет, но вот уснуть и не проснуться, это, наверное – вполне. Его обессиливала опустошённость, особенно рано утром и поздно вечером.

Размышляя таким образом, понимая, что может никогда больше не увидеть Алису, вздыхая, вдыхая и выдыхая, Александр не спеша подходил к своему дому. Сегодня было ужасно ветрено, и в лицо летела пыль с дороги, но Алекс не торопился домой, потому что начинался май, все вокруг уже было зелёное и пушистое – природа благоухала. Старики говорили, что раньше в этих местах в начале мая только-только пробивались почки, а теперь уже с середины апреля тёрлось щекой о кожу настоящее тёплое лето. Великий Потоп, конечно, сильно поменял климат на планете, но у них в Союзе многое изменилось в лучшую сторону. Там, где раньше тёплый сезон длился три-четыре месяца, теперь он продолжался семь, прерываясь лишь на холодный дождик в ноябре и небольшой снежок с января по начало февраля. За несколько десятков лет мягкий климат превратил суровую уральскую природу в цветущий заповедник.

Конечно, многие километры страны оказались погребены потопом. Питер, например, покрывала тридцатиметровая толща воды, с двумя островками-отшельниками «Красносельской возвышенностью» и «Дудоровой горой», да верхними этажами домов, постепенно исчезающими в пучине. Александр был в этих местах на экскурсии лет пятнадцать назад – до сих пор картина стояла перед глазами. А на юге Средиземное море так широко разлилось, что превратило устье Дуная в Дунайское море длиной более шестисот километров, создав на своих берегах туристический рай под названием Фракийкий берег. До Южных Карпат на севере и Балканских гор на юге было полчаса езды, поэтому в случае возможного потопа можно было легко спрятаться там, тем более что в горах уже была создана необходимая инфраструктура, вот её и сдавали внаём желающим. Хорошо на Фракийском берегу, как в раю. Да и настоящее лето там начиналось ещё в марте, на месяц раньше.

Зато сейчас, в начале мая, у них, в полисе Ахея, что на Урале, всё цвело и пахло. Алекс прошёл через сосновую рощу, заботливо посаженную в центре северного угла их кампуса – Мессены. С изменением летних и зимних температур стал редеть хвойный лес. Конечно, сосновых рощ и ельника хватало, особенно в низинах, но без вмешательства людей на открытой местности хвойные леса понемногу бы исчезали. Поэтому в Ахее раз в год, в середине апреля, проводили праздник Дубравы, когда жители выезжали на пикник за пе-

риметр полиса, на опушку леса, сажали деревца, чаще всего крымскую или пицундскую сосну. У них даже свой ландшафтный дизайнер был, который указывал, какие саженцы куда садить, да где дорожки делать. Хороший полис у них, вообще-то, и жители тоже хорошие, и климат замечательный.

Каменная преграда Уральских гор мешала ледяным ветрам Северной Атлантики проникать вглубь континента. Лишь иногда, пару-тройку раз за зиму, плотный холодный ветер, накапливаясь, переваливал через горные хребты и с ускорением устремлялся вниз, неся с собой снег и вьюгу, но, как правило, через пару дней исчерпывал себя, растворяясь в тёплом воздухе. Да, за Уралом было хорошо, в то время как Великая Русская равнина промерзала основательно. Ветры Северной Европа, покрытой льдами, каждую зиму проникали глубоко на восток, поэтому страны, не прикрытые холмами или горами, понемногу прекращали своё существование – выживали лишь самые стойкие. Суровые люди Восточной Европы не уходили со своих земель, продолжая расширять города и полисы, пряча их от ветра за многокилометровыми зелёными шубами смешанных лесов. Когда-то давно учёные мужи пришли к очевидному решению, что для спасения от Северо-Атлантических метелей нужно засаживать территорию морозостойким лесом, поэтому большая европейская часть Союза была теперь покрыта густой тайгой – не вся, конечно, поэтому зимние метели нещадно молотили одинокие

колосья по замёрзшему жнивю.

Зато в лесах ветер резко сбавлял скорость, соприкасаясь с миллиардами листочков, иголочек, веточек, кустиков, веточек подлеска, стволов и крон. Через триста метров, за границей лесного массива, он стихал до пяти процентов от скорости ветра. Полисы строились посреди леса и не выше пяти этажей. Дома, как правило, располагались в небольших проулках, сливающихся в реку извилистой общей дороги, ведущей из филы – автономной жилой территории, в которой проживало по двадцать-двадцать пять тысяч человек. Филы сливались в более крупное муниципальное образование – кампус. И уже кампусы, соединяясь, рождали собой полис, как в территориальном, так и в политическом смысле. Кампус мог быть большим, состоящим из шести или даже десяти фил, либо средним – в него входило от двух до пяти фил.

В каждой филе располагались кольцевые дороги, называемых поясами. В центре, то есть внутри первого пояса размещались: местная администрация, огромное здание школы с детскими садами, госпиталь с поликлиникой, торгово-развлекательный центр, рекреационные зоны – парки, скверы или вот Прудок, как в Арсинойской филе. Второй пояс был застроен двухэтажными жилыми домами и таунхаусами – там жили люди с достатком, причём нередко на первых этажах домов устраивали офисы компаний, кабинеты предпринимателей или магазины. А в самом густонаселённом третьем поясе, в пятиэтажках, проживала основная часть жи-

телей. Как правило, сразу за третьим поясом начиналась лесопарковая зона – в некоторых местах её прорезала кампусная объездная дорога, но в основном на этой территории или прокладывали дорожки для гуляний или застраивали дачами.

В кампусе Мессена в основном жили греческие и русские семьи, но встречались и датчане, и французы, и немцы, и турки. Причем турки, почему-то, чаще селились именно в Арсинойской филе, где испокон жила многочисленная татарская семья Бусурмановых. Дядя Гаспар как-то рассказывал, что Бусурмановы приехали в Мессену из полузатопленного Крыма в самом начале существования полиса: старый Наиль, его жена, бабка Амина и пять их детей, лет двадцати-тридцати. Спустя некоторое время сюда стали переезжать их родственники, друзья, родственники друзей, игрались свадьбы, рождались детки. Крымские татары скупали частные дома во втором поясе и заселялись целыми подъездами в третьем. В юности из-за своей многочисленности молодые Бусурмановы были армией, которую просто невозможно было разбить. Хотя они редко вмешивались в их дворовые подростковые драки филы на филу. Старшие не разрешали.

Татары, вообще-то, держались немножко особняком, но с турками Бусурмановы сошлись очень хорошо, соприкасаясь не только вероисповеданием, но даже иногда и языком. В их речи часто проскальзывали похожие словечки, что не уди-

вительно, ведь турки с татарами, оказывается, родственные народы. Молодые парни Бусурмановы, войдя в возраст, почти поголовно переженились на турчанках, а вот девки Бусурмановы турецких холостяков не очень-то впечатляли почему-то и уезжали к мужьям в другие кампусы, создавая там новые семьи, новые фамилии.

Появлялись детишки, которые росли и со временем сливались в дворовые компании, а некоторые из них перевоплощались в банды. Драки между филами в его юности были всегда. Да, впрочем, так было заведено во всех кампусах Ахеи. Молодёжь, жившая в одной филе, объединялась по территориальному принципу, вне зависимости от национальности. В Мессене самой сильной считалась Асклепионская филла, в которой он и прожил последние двадцать лет – сначала с отцом, а потом, когда тот уехал жить в Союз, один.

У них была действительно сильная филла, в их школе училось больше всего детей – почти пять тысяч человек. Конечно, половина были девчонки, две трети – малолетки, но оставшаяся часть была практически непобедимой. Тем более что только у них в филле работала самая сильная во всём полисе спортивная школа имени Попенченко, которую в народе называли «По печени». Алекс тоже занимался там всё детство и юность, бездумно перепрыгивая с одного единоборства на другое, но никогда не становясь каким-либо выдающимся спортсменом – так, вторые-третьи места на городских соревнованиях. Хотя некоторые знакомые ребята ста-

новились не только чемпионами Ахеи, но и не раз выигрывали Золотой кубок Союза полисов. Он вспоминал, как раньше...

– Шурик! – знакомый, давно мучавший его душу голос всколыхнул сердце. Отказываясь поверить, он замер и закрыл глаза. Потом резко открыл их и медленно повернулся. Это была Алиса.

*

– Шурик, как хорошо, что я вас нашла, – Алиса громко крикнула и махнула ему рукой так, что даже прохожие обернулись. На ней была накинута розовая тонкая жилетка, голубые джинсы и бежевые кеды. Девушка смущённо улыбалась, подзывая его к себе. Боже, она была прекрасна – хрупкая, юная, безупречно красивая, притягивающая к себе взгляды. Шурик остолбенел и очнулся только, когда какой-то проходящий рядом мужик пробасил:

– Тебя такая девушка зовёт, а ты как телепень!

И Шурик побежал к ней. Остановившись подле в нерешительности, он замер и как можно более спокойно сказал:

– Здравствуй. Те.

– Привет, Шурик, дружочек, мне срочно нужна твоя помощь, – она мягко положила ему руку на плечо. – Пойдём, в мобиль сядем.

Сев и захлопнув дверь, Алекс почувствовал вниматель-

ный взгляд Алисы и утонул в её глазах. А она в это время быстро заговорила:

– Шурик, послушай меня. Мне нужна помощь. – Она сглотнула, и её глаза увлажнились. – Папа умирает.

– Аттал Иванович умирает? – очнулся и не поверил Алекс. – Но что с ним могло?..

– Инсульт, – произнесла она, недослушав. – Кровоизлияние.

– А точно? Кто ставил диагноз? – сразу начал пытаться помогать Алекс.

– Профессор Гавриловский в Аквилейском госпитале, – отрицательно покачала она головой, и Шурик стих. Это все меняло. Имя Гавриловского слишком много значило в научной среде, чтобы отрицать его мнение.

– Алиса, скажи, чем я могу помочь? – решительно выдохнул он.

– Я бы хотела, чтобы ты, знаешь, посмотрел на него, бумаги медицинские почитал, у дядь Вити должны быть. Сможешь? Скажешь потом его диагноз русским языком, что да как. Мы должны знать, Шурик, понимаешь, я должна знать правду. – Нижняя губа Алисы задрожала, и по щеке мелькнула вниз слезинка.

– Конечно, конечно, Алиса, какие вопросы, поехали! – заволновался Шурик.

– Погоди-погоди, а у тебя паспорт с собой? – она сбила его с мысли.

– Паспорт? Зачем, Алиса, зачем мой паспорт? – удивился он.

– Там есть такая формальность... – замялась она и вдруг психанула со слезами. – Шурик, а не все ли тебе равно? Хочешь помочь моему папе или нет, ты так прямо и скажи! А то – то да, то нет!

– Конечно хочу! Это, сейчас, погоди, сбегая за паспортом! – и Шурик помчался домой.

Через пять минут, запыхавшись, он забрался в её мобиль, и Алиса дала по газам.

По дороге Алекс успел сто раз извиниться и даже получить в награду её смех.

Алиса призналась, что тоже не помнит ничего с той ночи, причём с начала.

Александр не стал углубляться в эту тему, а перевёл разговор на её отца.

Элис ответила, что Агтал был на дне рождения, где и случилась беда.

А ещё сказала, что нужно быть свидетелем что-то типа завещания.

Для этого нужен совершеннолетний житель Ахеи. С паспортом.

Алекс понятливо покивал, и они болтали, пока не приехали.

Она побежала переодеваться, а его оставила на кухне. Прежде показала ему на чайник, на сахар, на стул.

Алекс огляделся. Он сидел на большой кухне –
Между ней и залом была широкая стена.
Вдруг в зал кто-то вошёл, вроде сел.
А может, и нет. Что-то сшуршало.
И потом наступила тишина.
Алекс тихо хлебал чай.
Выйти в комнату?
Остаться тут?
Решение.

*

– Здорова, Валера, брат! – загрохотали быстрые шаги, и
раздался резкий голос. – Чё, прикемарил чутка?* (задремал?)

– Здорова, Комар. – Послышался вздох дивана, с которого
приподнялись. В воздухе пронёсся шлёпающий звук рукопожатия.

– Был у Аттала-то? Видел, как его скособочило? – снова
послышался колкий голос, взвинчиваясь. – А ведь он с са-
мого начала тогда говорил, что у него башка трещит. Тука-
ет, говорит, у глаза. Потом приехали, винишка выпил, вроде,
всё прошло. А на утро встаёт...

– Где всё произошло то? Вы же к Микеле на день рожде-
ния поехали? – было слышно, как снова плюхнулся на диван
Валера.

– Так на денюхе все и скомкалось! Я ж тебе рассказываю! Сначала вроде без изменений было, до трех утра бухали, всё нормально. А часов в девять он встаёт, в зал выходит – справа рожа опустилась вниз, нога плетется, рука висит. Я сижу за стойкой, пивком похмеляюсь, а тут такая картина. Я ему: «Чё с тобой, Аттал?». А он на меня смотрит выпученными глазами, второй рукой чё-то машет и мычит: «Э-э-э». Я за Мишкой бегу к нему наверх, в спальню. Открываю дверь, а он там с двумя бабами спит, с голыми, – усмехнулся Комар. – Одна рядом лежит, а у второй во рту...

– Короче, Витя, не томи, что там дальше было-то? – раздраженно перебил Валера.

– Валера, так я тебе и говорю! Я заорал, мол, Иванычу плохо! Все вскочили, побежали вниз, а он там стоит посреде комнаты, глаза свои пучит и нам так уверенно, с интонацией: «Э-э-э-а-а». Я чуть не засмеялся, не при всех это будет сказано. Но реально, не смешно. Микеле его усадил на диван, сам в штаны влетел и побежал. Кричит: «Я за врачом, он профессор, сосед мой». Я хожу туда-сюда по комнате. Жду. Одна из девок халат накинула, сидит, молчит, губы кусает. А вторая вскочила, шторы, говорит, нужно задернуть, покой нужен для нервной системы, форточки открыла. К Атталу подбежала, попросила прилечь, несколько подушек под голову и спину положила, пледом укрыла. Тазик зачем-то при-тащила, на пол поставила и голову в эту сторону на бок повернула.

«Молодец. Всё правильно сделала», – подумал Алекс, а Витя Комар продолжал.

– Первая потом убежала навверх, уже одетая сверху спустилась, молча сумочку на плечо, ноги в каблуки и за дверь. Та девка, которая за Атталом ухаживала, сказала потом, что ту муж дома ждёт и прийдёт, наверное. Он её вчера до девяти вечера отпустил, а она только в десять домой явится. Утра. Ещё пьяная. И без трусов, забыла их там, прикинь, – загоготал Витя.

– Витя, не тяни резину за уши. Чё там с хозяином дальше?

– Так я и говорю. Долгонько Морозини не было, час где-то. Он потом с дядькой седым прибежал. Мозгокрутом, ну этим, врачом по голове, Гаврильским что ли? В допотопных очках такой.

«Гавриловским», – щелкнуло в голове у Алекса. И он ещё внимательней прислушался.

– Тот говорит: «Нужно срочно в больницу, на ризограф!»

«Томограф, малака, МРТ-томограф», – снова мысленно поправил его Алекс.

– Микеле убёг за мобили, а Гаврильский в это время ему какой-то укол сделал, прямо в живот почему-то. Через минуту Мишка ко входу подъехал на допотопном ещё автомобиле, бензиновом, здоровенном, жип называется, знаешь, да? В общем, Мишка со мной вперёд, Аттала сзади положили, а Гаврильский рядом с ним сел, под голову подушек наложил, окна открыл, и рванули мы в Аквилейский больничный го-

родок. По дороге Гаврила уколы делал в живот, в нос брызгал, хотя чё брызгать, соплей то нет? В общем, приехали, и сразу в реанимацию. Меня в приемном покое оставили бумажки заполнять, а Микеле с Гаврильским дальше пошли. И почему-то меня в реанимацию не впустили, а им даже слова не сказали?

– Почему-почему? Потому что он дож Аквилеи, – фыркнул Валера.

«Микеле Морозини! Точно! Дож Аквилеи! Ни – хе – ра – се – бе!», – беззвучно открыл рот Алекс и взялся руками за голову, ощущая масштаб личностей, о которых шла речь. Он приехал в Аквилею в восемь лет, без копейки в кармане, круглым сиротой. За долгие годы Микеле пробился с самого дна до должности первого человека в полисе. В самом крупном полисе Союза двадцать два больших двухсоттысячных кампуса, только официально там проживало пять миллионов человек! Политика, управление, безопасность, инфраструктура, социалка – всё это находилось в руках одного человека – дожа Аквилеи, звезды и любимца прессы Микеле Морозини. И это про него, охренеть, сейчас рассказывает какой-то мужик с резким голосом. А он, Алекс, подслушивает.

Нужно как-то исправлять ситуацию. Но как? Ладно бы сразу вышел, извинился, так нет! Он просидел здесь до того момента, когда выходить было уже неловко. И небезопасно, наверное. А эти двое тем временем продолжали.

– Потом врач какой-то спустился ко мне, сказал, что опе-

рацию делать нельзя. Уже не операциябельный, – тем временем скорбно продолжал Витя Комар. – Показал мне снимок, там полбашки черным пятном. Говорит, кровоизлияние, но, мол, сильный мужик, сердце крепкое, может, пролежит несколько дней, а потом помрёт, скорей всего. Шанс выжить есть, но крохотный, – и Витя глубоко и очень скорбно вздохнул.

«Что за бред, при чем тут сердце? Как это возможно вообще с кровотечением?» – вдруг подумал Алекс, а Комар после недолгой паузы продолжил уже с оттенком сомнения.

– Но ты знаешь, Валера. Что-то меня гложет.

– Что такое? – донеслась настороженная интонация.

– Понимаешь, когда его уже грузили на скорую, чтобы домой везти, то прибежал Гаврильский, в коридоре сунул мне в руку автошприц и пачку ампул. Сам трясётся, глаза снуют. Вот, говорит, совсем забыл вам передать, вы ему колите, это обезболивающее. Иначе, говорит, быстро может умереть. И в проход юркнул. Я сначала подрастерялся. Не хотел ставить даже. Но потом врач в скорой, который со мной поехал, на уколы посмотрел, сказал, что это для разжижения крови, при инсульте их ставят, и люди даже отходят, бывает. Хотите, говорит, я сам поставлю? Ага. Показал мне, как ставить, там ничего, оказывается, сложного нет. Поднес к руке, он запищал, на курочек небольшой нажал и шмальнул. Потом мы Иваныча на «путинку» погрузили и сюда привезли. Вот так и лежит три дня уже. Иногда глаза открывает, смотрит на

меня, взгляд такой понимающий, что-то пытается сказать и снова в кому впадает.

«Что за херню он несет? Какая ещё кома? Три дня с геморрагическим инсультом на полбашки? Без операции? Что-то пытается сказать, находясь в вегетативке?»* (вегетативное состояние человека, когда он полностью лишён сознания).

– Я пока никому ничего не говорил. В Аквилее несколько человек знает: ты, я, Алиска, ну и наших пару ребят...

– Да нихера подобного! – вдруг повысил голос Валера. Судя по шагам, он нервно заходил по комнате. – Я чего хотел увидеться-то?! Короче, сегодня мне весточка пришла, что в полис закатились Вуйчики!

– Ах, они с-с-суки волосатые! Откуда спознали? – зашипел Витя Комар.

А Алекс засмеялся про себя. Не вуйчиками, а вейчиками в его детстве называли игрушечных толстых гномиков со смешными рожищами и писюном. И у них, действительно, были торчащие в стороны длинные волосы. Он представил, как они закатываются в город, и от этого его пробирал смех.

– Вот с-суки! Откуда узнали? И это, кто их спалил? – тяжело произнес Витя.

– Миша Постовой. Сегодня его смена. Сижу, говорит, возле розетки* (заправка для электромобилей) на трассе в сторону Афона. Подъезжает мобила и из неё выходит Каспер Вуйчик. В сортир сходил и дальше поехали. Постовой сказал, что в мобиле был ещё один или два человека, непонятно

точно. У него зрение плохое, а в госпиталь не хочет ложиться, мудила толстый.

– А Постовой откуда Вуйчиков знает?

– Так он сюда из Ганзы приехал, как не знать? Но давненько приехал, пацаном ещё. А сейчас вон какую ряху отъел, килограмм сто двадцать весит, не меньше. И Каспер его не узнал короче. Постовой сразу мне на коннект, я пулей лечу на южный въезд, а там нигде мобилия ихнего нет. Он свернул где-то на въезде, догадываешься куда, браток?

– С-с-сука, – по всей видимости, легко догадался Комар.

– Да, да! В «Слепой Пью», куда ещё, – явно иронизировал Валера.

– Уж сто раз пожалел, что продал им «Туман», блять! Это же надо было, переименовать «Туман» в какого-то «Пью», хер его за ногу! «Слепой Пью» – это же надо так мой любимый бар назвать. Агтал же меня сто раз предупреждал, что добром дело не окончится. И, кстати, Каспер именно тогда он у меня ручку спер, тварь такая, когда «Туман» у меня покупал! – психовал Витя. – Я же ему, суке, в лицо сказал...

– Да, сто раз ты уже это рассказывал, – перебил его Валера. – Короче, я подъехал к «Туману», вышел из мобилия за несколько домов, к заднему входу прокрался, а там свежие следы прямо в подсобку.

– Я тоже там мобилку ставил, – с ненавистью отозвался Комар.

– Вот я тебя и набрал, чтобы увидеться и рассказать, –

закончил Валера.

– Вуйчики, суки! Ненавижу их, особенно эту тварь Каспера. Фуфел тряпочный! Если бы не Симон, давно бы порезал эту прилизанную свинью на куски.

– Да нормальные они парни, браток, – остановил его Валера.

– Да хера там лысого, нормальные они! – явно не торопился соглашаться Витя.

– Ты их чё знаешь-то? А я лет пятнадцать уже! Я ещё помню времена, когда мы были молодыми, – с ностальгией произнес Валера и добавил. – А у Симона ещё были волосы. Мы тогда неплохо жили, Витя. Дружно, без ссор. Где мы свернули мимо? Почему все пошло не так?

– Потому что ты древний динозавр, Валера! – вдруг раздался насмешливый голос Алисы, и её каблучки застучали по мраморному полу. – Привет, дядь Вить! Что вы тут делаете, я думала, что вы уехали? Где Шурик?

– Какой ещё Шурик? – Удивленно ответил Комар.

И тут Алекс понял, что пора и ему появиться из-за кулис кухни.

– Э-м-м. Я здесь, – смущенно вышел из арки Шурик. Ему было очень стыдно, и поэтому его щеки залил багряный румянец. В нескольких метрах от него недоверчиво застыл незнакомый сухой пожилой мужчина среднего роста, который, обернувшись и прищурившись, неприязненно посмотрел ему в глаза. Чуть подальше оперся на огромные наполь-

ные часы его собеседник – более молодой, уже знакомый, но тоже не менее недружелюбный субъект. Это был тот самый Берет, мимо которого они проходили, когда его сюда впервые привел Ринат Мансурович. Он засунул руки в карманы и всем своим видом явно выражал недовольство, как ситуацией, так и конкретно Алексом. Посреди большой комнаты, с какими-то документами в руке и с улыбкой на лице, обратила взор на Алекса Алиса.

– А ты что ещё за хрен с горы? – вдруг выпалил тот, что стоял ближе. Судя по голосу, это был Витя Комар. – Ты откуда нарисовался такой нарядный, а, фраер?

– Это мой друг, дядь Вить, – сходу вступилась за него Алиса. – Он доктор. Нейролог. Приехал папу посмотреть, – сразу нашлась она.

– Здравствуйте, я Александр Церебраун. Я действительно доктор. Простите, я не хотел вас подслушивать. Просто вы так быстро начали диалог, что мне было неловко вмешиваться...

– А подслушивать ловко? – перебил Комар, подойдя поближе, и ткнув указательным пальцем и мизинцем в грудь.

– Простите. Я не думал даже слушать ваш разговор, просто...

– Да нихера не просто, малый, – вытащил Комар из-за спины пистолет и с угрозой наклонил голову.

– Дядя Витя! Дядь Вить! Убери, пока в ногу себе не попал, – раздраженно прикрикнула Алиса. – Человек приехал

посмотреть папу, а ты вытащил ствол и начал махать. Он же доктор. И вообще, видишь ведь, покраснел он, извинился. Что ты налетел-то, ей богу? Что за секретные разговоры тут у вас?

– Да никаких секретов, – неуверенно обернулся на неё Комар. – Так, стоим, разговариваем.

– А что обсуждаете-то, поделись?

– Да ни про что, – замялся Витя и с надеждой обернулся в сторону Валеры.

– И долго они тут ни про что разговаривают? – перевела взгляд на Шурика Алиса.

– Да нет, не очень... – промямлил он. Валера и Витя недобро повернули голову в его сторону, причем Комар до сих пор не убрал пистолет из руки. И вдруг Алексу пришла в голову спасительная мысль, – он решил воспользоваться ситуацией, чтобы выручить мужиков, явно не желающих делиться своими секретами. – Алиса, джентльмены обсуждали здоровье вашего отца. И я услышал пару любопытных фактов от вас, Виталий, – показал пальцем Шурик на стоящего перед ним Витю Комара. – Вы сказали, что иногда он открывает глаза и смотрит. Скажите, он делает это разумно? Сознательно?

– Как те сказать? – не сразу нашелся Комар, обескураженный внезапной переменой темы, тем, что внезапно ему приходится отвечать на вопросы чужака и особенно тем, что его назвали Виталий, хотя он Виктор. – Нормально. Смотрит,

как будто хочет что-то сказать, губами шевелит, мычит, но непонятно ничего.

– Просто... – Шурик посмотрел на Алису. – Можно мне рассказать про инсульт Аттала Ивановича?

– Да, – кивнула она неуверенно головой. И тогда Шурик, переводя взгляд с Алисы на Комара, а с Вити на Валеру, торопливо начал необычную лекцию:

– Судя по тому, что вы рассказали, у него инсульт в левой половине головного мозга. Вы упомянули, как у него отнялась правая сторона, верно? Вот. Это значит, что нарушена деятельность противоположного – левого полушария. У нас правое полушарие отвечает за работу левой части тела и наоборот. Это же подтверждает и тот факт, что он потерял речь. Зона Брока, отвечающая за речевые функции, находится в левой части мозга. Она у него тоже пострадала, поэтому он говорить физически не может, у него нейроны погибли. Нужно ждать, пока не появятся новые нейронные связи, отвечающие за речь.

Алекс всплеснул руками и недоумённо продолжил.

– Здесь для меня все понятно, но дальше начинаются несостыковки. Вы говорите, что к нему приехал профессор Гавриловский, небольшого роста такой, седой, верно?

– Ага, – кивнул ничего не понимающий Комар. – В очках.

– Он сделал укол в область возле пупка...

– Ага, в живот, я тоже удивился. В вену же нужно! Врач называется!

– Нет, все правильно. При инсульте, в первые несколько часов, жизненно важно ввести специальный белок в переднюю брюшную стенку, откуда препарат очень быстро всасывается. Этот белок, как бы вам объяснить, он важен для работы иммунной системы и, кроме того, помогает остановить воспалительные процессы в мозге, которые начинаются без притока кислорода к клеткам. Что и происходит при инсульте. В общем, тут всё понятно.

– Да что понятно? – продолжал возмущаться Комар. – Мы когда в мобиле ехали, он ему несколько раз нос закапывал. Я ему говорю, что у Аттала нет соплей, что ты ему насморк лечишь, лекарь!

– Это тоже правильно, – возразил Алекс. – Скорей всего, это тоже биорегулятор, который помогает остановить поражение тканей. Вообще, к действиям Гавриловского никаких претензий в самом начале нет, он всё делал правильно. Но дальше начинаются странности. Например, в больнице вам какой-то врач сказал, будто пациент умрёт, и операцию делать нельзя. А Гавриловский передал вам лекарства, вы сказали, что кроворазжижающие...

– Ага, для разжижения крови, врач в скорой подтвердил, – подтвердил Витя.

– Потом нужно посмотреть, кстати, что это за инъекции, – отвлекся Александр. – Так вот, дело в том, что при геморрагическом инсульте...

– Ага, геморройном каком-то, он тоже так сказал... – сно-

ва кивнул Витя Комар.

– При этом обширном инсульте такие лекарства не дают. Тут поможет только операция – трепанация черепа, если кровоизлияние произошло в полушария, или дренаж устанавливают, если кровь в желудочках скопилась, или пункцию, когда череп иглой прокалывают. Короче говоря, так как это серьезное кровоизлияние в мозг, то чем быстрее будет удалена кровь, тем лучше. Тут никакие лекарства не помогут. Сами попробуйте таблеткой кровь остановить.

– Вот он падла! Специалист называется... – набычился Комар, а Алиса нахмурилась, внимательно глядя на Шурика.

– Нет, вы не понимаете. Вы говорите, что Аттал Иванович находится тут несколько дней, причём он открывает глаза и разумно на вас смотрит. Верно? – снова спросил об этом Александр.

– Ну да, – в который раз кивнул Витя.

– Не сходится у меня, понимаете? Тогда ещё вопрос – когда вы с Атталом Ивановичем ждали Гавриловского, ну, в самом начале, в доме Морозини, он терял сознание?

– Нет, не было такого. Слабость была у него, с трудом шевелился и говорил, но был в сознании.

– Он храпел? Его рвало? Не мочился под себя?

– Да что ты такое говоришь, парень?! Ничего такого не было! Чтобы Аттал обоссался? Он себя в любом состоянии контролирует, чтобы ты знал. И тогда тоже было плохо, но он держался.

– Вот, Виталий! И это значит, что у него не геморрагический, а ишемический инсульт! – выпалил Алекс и торжественно посмотрел на всех присутствующих. Те недоумённо переглянулись.

– И-и-и что? Прости, я не поняла, – присела на краешек кресла Алиса. Да и остальные сделали непонимающие лица. Пожалуй, только Валера выделялся – похоже, он не столько слушал Шурика, сколько рассматривал что-то в Алисе.

– Это значит, что у него нет кровоизлияния. Просто один из сосудов, снабжающих головной мозг кровью и кислородом, закупорился, и часть клеток умерло, скорей всего, где-то в левой части, в областях, отвечающих за моторные и речевые функции. Поэтому Гавриловский дал лекарства для растворения тромба, поскольку это возможность быстрее спасти как можно больше клеток. Если бы у Аттала Ивановича был геморрагический инсульт, то один такой укол убил бы его. Представьте, кровь и так льется в мозг, да ещё пациент получает препарат, препятствующий образованию тромбоцитов. Всё, это смерть!

Но врач дал ему такое лекарство, и оно не убило, а, скорей всего, помогло. Значит, это точно ишемический инсульт, тем более в быстрые сроки остановленный. Кроме того, вы говорите, что он смотрит на вас, что-то пытается сказать. При обширном геморрагическом инсульте это невозможно – там человек попросту переходит в вегетативное состояние, говоря по-простому, превращается в овощ. И это опять же под-

тверждает, что у него ишемический инсульт.

– И что дальше-то? – опять покрутила головой Алиса.

– А дальше-то, – торжествующе выдал Шурик и выдержал паузу, – что Агтал Иванович может вовсе и не умереть.

– Как так? – вытаращил глаза Витя.

– А вот так. Конечно, нужно сначала лекарства посмотреть, чтобы проверить мою мысль. Где они?

– Вот тут лежат, на полке, – Алиса вскочила, подбежала к полке и принесла Шурику пакетик с медикаментами. – Вот это из больницы дядя Витя привез. Тут все лекарства.

Шурик посмотрел на инъекции и кивнул головой:

– Да, это антикоагулянты, их только при ишемическом инсульте назначают. Они ещё и со снотворным эффектом, чтобы в первые дни пациент больше спал, так восстановление проходит быстрее, поэтому он и спит все время и изредка просыпается. А вот эти таблетки – это ноотропы, для ускорения реабилитации.

– Да, он как проснется – мы ему укол ставим, – кивнула Алиса и поправилась. – Луиза ставит. А таблетки под язык.

– Всё верно, но тогда я не понимаю, почему на снимке было видно кровоизлияние? Где, кстати, снимок?

– А он не дал мне его, – развел руками Витя.

– Как не дал? А амбулаторная карта есть?

– Нет-нет, ничего такого нету.

– Дядь Вить, может, ты забыл где-то? – повернулась Алиса к Комару.

– Нет, Лисён, стопудово. Мне вот эти красненькие таблетки дали в скорой, и эти уколы Гаврилин дал. Бумажек никаких нет больше. – Дядя Витя Комар явно чувствовал себя неловко, вспоминая, куда он мог задевать столь важные документы. И ещё раз отрицательно ответил, – Нет-нет. Точно, врач из госпиталя точно ничего не отдавал. Он всё с собой унес...

– Скажите, Шурик, а он что, будет жить? – взволновано перебила оправдания Вити Алиса, не заметив, как Валера все ближе подбирался к ней, напряженно во что-то всматриваясь.

– Вот этого я сказать не могу. Если раньше у него не было инсультов? Не было? Ну вот, тогда есть шансы, что он пойдет на поправку. Но... конечно, я ничего предсказать не могу, может быть и летальный исход, к сожалению. Тут я бессилён, конечно, но шансы на выздоровление есть.

– Значит, он может и умереть в любой момент, и остаться жить? И зависит это мельчайшего случая? – задумчиво начала кусать себя за губу Алиса.

– Да, сейчас всё зависит от случая, вот такой парадокс Шрёдингера, – неуместно попытался пошутить Шурик, хоть этого никто и не понял.

– И что делать? – спросила она сама себя, но Шурик ответил, не заметив этого:

– Ничего, к сожалению. Сейчас все зависит от него самого, от желания жить...

– Послушай-ка, девочка, – вдруг раздался немного зловещий голос Валеры, который теперь уже стоял прямо за спиной Алисы. – А куда это ты с хозяйскими доверенностями собралась?

*

Алиса вздрогнула.

Все взоры обратились к ней.

Валера показал на документы в руках Алисы и сказал: «Это доверенности, которые выдал Аттал».

«Что за доверенности?», – спросил, чуть наклонившись вперед, Витя.

«На распоряжение всей собственностью Аттала, браток», – в тон ему ответил Валера.

«А как ты об этом узнал?», – критически оценив сказанное, задал непростой вопрос Комар.

«Хозяин берёт меня на сделки же. У меня право второй подписи», – напомнил Валера.

«Я не въехал, что в этих документах важного?», – ещё не осознал Витя.

Валера: «Собственность Аттала. И наша с тобой тоже».

Витя прищурил глаза и поглядел на Алису.

Она бросила умоляющий взгляд.

И Александр произнес.

– Джентльмены, – попытался взять ситуацию в руки Алекс. – Давайте всё обсудим...

– Слушай, дядя достань воробушка, – Витя Комар хоть и был ниже ростом, но по статусу явно находился выше. – Ты, конечно, уважаемый доктор и все такое, но давай мы свои вопросы сами порешаем, хорошо? – он легонько ткнул Шурика в грудь. – А ты сам останься пока, я с тобой ещё не закончил.

Тот растерялся.

Валера в это время словно ястреб навис над Алисой. Та вжала голову в плечи и злобно ощерилась, между ними сквозила неприкрытая ярость.

– Послушай меня внимательно, девочка – отдай-ка мне документы по-хорошему, – повелительно, упирая руки в боки, грозно заявил Валера, дыша злостью.

– А то что? Пошёл ты! Не отдам! – Алиса убрала руки за спину. – Я... Я являюсь единственно возможным доверенным лицом. И по закону о доверенных лицах не имею права посвящать третьих лиц в содержание документов, – дословно пересказала она ему закон. – В том числе... передавать их в чужие руки.

– Послушай, но ты ничего не сможешь с ними сделать, у меня же вторая подпись, – напирал он.

– Ага, мечтай! Сделки по продаже недвижимости может

засвидетельствовать любое третье лицо, старше двадцати пяти лет, дееспособный гражданин Ахеи, – дословно процитировав, фыркнула она и кинула быстрый взгляд на Алекса.

– Так ты что, девочка, ваще дура? Ты что... недвижку хозяина хочешь продать? – изумился Валера Берет.

Алиса поняла, что ляпнула, не подумав. А Валера, не давая ей опомниться, гаркнул, нагружая. – Ты что, стерва малолетняя, рамки по бокам перешагнула? Ты куда ноздри запилила, девочка?

– А ты че орешь на меня, мудила! – отбиваясь, повысила голос Алиса, косясь на Витю Комара. – Дядь Витя, как он со мной разговаривает? – и снова повернулась к Валере. – Ты думай, на кого пасть разеваешь, на дочь твоего хозяина!..

– Которого ты уже почти похоронила?! У которого недвижку хочешь продать?! – он взглянул на багровеющего Витю, и тут его глаза расширились. – Ты что, девочка, и вправду хочешь слить почти четверть всей недвижки в полисе?..

Алиса только захотела ответить отказом, как у Валеры в глазах мелькнула искра озарения:

– ...братьям Вуйчикам?!

Эти два слова сразили Алису, её лицо моментально пошло пятнами, окрашенными красками испуга, и она даже пошатнулась. Девушка тут же попыталась держать себя в руках, но получалось плохо.

– Почему сразу Вуйчикам? Кто сказал? Вовсе это не они,

а другие братья, – понесла она ахинею.

– Послушай, Лисёна, – с выражением боли на лице вмешался в разговор Витя. – Кончай дуру гнать. У тебя всё на лице написано. Лучше отдавай документы по-хорошему...

И тут она снова собралась с духом.

– Нет, и всё! Нет, дядь Вить! Я не имею права передавать их третьим лицам. Они будут со мной, и, вообще, я вольна распоряжаться ими по своему усмотрению...

– Ты пойми, дуреха. Не надо этого делать, – как можно спокойней начал увещевать Витя Комар. – Подпишешь ты документы – Аттал выздоровеет, он же войну начнёт, чтобы всё обратно вернуть. Люди погибнут. Тебя в дурку закатают, чтобы признать недееспособной. Да и доктора твоего на куски порежут, если подпишет такое, тут нечего даже тереть-растирать, жопу учить подтирать. – Дядя Витя поглядел на Сашу таким взглядом, что у того по телу побежали мурашки. – А не выживет Аттал – внутри полиса война начнется. Валера прав, тут есть и наша доля, мы тоже её без боя не сдадим. Мне-то пофиг, я Вуйчиков ненавижу и так, они же у меня, сама знаешь, они у меня ручку сперли...

– Да знаю я!

– А знаешь, кто мне её подарил?

– Да ты миллион раз это рассказывал про этого kleптомана! Задолбал уже, дядя Витя! Я взрослая женщина, и не надо со мной, как с маленькой. Я всё сама понимаю! Но документы останутся со мной, и не надо спорить, по всем законам и

понятиям я права! Так что лучше не лезьте ко мне, особенно ты, мудила в берете! Я понятно объясняю?! Вот и всё! Шурик, пойдем со мной, нам нужно идти!

И она, зажав документы в руки, направилась к проходу, уверенная, что Саша побежит за ней.

Девушка даже не поверила, когда ей в спину раздалось:

– Алиса, ты знаешь, я соглашусь с дядей Витей. – Алекс помял руки, бормоча первое, что приходило в голову. – В случае если ты подпишешь документы, а потом узнается, что Аттал Иванович жив, то тебя могут шлёпнуть, ну, я хотел сказать – убить, чтобы потом в суд никто не пришел. И Аттала Ивановича убить, пока он в таком состоянии, чтобы обезопасить себя. Нет человека, нет проблемы – так ведь? Или признать сделку недействительной, как вот дядя Витя говорит.

Алиса остановилась у выхода из комнаты спиной ко всем. И замерла.

А у Алекса сошлись здравый смысл и инстинкт самосохранения.

– Я считаю, что лучшим выходом для вас было бы сейчас поехать к этим Вейчикам и просто с ними поговорить. Объяснить, что Аттал Иванович жив, что скоро пойдет на поправку и так далее.

– Ты об этом так думаешь? – прервала его словоизлияния девушка, чуть повернув голову.

– Да, я так считаю, Алиса! – твёрдо ответил он, глядя ей

в спину.

И тут она медленно повернулась к нему, сделал пару шагов и процедила, глядя прямо в глаза:

– Да ты кто тут, нахуй, такой, чтобы такое думать? Ты откуда вообще вылез, мальчик? А? Ты кто такой? Ты какое вообще право имеешь тут стоять и качать свое мнение? А ты чё уставился, мудила?! – она резко обернулась к Валере.

Валера молча показал ей фак, а потом ещё один. Дядя Витя покачал головой, глядя на эту сцену со смесью удивления и боли. Алекс начал было испытывать прилив злости, но чувство любви заглушало его, поэтому он безмолвно стоял, ощущая ежесекундные смены настроения и температуры.

Алиса глядела на него из-под прищуренных глаз:

– Ну, так что, ты пойдешь, или ты мальчик, и что с тебя возьмешь? – отомстила она ему.

Алекс помолчал, ноздри его затрепетали, щёки покрылись румянцем и он произнёс:

– По-моему, ты путаешь хорошее к тебе отношение со слабостью, а тёплые чувства с глупостью.

И упрямо скрестил руки на груди, глядя на неё прямым взглядом. Алиса хмыкнула:

– Знаешь, я давно заметила за людьми такую особенность – тот, кто много обещает, делает меньше всех. Наверное, у тебя все силы ушли на то, чтобы языком чесать, да?

Александр не шевелился.

– Ты просто трус! Я презираю таких!

Алиса ещё раз с отвращением посмотрела на него, развернулась на каблуках и выскочила, хлопнув дверью. В комнате воцарилась звенящая тишина.

Мужчины не смотрели друг другу в глаза. Комар ожесточенно тер лоб, Алекс стоял весь красный, как рак, Валера отошел первый, усмехнувшись: «А ты спрашиваешь, Витя, почему мы с ней кусаемся постоянно? Вот почему. Погляди на свою Лисёну, будьте любезны», – и посмотрел на Алекса. – «А ты, браток, не вешай нос». Алекс рассеяно кивнул. Тишина не успела сгуститься, как Берет отвёл Комара в другую часть комнаты и чуть слышно произнёс.

– Так, Витя, у тебя парни ещё не приехали? Кто сейчас в наличии?

– Кто-кто? Антоха-трезвенник вон в мобиле сидит, парит-ся. Остальные до сих пор на Фракийском берегу, в горах, без связи. А у тебя?

– Да хер их разберёт. Лето, работы мало, я уже три дня Кашея не видел, совсем распоясались, салаги. Опять, наверное, забухали с Тяпой! Как уедут в деревню, так и хлещут по нескольку дней, а хозяин спустя рукава на это смотрит, – поднял и выпятил губу Валера. – Жуйченки умотали по нашим делам в Союз, приедут послезавтра. Так что я один!

Он бессильно сжал кулаки. Витя Комар ответил, пожевав губами.

– Доктор правильно говорит – нужно к Вуйчикам ехать. Причём прямо сейчас, пока эта дура до них первая не добра-

лась, какого-нибудь другого свидетеля сделки не нашла и не продала всё к херам собачьим!

– А я согласен, – серьёзно поглядел на Комара Валера. – Я с ними нормально договарюсь. Мы пуд соли вместе съели! Только доктора надо брать – он должен подтвердить с медицинской части. Понял, я к чему?

– Доктор, – Витя кивнул, обернулся к Алексу и безапелляционно произнес. – Ты поедешь с нами!

– Я? – изумился тот. – Я-то от какой организации?

– От общества «Аттал и компаньоны», – усмехнулся Валера.

– Надо ехать! – отрезал Витя, тут же продумав план. – У тебя важная роль учёного человека – просто скажешь, что ты доктор, покажешь свою ксиву* (документ), по-научному пояснишь мнение, распишешь все – мол, подорожник приложим, три раза плюнем через плечо, и выздоровеет Аттал Иванович! Только в терминах чтобы все это прозвучало, понял меня? Всё! Всё я сказал! Доктор, ты русский язык понимаешь? Вот на нём молчи и слушай дальше! Некогда мне тут тереть-растирать, жопу учить подтирать.

*

В отличие от Антохи, Алекс не очень удивился ему. В том, что тут не парк такси, и водитель по кличке Антоха, скорей всего, тот же самый, что недавно двинул ему шокером, Алекс

не сомневался. Антоха же вытаращил глаза и растянул рот в дурацкой улыбке. Витя не обратил на это внимания, Валера буркнул: «Знакомы, что ли?».

– Берет, это же тот парняга, помнишь, я про него говорил, что... – Антоха вытянул указательный палец, показывая на Алекса, который сначала не понял, какой ещё берет, и только потом вспомнил, что так зовут Валеру.

– Тоха, потом будешь рассказы рассказывать, сейчас слушай сюда план, – мрачно отрезал Витя. – Доктор, и ты тоже! Наш план должен быть простым, как лук, но жалить, как стрела, – начал Витя. – Поэтому что мы делаем: сначала заходим с заднего двора, чтобы внести эффект внезапности, причем эту неожиданность не отдаем до самого конца, держим себя уверенно – на понтах! Антоха, будешь вертеть в руках рацию, как будто на связи, будто нас слушают две бригады. Валера, ты скажешь, что тут все наши вокруг собрались, если начнется борьба-стрельба, то сразу шмальнут по окнам и вступят в бой. Я тебя перебею и объясню этим гнидам, почему халва...

– Витя, может быть, лучше я дальше скажу? Вдруг ты вспылишь?

– Ты сам сейчас не пыли мне тут, Валера! Я умею держать себя в руках, не парься! – эмоционально скакнул Витя и продолжил немного на повышенных тонах. – Так вот, план такой: я им говорю, что всё нормально, Агтал идет на поправку. Доктор, и тут ты, блин, жалко, что без очков – короче, ты

говоришь, что ты действительно доктор.

– Может, халат белый надеть? У нас тут есть один, – добавил Валера и ответил на удивленный взор Вити. – Коротенький только. Луизин.

Витя отрицательно махнул головой, мол, перебор, и продолжил:

– Валера – ты на фоксе всю встречу, ты у нас самый сильный боец. Антоха, в карман кастет положи, вдруг чего! В руке рацию не забудь. И молчишь всю дорогу, понял? Доктор, ты просто стоишь и киваешь гривой, где попросят. Три предложения скажешь: жив, здоров, мол, идет на поправку дорогой наш Иваныч, а потом молчишь. Уяснил? Ну, хорошо. Я возьму с собой ствол на всякий случай. Всё-всё, Валера, даже не обсуждается, ствол возьму, не на прогулку едем, а к Вуйчикам, а с ними нужно держать ухо востро!

*

– Ох, по говну тебя месили! – выругался Витя, когда его на повороте навстречу подрезала какая-то мобилка, а затем юркнула в переулок, не успел он даже очухаться. – Вот полудурки! Понапокупают прав! Козлодой, в рот их всех наоборот!

Он так ругался всю дорогу и уже закипал, вылезая из мобили на тесной улочке, прилегающей к заднему двору бара с вывеской «Старый Пью». Раньше это здание, под названи-

ем «Туман», принадлежало ему, но какое-то время назад Комар, скрепя сердце, уступив алчности, продал его братьям Вуйчикам. При подписании договора взял с них двадцати-процентную предоплату и до сих пор не получил остального. Нет, они отдадут, конечно, но понемногу и очень редко.

В мобиле, не сдержавшись от злости, на эмоциях, Комар рассказал Алексу историю о том, как у него с Вуйчиками вышел пренеприятный конфликт. Во время сделки по продаже бара они крепко выпили, и Витя несколько раз выходил в сортир по нужде, а Вуйчики оставались в кабинете одни. Каспер Вуйчик известен своей привычкой присваивать чужое, но тогда, отмечая сделку, пьяненький Комар об этом забыл, и только на следующий день обнаружил, что потерял ручку:

– Сама, прикинь, ручка из чистого золота, со вставками из черного дерева, а наверху рубин. Один этот рубин, я спрашивал у Армяна-ювелира, стоит, как целый дом. И дело-то, пойми, не в том, сколько она столько стоит, просто, какой человек мне её подарил?

– Какой? – заинтересовался Алекс.

Валера покашлял, а Витя вдруг вздрогнул, задумался и поджал губу:

– Молодой ты ещё, парень, такие вещи знать. Да не в этом дело! Дело ведь в другом – я же ему предъявил, Касперу-то! – Комар быстро завёлся до злобы. – Ты, говорю, собака сутулая, ты зачем мою ручку скомуниздил? А он смеется в ответ

– не знаю, говорит, никакой ручки, впервые слышу. Не признаётся фуфел тряпочный! Сука!

Комар ударил ладонью по колену, но сумел себя сдержать.

– Ладно, Доктор, давай помолчим, ха-рэ уже языками-то чесать. Некогда мне тут вам тереть-растирать, жопу учить подтирать, – резко сказанул он, отвернулся лицом к стеклу, скрипя желваками и всматриваясь в низкие серые тучи и небольшие капельки весеннего дождя на стекле.

А через некоторое время Антоха посмотрел в зеркало заднего вида на Алекса, произнёс только им двоим понятные слова и подмигнул:

– Я специально тогда притормозил.

Алекс взгляделся в простодушные Антохины глаза и понял, что, да, так оно и было, но не нашелся, что сделать, и молча прикрыл глаза в благодарственном «спасибо». Тот понимающе моргнул. Дальше они ехали в полной тишине, и, пребывая в ней же, через некоторое время, Витя Комар, Валера Берет, Антоха и новоиспеченный Доктор добрались до бара «Туман».

*

У заднего входа пахло печёными пирогами, возле кадушки развалилась поленница дров да кривоногая скамья. Местность возле «Тумана» была, по сути, больше лесом, чем полисом, который ограничивался количеством жителей, живу-

щих в нём, и густым сосняком. Чем дальше от центра, тем больше встречалось хвойных деревьев, вписанных прямо в городской пейзаж. Их целенаправленно сажали везде, и так часто, как можно – это было необходимо, чтобы уберечься от зимнего холода, текущего с ледников Северной Европы. Высаживали гем-хвойные* (генно-модифицированные хвойные) породы, одинаково устойчивые к теплу и холоду. Их хвоя была даже приятней, ибо в ней почти отсутствовала горькая смола.

Лес рос везде. Он защищал и давал материал для строительства – чем дальше от центра кампуса, тем больше домов из натурального материала. На окраинах, после третьего транспортного пояса, раскинулся частный сектор. Расстояния между домами составляли и двести, и пятьсот метров, а вскоре и он, в свою очередь, расплылся в девственный лес, в некоторых местах превращаясь в туристические маршруты, кемпинги и дальние кордоны: один домик на километры чистого, как слеза, леса.

Бар «Старый Пью» располагался в дальнем пригороде и был чем-то вроде добротной допотопной шашлычки, куда частенько залетали компании справлять дни рождения. Иногда к задней двери заведения подъезжали грузовые мобили, чтобы сгрузить левое пойло, да просроченный фарш. Вот туда и вела тропинка, по которой они шли, оставив мобилу у подлеска в паре сотен метров, за поворотом. Компания неслышно подошла к двери, возле которой приткнулась ска-

мейка с банкой, полной окурков. Алекс пригляделся – рядом с этой импровизированной пепельницей валялась очень знакомая вещь – плоская бутылка в красном кожаном чехле с двумя дымящимися стволами.

– Ну что, Витя, может, всё же я с ними поговорю? – громким шёпотом спросил у Вити Валера, отвлекая внимание Алекса.

– Да что ты, Валерчик! Я себя держу в руках! Кремень! – раздражённо зашипел Витя. – Всё порешаю самостоятельно в лучшем виде! Вы сами, ребята, главное без нервов, поняли?

Все кивнули. Встав к двери, Валера Берет вытащил из кожаных ножен нож, спрятал его в рукав и посмотрел на Антоху. – Готов, щегол?

– Ага, – облизнул губы Антоха и посмотрел на Витю Комара. – Витя, ну чё?

– Парни, входим смело, если что, у меня ствол. Доктор ты так, для виду больше, – взвинченный Комар посмотрел на расширенные от страха глаза Церебрауна. – Не дрейфь, паренек, папа с тобой. Короче, заходим, спокойно говорим, объясняем, что Лисёна не приедет, что вокруг наши бригады, давайте договариваться без шума и пыли. Всё ясно? Ну, тогда нечего тут тереть-растирать, жопу учить подтирать. Пошли, давай, Валера, ключ на старт!

Валера Берет распахнул дверь, и они влились в бар. В свете тусклых ламп серебрилась пыль, справа в углу, посреди

нескольких пустых столиков, расположился танцпол с шестом. За одним из них листал бумажки толстячок с усиками, а в центре, глядя через широкие окна на пустую парковку, качался на носках здоровенный лысый мужик в ослепительно белом итальянском костюме. Этакий медведь, в сотню с лишним килограммов живого сильного мяса. По всей видимости, он их даже не услышал, поскольку в заведении играла ритмичная музыка.

Напротив заднего входа возвышался торец барной стойки, за которой бармен мирно вытирал стакан и удивлённо поднял брови, глядя на них. На звук открывшейся двери обернулся и нахмурился субъект в сером плаще до колен. Остановившись, развернувшись и внимательно присмотревшись к входящим, он резко повернул голову. Проследив за его взглядом, Александр увидел ещё одного здорового мужика в черном костюме итальянского покроя. Тот раскинулся на кожаном диванчике, покуривая сигару, разгадывая кроссворд и небрежно крутя в руке толстую золотую ручку с инкрустированным зажимом и красным камнем на кончике. Его тщательно уложенные волосы блестели, возле ног небрежно валялась дорогая деревянная трость, и от него буквально разлило респектабельностью. Мужчина едва успел поднять взгляд, оценивая возникшую ситуацию, как ему в лицо прогрохотал голос Комара.

– Ах ты, сука такая, Каспер, фуфел тряпочный, ты все-таки скомуниздил её, вата перечная! – Заорал Витя, вскинул

руки в распальцовке, и сделал несколько шагов к курящему мужику в черном костюме. – Ты же, лярва, клялся здоровьем матери, что не брал, гнида ты подкожная, пробитая вовсю! Ты же, падла косматая, весь клифт мне забрызгал слюнями, что ты в глаза её не видел, петух ты, доходяга!

А тот, в стильном черном костюме, прямо на глазах налился кровью, рывком откинул журнал в сторону, подался вперед и, встав на ноги, прорычал медведем:

– А ты попробуй, забери, Комарик. Я тебя этой же ручкой опущу во все твои дыхательные и пихательные! Если ты со мной будешь так разговаривать, я твой хобот комариный вытащу и в жопу тебе вставлю по самое ни хочу. Нет тут никакого твоего больше, петушара! Ты за ручку переживаешь? Так я скоро вообще всё твоё возьму и тебя отымею, девочка ты в порванных трусах! Понял? Всё! Твоё! Себе заберу! Будешь жопой торговать на вокзале! Кто ты тут такое, ваще...

Последнее слово смешалось со звуком выстрелов и криками Вити Комара: – На, на, возьми, попробуй, тварь, на! – шесть раз нажал он на курок в конце каждого слова.

Каспера ударило сначала в плечо, развернув и отбросив на диван, потом четыре пули хаотично вгрызлись в грудь, плечо и дважды в руку, выплевывая из тела ярко-красные брызги. Одна ушла в стену.

Александр, как в замедленной съемке, в упор таранился на стреляющего Комара, вздрагивая от каждого выстрела, как вдруг услышал справа грохот, а через пару микро-

движений глаз увидел, что голова Комара разлетается, словно арбуз, и кожными рецепторами ощутил себя мокрым от забрызгавшей его крови, мягкого желе мозга и кусочков костей. Время потянулось так медленно, что Алекс ясно услышал, как субъект в сером пальто перезаряжал винчестер, увидел, что безголовое туловище Комара завалилось назад, и очень чётко ощутил, что следующий заряд вполне может принадлежать ему. Поэтому Саша инстинктивно поднял плечи вверх и зажмурился, ожидая скорой смерти.

Но не успел «серый» хотя бы наполовину поднять свое оружие, как в шею ему, смачно шмякнув плотью, прилетел острый армейский нож. Субъекту в плаще хватило ярости отбросить оружие, вцепиться и вытащить из себя нож, как в ту же секунду, захлебнувшись попавшей в лёгкие кровью, он упал на колени, зажимая свое горло двумя руками и пытаясь остановить хлещущую кровушку.

В это время справа раздался шум. Оказывается, здоровый мужик в белом костюме успел добежать до бара, вытащить небольшую биту и кинуться в их сторону. Бармен, поддерживая босса, тоже схватил бутылку за горлышко и перепрыгнул через стойку. Толстячок ошарашенно остался сидеть за столом.

Валера Берет кинулся вытаскивать свой нож из судорожного булькающего горлом субъекта в сером. Бармен ринулся к нему наперерез, а Антоха с воплем бросился на здоровенного быка в белом костюме, благо, что он и сам был доволь-

но крупным парнем. Но здоровяк неожиданно легко увернулся от бегущего буйволом Антохи и с криком: «Ты тоже стрелял, пидор?» ударил его коротким ударом слева, попав в глаз. Антоха даже не успел ответить, лишь отшатнулся, как получил толчок в грудь, отбросивший его назад, а затем последовал жестокий прямой удар ногой в пах. Он был нанесён так мощно, что от подобного удара рёбра, несомненно треснули бы. Антоха открыл рот в безмолвном крике и наклонился вперед, прижимая руки к причинному месту.

Бугай тем временем деловито ухватился за биту двумя руками, размахнулся ей и со всей дури ударил сверху вниз по бритому затылку водителя. Отчетливо раздался хруст, Антоха что-то хрюкнул, забрызгал кровью белоснежные туфли мужика и повалился на пол.

Не мешкая ни секунды, медведь в итальянском костюме с испачканными туфлями поднял глаза на Александра, поскольку тот находился рядом. Их отделяло несколько шагов, и вдруг это расстояние начало быстро сокращаться. Мозг Саша бросил все свои силы на анализ одной единственной мысли: «бей или беги». Мысль даже не успела обработаться, как древние части мозга автоматически отреагировали, и Александр успел схватить табурет, пытаясь закрыться от удара. Бита и стул встретились с такой силой, что бита отлетела, а табуретка выпала из рук. Тогда битюг сжал два молотоподобных кулака и заорал от иступления.

Сложно предсказать, что было бы дальше, если бы, на его

счастье, тут же на здоровяка не налетел сбоку Валера Берет, распоров тому ножом руку. Но бугай, казалось, даже не ощутил боли, поскольку он тут же кинул своё тело в наступление на нового врага. Размахивая дальними крюками, он чуть было не попал по Валере, а тот, еле уйдя от свирепых ударов, выставил перед собой окровавленный нож, защищаясь. Мгновенно оглянувшись по сторонам, силач тут же сграбастал тяжёлый стул со спинкой и кинул его в сторону Валеры. Тот пролетел было мимо, но зацепил голову в районе уха. Берет пошатнулся, неловко плюхнулся на задницу, нож выпал, сознание помутилось, Валера вытянул руку перед собой, словно пытаясь остановить приближающегося, и заорал было: «Симон, это ж я, Берет»! Но сразу же замолчал, получив удар ногой в подбородок, и рухнув навзничь, почти потерял сознание.

Следующий удар, несомненно должен был убить Валеру, но вдруг кто-то руками вцепился геркулесу в шею, сзади, так, что у того перехватило дыхание и потемнело в глазах. Он начал крутиться по залу, пытаясь сбросить Александра (а это был он). Влево-вправо, влево-вправо крутился амбал – ничего не помогало. Затем он остановился и зачем-то начал скручиваться вниз, прижимая подбородок к груди. Александра потянуло было вслед за ним, как бугай резко распрямился и внезапно Алекс получил такой мощный удар затылком в нос, что брызнули слезы, руки разжались, земля под ногами пошатнулась, он потерял равновесие и рухнул спиной вниз,

больно ударившись обо что-то поясницей.

Здоровяк в два шага подскочил к нему, придавил ногой и начал всем своим весом давить на грудную клетку. Александр схватил его левой рукой за штанину, дёргая в тщетной попытке убрать всё тяжелеющую ногу с груди. А та давила, как безжизненный и безжалостный пресс. Мысли разлетелись чайками по пустынному берегу, крича и кружась над морем, солнце садилось, огромная туча застилала небосвод, галька на берегу начала больно упираться в тело, острая, как нож. «Нож, это нож под спиной!», – внезапно пронеслось в голове. Александр открыл глаза, уставившись прямо в горящий ненавистью взгляд человека, который через несколько секунд раздавит его жизнь. И тут перед ним почему-то пронеслось удивленное выражение лица Тяпы, Александр что-то вспомнил, испуганно расширил глаза и посмотрел за плечо здоровяку. Инстинктивно обернувшись назад, тот пропустил ту пару мгновений, которых Александру хватило, чтобы вытащить из-за спины нож Валеры Берета, с криком перерезать сухожилие у голени и потом быстро воткнуть два раза куда-то под колено.

Заорав, здоровяк мгновенно ослабил давление на грудь и, соскользнув вялой ногой на пол, накренился на порезанную сторону. В это время Александр, вцепившись одной рукой в полы пиджака, с криками «на, на, на», раз за разом продолжал всаживать острейший нож сзади в поясницу и печень гиганта до тех пор, пока тот не грохнулся наземь. Еле выпол-

зя из-под ног этой туши, Александр вдруг почувствовал, что голиаф схватил его рукой за воротник и тащит к себе. Вместо того, чтобы упираться, Александр наоборот, резко рванул вперед и в падении засадил нож по самую рукоять прямо между ключиц исполина. Великан с ненавистью поглядел ему в глаза, что-то попытался сказать, но лишь булькнул кровью, несколько раз дёрнулся и затих.

Александр уткнул голову его в плечо и тоже обмяк.

Через несколько секунд возле его головы раздался тяжелый, запыхавшийся голос Валера Берета. Тот, тяжело дыша, похлопал по плечу и произнес: «Твоя победа, мужик. Достойная победа. Достойная, мужик. Но нам нужно подниматься».

Еле встав на дрожащие ноги, Александр сел на стул и выронил нож из рук, которые просто ходили ходуном. Его всего трясло, шейные мышцы напряглись: «ы-ы-ы», – что-то такое смог он выдать из себя в ответ. Саша был в таком состоянии, что просто не мог. Что не мог? А ничего не мог – только сидеть и всхлипывать.

Берет соорудил понимающую мину, вытащил из тела здоровяка нож, обтёр его и деловито пошёл осматривать поля боя. Победа в лучших традициях царя Пирра – вроде и победили, а вроде хрен его знает. Симон Вуйчик был убит с особой жестокостью. Ему ударили в грудь, сделали сито из спины и прошлись по ногам, отчего под ним разлилось целое море крови. Её кровавые щупальца уже докатилась до Анто-

хи, который покоился в позе кающегося грешника, согнувшись в коленях, с разбитым в щепки затылком. В метре от него сидел за столом толстяк с бледным, как мел лицом, и со страхом смотрел на Берета. Склонив голову, Валера зыркнул на него, приложил указательный палец к губам и повернулся в другую сторону.

Убитый им мужик в кроваво-сером плаще валялся на спине, вытаращив глаза в потолок и зажимая горло руками. Валера подопнул ногой его винчестер, но трогать не стал. Бармен лежал на животе и не шевелился. Берет подошел к тому, что осталось от Вити Комара, присел рядом с телом на корточки и прикрыл свои глаза руками на несколько секунд. Потом, тронув туловище за плечо, он, как бы говоря прощальные слова, поднялся. Обернувшись в сторону Каспера Вуйчика увидел, что тот находится на последнем издыхании – грудь и руки были залиты кровью, Каспер медленно дышал, правая рука билась на диване, как рыба, выброшенная на лед.

– Надо было мне с ними разговаривать. Хотя... – поднял пистолет Вити Комара Валера Берет. Он подошел к двум чемоданам, стоящим в углу зала, приподнял один из них, тот оказался достаточно тяжелым. С громким стуком Берет бросил его на стол, пригляделся и щелкнул замками. Открыв, Валера вытянул лицо и негромко присвистнул.

– Ого, да тут всё очень по-серьёзному!

Задумчиво помолчав, что-то оценивая, он закрыл чемо-

дан, кинул взгляд на толстяка, который всё также, вытаращив глаза, сидел за столом. Валера облизнул губы.

– Слышь, уважаемый, а ты-то кто таков будешь?

Все, что было описано выше, случилось буквально за пару минут. Толстяк за столом с трудом мог воспринять, что произошло, и просто мелко дрожал. Он несколько секунд не мог заговорить, а потом начал строчить короткими очередями, как из пулемёта:

– Я нотариус. С правом регистрации. Я работаю на Аттала Ивановича. В Аквилее. Нотариальное бюро мистера Конти. Я и есть мистер Конти. Я вас, Валерий, знаю. Мы вместе ездили. С Атталом Ивановичем. На Кружиху. Помните? Вы ещё тогда пили вино. И я пил вино. Я почему-то не думал. Что вы придете. И что все будет вот так. Алиса Атталовна должна была. Приехать и подписать бумаги. И эти, и другие. Я сделки провожу и регистрирую – сделки, браки – всё регистрирую. И больше ничего не знаю.

– Хотел, значит, всю хозяйскую недвижку слить? А тут, видишь, я приехал. – Берет сел перед ним на перевернутый спинкой вперед стул и постучал по нему стволком. – А что ж, ты, гнида, от Аттала-то так быстро отскочил, а?

– Так никуда я не скакал. Ничего не сливал. Вы поймите. Всё же договорено было.

– Что договорено?

– Что я буду регистрировать сделки. И контракт. Сказали, Алиса Атталовна сказала, что Аттал Иванович скоро скон-

чается...

– Сплюнь, рожа! – несильно похлопал его пистолетом по щеке Берет, – хозяин живет всех живых. Это ты сейчас сдохнешь! – и тут он вдруг сузил глаза и медленно спросил. – На кого, говоришь, нужно было переписать имущество?

– Две трети на Симона и Каспера Вуйчиков и треть...

– На, тварь! – внезапно раздалось сзади. Оказывается, пока они слушали, что говорит нотариус, сзади очухался бармен. Во время бойни он упал, сражённый ударами Валеры, а потом пришёл в себя и, по всей видимости, сейчас решил отомстить, схватив валяющийся винчестер и вздумав поиграть в крутого парня. Идея его была проста – выстрелить в спину Берету, потом разнести в клочки второго. О том, что его планам не суждено было сбыться, он не подумал.

Александр едва успел повернуть голову, как Берет с силой ударил пяткой в пол и завалился вместе со стулом, уходя от возможной угрозы. Рефлекс не подвел, потому что в эту же секунду раздался выстрел. Грудь толстяка очутилась на линии огня, взорвавшись мясом и костями.

– Ё! – ещё только вздрогнул от выстрела Доктор, а в это время Валера, уже лежа на спине, два раза выстрелил бармену в ноги, прострелив оба колена. Истошно заорав, тот упал вперед, ударившись руками, со сжатым в них винчестером, о твердые деревянные доски. «Клик, клик» – ещё два раза нажал на спусковой крючок Берет, но восьмизарядный «глок» только растеряно щёлкнул механизмом.

Тем временем бармен стоял на карачках и истошно орал во весь рот. Вдруг его сумасшедший взгляд наткнулся на лежащего Берета, и, преодолевая боль, сжав зубы, он принялся наводить ствол винчестера прямо на Валеру. Тот понял, что подняться не успеет – он весь перед ним, как на ладони, и между ними всего два столика, с поднятыми наверх стульями. Замерев, Берет наблюдал, как черный зрачок ружья медленно вглядывается в его душу.

Вдруг раздался звук, похожий на тот, когда делают отбивные из свинины.

Это Доктор со всего размаха врезал бармену битой по спине так, что у того разъехались руки, и он рухнул. Валера моментально вскочил, подбежал к поверженному, поднял его за волосы и несколько раз, со всей силы, ударил лицом об пол. Потом, опять же за волосы, приподнял оглушенного, прислонил к барной стойке, вытащил из своего кармана платок, с его помощью взял ружье, приставил ствол к подбородку бармена, взял того за правую руку, положил его большой палец на крючок и нажал, прикрывшись рукой от разлетающихся кровавых ошметков.

И тут Алекс понял, что его жизнь никогда не будет прежней.

Дом

Александр вышел на задний двор, в полном умиротворении сделал глоток бодрящего зелёного чая и легко выдохнул. Ему было хорошо, даже несмотря на то, что за последнее время он пережил немало, возможно, больше, чем за всю свою предыдущую жизнь. Впрочем, некоторые моменты Алекс с удовольствием бы стёр из памяти, но вместо этого продолжал слишком часто и эмоционально о них думать, прекрасно, осознавая, что тем самым ещё сильнее формирует эти воспоминания. Лишь огромным усилием воли Доктор пытался не вспоминать ужасающую бойню в «Тумане», ускоренно перематывая в голове кровавый эпизод, в котором жадность Каспера Вуйчика сгубила не только этого фраера, но и ещё шестерых человек...

Хотя следующий кадр был не менее напряжённым – они с Беретом и двумя чемоданами вышмыгнули из проклятого богами бара, что называется, огородами, стараясь оставаться в тени деревьев. Компаньоны дали небольшой круг и подошли к мобиле со стороны подлеска. Никого не было.

– Я тут подумал, – Валера открыл задний багажник мобилы и закинул туда два чемодана, – что Витя, ещё с тех пор, когда продал бар, очень сильно хотел вернуть его назад. Всё время говорил, что хочет остаться в «Тумане» навсегда, – Берет захлопнул дверцу, обернулся назад и покачал головой. –

Что ж, его мечта сбылась.

Закрыв багажник, он взмахнул рукой, приглашая вернуться назад – в здание с мертвецами. Алекс молча медленно отрицательно покачал головой. Валера устало произнёс: «Нам полюбас нужно закрыть тему, иначе по ДНК спалят и заметут. Надо, Саня, надо». С огромной неохотой Алекс послушался. Они возвратились на место бойни, и Доктор вошёл внутрь, преодолевая себя, но не смог пройти дальше двери, ощутив приступ тошноты от вида истерзанных тел. Его ноги задрожали, Саша тяжело навалился на дверной косяк.

В это время Валера бодрой походкой, словно не замечая вида крови и внутренностей, размазанных по полу, аккуратно, чтобы не испачкаться, подошёл к барной стойке, тихонько посвистел и принялся бить бутылки с крепким алкоголем – одну за другой, расплёскивая его вокруг: водку по шторам, текилу по площади бывшего бара, а ром – по периметру. Вот он взял большую бутылку с самогоном, глотнул из неё, крикнул и пошёл поливать трупы врагов. Когда горючее закончилось, схватил пару зеленых бутылок дорогого абсента и щедро окропил тела Антохи и Вити Комара. Оприходовав почти всё, что могло гореть, направился на кухню, открутив там вентили двух баллонов с газом.

Затем, глубоко вздохнув, Берет прочертил жидкостью из последней бутылки путь от ближайшего тела до двери и замер, вдыхая пары разнообразного алкоголя, буйно витавшие в воздухе, потом ещё раз оглядел поле битвы, как будто за-

поминая всё до мелочей, и чиркнул спичкой.

Огонёк побежал по дорожке, растекаясь в стороны и быстро охватывая помещения. Соучастники мигом выскочили из бара, Валера Берет не стал прикрывать за собой дверь: «Чтоб кислород поступал, и ярче горело». Отбежав на приличное расстояние, подельники остановились на пригорке в тени деревьев и молча обернулись назад. Сквозь окна было видно, как внутри пылал огонь, в один момент он с шумом вырвался из дверного проёма. Только тогда, словно успокоившись, Валера кивнул Саше, и, навсегда отвернувшись от охваченного пламенем бара, парочка украдкой, сквозь подлесок, рысью устремилась к мобиле.

Они не успели отъехать далеко, как здание взлетело на воздух, ударив по окнам. Валера и Александр даже кожей почувствовали взрыв и узрили в зеркалах заднего вида взрывающееся позади пламя. Однако они были уже далеко, и не знали, что за несколько минут до огненной вспышки дверь ещё больше приоткрылась, и из неё показалась рука, кто-то подтянулся на ней и пополз сквозь жидкое пламя к выходу.

*

Первое время соучастники ехали в молчании. Наконец, Валера Берет хриплым голосом произнес, быстро оторвав взгляд от дороги:

– Доктор, а ты вообще-то мне жизнь спас! Два раза при-

чём, – и замолк, крепко сжав руль.

– Я сам в оцепенении от всего произошедшего, – попытался выразить свое ощущение Алекс, глядя на трясущиеся руки. – Это какой-то... полный... не знаю, как сказать?..

– Ты не поверишь, насколько я с тобою солидарен! И это, Доктор, это, – замялся Берет, словно не зная, стоит ли произносить подобные слова, – я твой должник по гроб жизни. Я сегодня дважды смерти в глаза посмотрел, и ты меня оба раза оттуда вытащил. Я этого не забуду! – Валера похлопал правой рукой Сашу по плечу.

– Да ладно! Живы будем – не помрём, так же как-то у нас говорится? – нервно усмехнулся Алекс.

– Ага! – усмехнулся Берет и замолчал. Саше тоже не очень хотелось разговаривать. Он мало что понимал и не заметил, как примерно через десять минут, после того, как выехали на трассу, Валера свернул на второстепенную дорогу, с той – на местную, дальше на устойчивую, потом на грунтовую, а потом они уже пылили по лесной. Вскоре Берет остановил мобилу возле дерева с еле заметной красной, хотя, скорей, уже серо-коричневой тряпкой на одной из веток.

– Пойдём, – он вышел из мобиля, забрал из багажника два чемодана и двинулся вглубь леса по еле заметной тропинке. Перехватив по пути один из них, за ним следом двинулся Саша. Почти сразу стало видно ветхий железобетонный одноэтажный недострой. Подойдя ближе, Берет забрал у Алекса второй чемодан, велел посторожить у входа, а сам проник

внутри. Чуть пошебуршав, и несколько раз сматерившись, он вскоре, отряхиваясь, вынырнул обратно – уже без чемоданов.

Назад тронулись в обратном порядке – Саша впереди, Берет позади.

Саша отчего-то заволновался, он прямо чувствовал за-тылком взгляд Валеры, и даже вздрогнул, когда услышал настороженный голос:

– Сань, ты ведь понимаешь, что мы принесли сюда очень ценный груз. Кивни, если понимаешь? Вот так. Так вот, ты должен знать, что этот груз останется здесь, хотя бы потому, что ты сам ни за что не найдешь сюда дорогу. Но, на всякий случай, я хочу предупредить тебя – Саня, даже не ищи путь сюда и никому не говори о нем. Скажу по секрету, убить тебя сейчас так же легко и просто, как земляничку сорвать и скушать, особенно, когда я с ножом сзади, а ты безоружный впереди.

Алекс споткнулся и встал.

– Да иди, Доктор, чего ты! Хотел бы убить – убил бы без этих соплей ещё там, в «Тумане». Но ты мне жизнь сегодня спас... два раза, поэтому я твой должник, я тебе обязан по понятиям чести. Доктор, ты это... просто держи язык за зубами, а я в ответ... например, буду оберегать тебя изо всех моих сил. А силы у меня все же есть, ты видел. Так что скажешь, Саня, согласен на такой договор?

Некоторое время они шли молча. Наконец Алекс обер-

нулся назад и протянул руку, которую Валера крепко пожал. Их глаза встретились, они кивнули друг другу. А уже у самого мобиля Валера сделал Доктору второе серьёзное предложение – на тот момент он считал, что обдуманное.

– Во-первых, – сказал тогда Берет, – если люди Вуйчиков узнают, кто это сделал, то тебя прямо у дверей квартиры на-смерть забьют. Я знаю этих архаровцев: они и не на такое способны, так что пока тебе лучше пожить у меня, под моей охраной. Так будет надёжней. А во-вторых, хозяину нужен хороший спец по мозгам, и, если я не ошибаюсь, ты – это и есть он. Ты же Саша Доктор?

– Ну, – Алекс как бы смирился с новым прозвищем, – вроде Доктор.

– Тогда какие вопросы? Будешь у нас жить, хозяина поднимать, чтобы он побыстрее встал на ноги! Нам нужно его скорейшее выздоровление, иначе... – он не стал договаривать. – То есть без тебя мы никак.

– Так у меня ж работа, ликей, ректор будет против... – растерялся Алекс.

– Да брось ты, в самом деле! Какая работа? Аттал Иванович – хозяин Ахеи. Все решим по звонку, ректоров-корректоров, всех во всём убедим и переубедим, – хохотнул Берет, находясь уже, по всей видимости, в отличном расположении духа.

– Ты знаешь, Валера, – не сдавался Алекс. – Я просто... у нас с Алисой вышло недопонимание... понимаешь? Ты сам

видел!

– У нас с ней тоже недопонимание, как ты выразился, давным-давно, и ничего страшного. Но ты не ссы – Алиски в доме нет, сто процентов – смоталась давно в Аквилею. У неё там хата своя, она же не у нас живёт. Иногда бывает, конечно, когда наказана. Но сейчас хозяин в коме, кого ей бояться, уже смазала лыжи, и к гадалке не ходи. Так что ты насчёт этого не переживай. Ну, что ещё? Условие то ведь простое – ты никого ничему не рассказываешь, а я за тебя подпишусь. То есть дам слово Атталу, что всё, о чём ты узнаешь в доме – будешь держать в себе, не расплёскивая. В случае чего, Аттал спросит с меня со всей силы, а я с тебя – в сто раз хуже. Это я тебе не угрожаю, если что, просто у нас такие понятия – если один человек за другого поручится, то спрос с обоих, но мне, как поручителю, придётся тебя шлёпнуть, иначе шлёпнут меня. Вот так. Уяснил? А чтобы этого не случилось, просто всегда молчи обо всём, что видел, слышал и даже думал, и тогда всё будет, как в раю. Несложно ведь?

– В-вроде несложно.

– Так что тогда?

– Ну, раз пошла такая пьянка, – согласился Алекс, понимая, что держать язык за зубами, в принципе, не составит большого труда. – Остаюсь! Но вот что главное – чтобы Аттала Ивановича поскорее на ноги поставить, его сначала нужно будет снова отправить на нейросканирование, можно к нам в ликей, кстати, а потом ежедневно медсестру в дом при-

возить и увозить: после инсульта больному показан достаточно большой перечень восстановительных процедур, лекарств, специалистов. Сможем это сделать?

– Не вопрос! Замётано, господин Доктор! – впервые за день улыбнулся Валера.

Доктор вылил старый чай в клумбу, зашёл в дом, плеснул из заварника свеженького, вернулся обратно на свежий воздух и вдруг улыбнулся во весь рот – он был счастлив. Да, недавно он чуть было не умер, причём не один раз. Но с другой стороны – остался ведь жив. Да ещё каждое утро просыпался не в своей «комнате-студии», которая в проектной документации значилась как «бетонный отсек индивидуума (с удобствами)», а в нормальном деревянном доме, с лесом вокруг. Конечно, Саша боялся за своё здоровье, которое потом вполне могли попортить Кашей или парни из бригады Вуйчиков, но пока он находился на территории Аттала – он был хотя бы неприкосновенен. И не только потому, что за защиту отвечал Валера Берет, и даже не оттого, что Аттал Иванович был самой авторитетной фигурой на десятки километров вокруг.

В свой самый первый вечер в доме он по секрету узнал от краснолицей горничной Настасьи, что за периметром домохозяйства, за забором живёт какой-то Леший – и в лю-

тый мороз января, и в июльскую жару за всем, что творится в округе, наблюдает пара опытных глаз, по-собачьи преданных Атталу. Пока Саша уплетал рассольник, словоохотливая кухарка вполголоса впопыха поведала о том, как несколько раз тщеславные искатели приключений тщетно пытались залезть на вершину полисной иерархии, тёмной ночью взлезая с оружием на верхушку одного из деревьев. Она своими глазами видела, как лесной житель Леший показывал трофейные гладкоствольные и нарезные ружья этих спесивцев – красивые бесшумные орудия лишения жизни. Куда девались их хозяева, Настасья, конечно, ведом не ведала, однако знала, что в качестве предупреждения у Лешего уже были выкопаны могилки в лесу, как бы кричащие молчаливым ртом, что жизнь человечья скоротечна. По-видимому, кухарка всерьёз боялась лесного жителя, потому как поведывала обо всём чуть ли не шёпотом и даже пару раз перекрестила рот, когда произносила его имя.

Однако стряпуха даже не предполагала, что лесной житель полагался не на нюх и инстинкты: там и сям по огромной территории вокруг дома были разбросаны электронные жучки в виде маленьких камешков, реагирующих на движение. И прямо сейчас датчики регистрировали, что в домовладении находилось пять человек: Аттал, Луиза, сам Леший, собственно, Настасья и новенький Доктор. Врачи и медсестры приезжали по утрам, а потом их увозили назад, но сегодня никого из чужих не было, потому что выходной, да

и Валера с утра уехал по делам с молодыми братьями Жуйченко. Кстати, нужно же рассказать ещё об одних братьях в нашем повествовании.

Ещё в детстве братьям Жуйченко в насмешку меняли в фамилии букву Ж на букву Х и хохотали до упада. Это продолжалось до тех пор, пока в девять лет старший не поступил в школу смешанных единоборств и не подтянул за собой младшего. Вскоре братья Жуйченко научились колотить, потом бить, а затем и жестоко избивать насмешников. И, как отрезало, знаете ли. Старшему в ту пору было двадцать три, и младшему тоже двадцать три – парни родились с разницей в несколько минут – но этого хватило, ибо они выросли совершенно разными: старший – злопамятный, младший – злорадный; старший – жёсткий, младший – жестокий; старший – бьёт, а младший – добивает. Сейчас, когда они стали работать на Аттала, то их уже побаивались в кампусах Ахеи.

Вскоре они попали в бригаду Аттала, их поставили отвечать за периметр домовладения, а недавней вершиной триумфального взлёта братьев служил тот факт, что они пили пиво с теми самыми Вуйчиками, чем Жуйченко невероятно гордились, ибо боссы Ганзы были для них путеводной звездой, маяком, зовом сирен, тем более, что даже фамилии их были немного похожи. И те несколько часов, что они недавно провели на шашлыках у Аттала вместе с Вуйчиками, возвысили Жуйченко в собственных глазах. Правда, сияние славы слепило недолго, ровно до тех пор, пока после всего лишь

трехдневной отлучки в Союз, они не вернулись в совершенно иной мир. По возвращении обратно, их бригадир Валера Берет обрисовал обстановку: братьев Вуйчиков больше нет, Кашей с Тяпой исчезли, Витя Комар и Антоха погибли, Аттала без сознания.

Новость о сгоревшем баре с трупами пришла в Ганзу через пару дней, вместе с обгоревшими до головешек телами его боссов, остатки которых привезли на маглеве из Ахеи и, не дожидаясь вскрытия, скоропостижно похоронили. А ещё через пару дней журналисты разнесли по союзным новостям известие о жутком происшествии в «Слепом Пью».

Начальнику полиции Ахеи пришлось срочно брать под козырек и изображать вид активных поисков причастных, в то самое время как Валера пил чай у него в гостиной. Затем они вместе пытались обмозговать, что делать дальше, но пока ни к чему не пришли. В конце вялой дискуссии решили, что Валера подождёт выздоровления Аттала и приезда бригады покойного Вити Комара, а потом сам уедет на какое-то время на Фракийский берег, чтобы о нем немного позабыли. Берет с нахмуренными бровями и ликованием в душе согласился на этот весьма уместный план.

Оттого он был весел, словоохотлив и уже несколько вечеров выпивал с Алексом. Их разговоры, как всегда у мужчин, прыгали от обсуждения единственно верного политического пути до смачных прелестей баб. И вот, не далее как вчера, в благостном расположении духа, за второй бутылкой от-

личного грузинского вина Берет растолковывал Доктору текущее положение дел.

– Ганза теперь, значит, без боссов осталась. Вместо Вуйчиков там нынче Пика и Скачок – парни они жёсткие, но не близкие друг другу, поэтому сейчас поведут себя, как руки без головы, вернее без двух голов, – и он со вздохом поглядел на Сашу. – Короче, у них пока непонятно, кто главным будет, но на днях этот вопрос закроют, иначе, наверное, назначат другую бригаду на полис, как-то так. Хотя... это будет очень непросто, – Берет даже закусил губу.

– А что значит «назначат бригаду на полис»? – с любопытством спросил Доктор.

– Ты чё, с луны что ль свалился? – хмыкнул Берет. – У каждого полиса есть бригада, или несколько бригад, и в каждой бригаде есть старший – бригадный. А над ним хозяин полиса, ну или босс, без разницы. Вот в Ганзе Вуйчики называли себя боссами, а Аттал у нас зовется хозяином Ахеи. Короче, он отвечает за полис.

– То есть, как это отвечает?

– Как-как, жопой об косяк! Что ты, как маленький? Хозяин, как бы тебе объяснить... у него есть все права на полис, – Берет тут же нахмурил бровь, – но и обязанности, соответственно, тоже. Если что-то не так идет, а такое иногда происходит, то приходится всё это разгребать нам – бригадным. Витя Комар, царствие ему небесное, отвечал за нападение, то есть за любые силовые акции, за получение денег, короче,

за всё, что не касалось защиты, потому что за это отвечаю я. Подробности, извини, раскрыть не могу.

– Ничёси. А какие права у хозяина?

– Как какие? Рубить рубли* (Зарабатывать на полисе деньги), в первую очередь. Хозяин имеет право на процент от прибыли полиса. Чем больше зарабатывает полис, тем богаче хозяин. А ещё хозяин имеет преимущество при строительстве каких-либо зданий – за счёт собственных денег, разумеется. Поэтому Атталу, как ты уже понял, принадлежит примерно... очень много зданий во всех кампусах: торговые центры, арендное жильё, коммерческое, частное, да много чего. Я почему об этом спокойно говорю, да потому что, короче, всё законно – делаешь план, утверждаешь на общественных слушаниях, инвестируешь, а потом получаешь прибыль. Вот на эти деньги мы и живем. Просто это особо не афишируется.

– А если он начнёт воровать? – спросил заинтересованный Доктор, за долгие годы жизни впервые услышавший о такой схеме.

– Кто? – не понял Валера.

– Хозяин, – неуверенно произнес Саша, а Валера захохотал.

– Доктор, ты чё?! У кого воровать-то? У себя самого, что ли? Ты из своего дома потащишь вещи? Нет! Ну вот. А Аттал к тому же очень хороший хозяин, поэтому полис и процветает!

– Ну, а вдруг, – не унимался Саша. – А если наворует, да сбежит за границу? Что тогда?

– Все продумано, не волнуйся! – показал пятерню Валера. – Обратного пути нет. Иначе случится... – замялся Берет, видимо, не желая болтать больше, чем нужно.

– А что случится-то? – всё же крутил сверло вопроса молодой человек. – Между нами, конечно! Слово чести!

– Что-что? – недовольно произнёс Берет. – Тогда жизнь твоя не будет стоить даже ломаного гроша, а Исполнитель нарисует тебе на лбу три дырочки калибра семь, шестьдесят два.

– Какой ещё исполнитель?

– Исполнитель! Погоняло* (прозвище) такое. Что не понятного-то? Человек, который убирает оступившихся людей.

– Не понял, убивает, что ли?

– Убирает. Оступившихся. Людей. – взвешивая каждое слово, внятно произнёс Берет. – Мы все тут ходим в двух шагах от ямы. Поэтому тот, кто оступается, иногда в неё падает. Короче, смотри, – Валера залез за ворот футболки и вытащил половинку медной монетки, висящую на кожаном ремешке. – Это ломаный грош, и его можно положить на один глаз. Тот, кто получит вторую такую монету, имеет уже две монеты, чтобы передать их Харону и отправиться в вечность. И с тех пор такой человек должен будет очень и очень, очень и очень чётко думать, что каждую в текущую секунду

говорит и делает, потому что после второго предупреждения жизнь человека не будет стоить даже такого ломаного гроша. И тот, кто это не поймёт даже со второго раза, однажды может проснуться мёртвым, с тремя огнестрелами в затылке, в закрытой изнутри на окна и двери комнате. Такое уже бывало – несчастный случай, – задумчиво высказался Валера и странно поглядел на Алекса. – А украсть полисные рубли и сбежать – это безо всяких предупреждений верная смерть. От Исполнителя не скрыться, пробовали уже.

– Значит, у тебя есть первое предупреждение? – разглядывал разломанную напополам монету Саша, в то время как Берет, не отрывая глаз, следил за ним.

– Да, Саня, есть, – перевёл взгляд и наигранно ухмыльнулся Берет, бережно спрятав грош за ворот. – У Каспера Вуйчика, царствие ему небесное, был ломаный, а у Симона, по-моему, нет. У Вити Комара тоже не было грошей. Вроде косячит, орёт на всех... орал, вернее, а всё с рук сходило. Значит, по-крупному не косорезил* (не совершал серьёзных проступков).

– А ты за что получил ломаный грош?

Валера сморщился, вспоминая, и ответил очень неохотно:

– Я поступил, как тебе сказать, не по понятиям, то есть не совсем по понятиям. Я... я... – он помолчал, глубоко вздохнул, потёр руками нос и неуверенно продолжил, – Я криво поступил, понимаешь? Не подставил, но что-то вроде этого, – тут голос его скакнул вверх. – Но до этого, браток, пре-

дали меня, обманули, причём очень сильно! А вместо извинений я получил такое предложение, что послал на хер своего прежнего босса. Короче, тогда я решился... на один шаг, не буду говорить какой. Не буду, уймись! Но, чтоб ты понимал, я за этот проступок получил всего один грош – вот этот, а Слава-то Аетин – два.

– Два? Слава Аетин? А кто это? – уточнил Саша.

– Кто такой Слава Орлан? – выпучил глаза Валера. – Ты что, из деревни вообще? Это хозяин Элама, хотя, наверное, откуда тебе знать?

– погоди. – Александр выпрямился. – У Ахеи есть хозяин – Аттал Иванович. И у Элама хозяин – Слава Аетин, как ты говоришь. В Ганзе были Вуйчики. И у Альбиона, наверное... Послушай, Валера! – вдруг пронеслась мысль у Доктора. – Так значит, что и у Аквилеи есть хозяин?

В ответ Берет расхохотался, а затем внезапно раскашлялся:

– Конечно есть!

– Это Микеле Морозини? – спросил Саша, уже предчувствуя утвердительный ответ, но был разочарован.

– Да нет, Мишка Морозов, он так – дож Аквилеи, просто официальное лицо, – Берет презрительно махнул рукой, – А над ним... – тут Берет даже протрезвел. – Хотя, постой... что-то я разболтался, язык у пьяного вперёд разума бежит, так у нас говорят. Короче, пойду-ка я, браток, на боковую, – внезапно прервал он разговор и, покашливая, направился в

свою комнату в доме хозяина.

**

На дворе ещё моросило, но уже по убывающей. Крупные капли медленно падали на деревянные тропинки-гасти, покрытые антискользящим покрытием. Сначала заискрились камни фасада, когда дождь почти успокоился, и стало проглядывать солнышко, а потом заблестели мокрые светло-серые бревенчатые стены дома, и засверкали кованые стальные уголки на крыше. Двор расцвёл, вдали словно отряхивалась от лучиков красавица баня, такого же, как и дом, необычного серого цвета. В воздухе запахло неповторимой лесной свежестью, и, словно по волшебству, на улицу выпорхнула темнокожая Луиза в расшитом цветочками русском крестьянском платье выше колена. Она распахнула объятия и обняла весь мир, такую навсегда и оставшись в памяти Саши.

– Луиза, – чуть вскрикнул он, прервав прекрасное мгновение и суетливо спускаясь со ступенек гостевого домика.

Девушка вздрогнула, обернулась на крик, взгляделась, нерешительно махнула в ответ и, чуть подумав, направилась навстречу.

– Ну, здравствуйте же, Сан. Я думала, вы спите.

– Чего же вы так думали, милая Луи?

– Настасья говорила, вы днём всегда храпите.

– И вы, увы, не часто через порог двери.

Они улыбнулись друг другу, и Александр продолжил.

– Замечательная погодка сегодня, Луиза! А запах какой, чувствуете? Лесом, цветами пахнет, хорошо-то как!

– Хорошо! – она расплылась в белозубой прекрасной взаимной улыбке.

– А айда со мной чай пить? – спросил Доктор. – У меня свежий заварился, с саган-дайля!

– А пойдёмте, – залихватски махнула она и направилась к нему, подхватив под руку. Выглядела Луиза, конечно, ужасно привлекательно в этом легком воздушном платье, размяннившаяся, с льняным ободком на голове. Она впорхнула на веранду гостевого дома и, изучив текущую обстановку быстрыми поворотами головы, присела на удобное плетёное кресло.

– Наливайте, Сан! Ничего, что я вас так называю? Я от Аттала услышала...

– Аттал Иванович говорит: «Саня», но пока у него получается смешно – «Сан». Сан Доктор – так он меня называет. Звучит как курорт в Мексиканском заливе.

Она улыбнулась. А затем озабоченно нахмурилась:

– Как думаете, скоро он в себя придёт?

– Думаю, что в ближайший месяц точно будет, как новенький. У него лишь частичная амнестическая афазия... – он поставил чай на нагревающую поверхность и сел рядом.

– Что, простите?

– Афазия. Ну, то есть нарушение речи. А слово «амнести-

ческая» означает, что у него будут трудности с... как бы это выразиться, с воспоминанием... со вспоминанием слов.

– Да, я уже заметила это. Он очень долго раздумывает, прежде чем сказать что-то, поэтому фразы получаются какими-то рублеными и упрощёнными, что ли, – Луиза покушала пухлую губу.

– Вы ему подсказывайте если что. Книжку с картинками видели, которая на столике лежит? Там самые часто забываемые фразы и слова. Вот, листайте её, а он пусть вспоминает и почаще повторяет их – это поможет скорей восстановиться.

– Скажите, Сан, – Луи посмотрела ему прямо в глаза внимательным взглядом. – Только честно. Это у него надолго?

– Нет, не переживайте, Луиза, – успокоил её Доктор, глядя в заварочный чайник. – Это раньше реабилитация проходила несколько лет, а сейчас новые технологии, терапия, лекарства – так что сроки лечения мы ускорим до трёх недель, максимум месяца. И вообще, ему повезло. Потому что была бы у него моторная афазия, например, так вы бы его голос не раньше, чем через полгода услышали. Бывают случаи, когда речь вообще не возвращается, и человек может только мычать. А у Аттала Ивановича всё гораздо проще, ему просто тяжело вспоминать названия предметов, плюс небольшие трудности с произношением, но это скоро пройдёт, вот увидите. Пока привыкайте, что он будет говорить односложными фразами, слова некоторые пропускать, ну и речь немного замедлится – вот к этому нужно быть готовым.

Но он очень сильный и вдумчивый человек, такой... я бы сказал, солидный. И это ему поможет.

– Что... что вы имеете в виду? – внимательно вслушивалась Луи.

– Я вижу, что он сначала произносит фразу в голове, а потом уже её высказывает вслух, – пояснил Доктор. – И... это выглядит внушительно, вызывает уважение, по крайней мере, у меня. Я рад, что инсульт не вызвал у него нарушений логических конструкций, то есть он ясно мыслит. Единственное, как я уже сказал – это проблема с подбором слов, но в скором времени всё пройдёт. Главное, чтобы сейчас он не нервничал, не переживал, не волновался. Это нужно совершенно исключить! Клинические испытания показали, что любые скачки давления или эмоциональный стресс при нынешней терапии могут губительно сказаться на его здоровье, вплоть до того, что изменятся черты характера, или появятся новые привычки, например. И сложно сказать, пойдёт ли это ему на пользу, поэтому сейчас ему показано спокойствие и только спокойствие – тогда всё будет хорошо, я вам обещаю.

– Спасибо вам, Сан. Я поняла: не волновать его понапрасну. Хорошо. А вам спасибо! Вы делаете большое дело, что спасаете Аттала. Он стоит этого, поверьте, – она взяла его за руку в жесте признательности.

– Охотно верю, Луи. Думаю, что через пару недель он будет, как новенький. А сейчас давайте чай пить!

– Давайте, Саша, – обрадовалась женщина, закинув ногу на ногу. – Кстати, мне нравится, что вы меня называете Луи, а то Луиза, на мой вкус, иногда звучит как-то слишком официально.

– А мне и так, и так нравится, – ответил он и внезапно перескочил на другую тему, вскочив и сняв чайник с нагревающей поверхности. – Скажите, Луи, вот вы говорите, что Аттал Иванович достоин, чтобы его спасти. Но я не понимаю, почему? Что он такого делает для полиса? Я слишком мало его знаю, а Витя Берет не очень разговорчив. Аттал Иванович, впрочем, тоже... – неудачно пошутил он.

– Да, тут не любят бросать слова на ветер, – покивала головой Луиза и попыталась ответить. – Не знаю, как вам сказать, Сан. Просто поверьте мне, что Аттал – он добрый и отзывчивый, и ещё он нужный человек в полисе, без него – никак. Я не могу объяснить понятней, просто поверьте мне, Сан.

– Я бы с удовольствием, Луи, но, прошу прощения, – он понизил голос, – у нас ходят очень, я бы сказал, противоречивые слухи об Аттале Ивановиче.

– А что за слухи?

– Разные-образные!

– Правильно говорить разнообразные!

– Так я так и говорю – разные-образные!

– Ой, все! Вы нерусский, это точно, – рассмеявшись, махнула рукой Луиза.

– Да русский я, русский, – широко улыбнулся Сан и налил уже ей чай. – Просто я поздно стал изучать язык, лет в десять, поэтому некоторые слова до сих пор не прижились, так сказать.

– А почему так поздно? Вы раньше в другой стране жили?

– Ну, – начал он, – я до этого жил с матерью в Греции, потом в Союз к отцу переехал и за остальные две трети прожитых лет успел стать настоящим русским. Хотите, докажу? – Алекс разошёлся не на шутку, пытаясь произвести на красивую женщину хорошее впечатление. – Итак, я пил водку под песни Высоцкого и плакал, представляете? И три раза перечитал «Войну и мир» в разном возрасте. Я знаю русский рок. А однажды мы с друзьями вышли после фильма «Прощай, Питер!» – он про то, как город медленно уходил под воду – мы несколько часов сидели на лавке и молча курили. Тогда ещё в полисах кинотеатры были, помните их? Помните? А потом мы с отцом переехали сначала в Ганзу, потом сюда – в Ахею, и вот тогда я впервые услышал про Аттала.

– И что о нем говорили? Очень любопытно! – оживилась она, погладив ладонями ноги цвета молочного шоколада.

– Знаете что, Луи? А давайте я отвечу на ваш вопрос, а потом вы ответите на мой, согласны? Ничего сверхсекретного я спрашивать не буду, только то, что мне можно знать. Просто очень хочу для себя понять простую вещь. Если не захотите ответить – не отвечайте. Хорошо?

Приподняв глаза, она немного задумалась и... согласи-

лась. Тогда Сан погладил подбородок и глубокомысленно неспешно начал рассказывать ей о своём нелёгком детстве, бурной молодости и выдающемся настоящим, споткнувшись на неясном будущем. Луиза задумчиво опустила взгляд долу, а затем медленно подняла и вежливо спросила:

– Интересная история, но меня интересует, прежде всего, что, всё-таки, говорили там у вас за Аттала?

– А, про Аттала Ивановича? Что он... – даже замялся сбитый с мысли Сан и налил чай себе. – Ну, говорили, что Аттал Иванович, со всем к нему уважением, людей... м-м-м... побить даже может... до смерти. Или заставить пропасть. Вот какие-то такие истории.

Луиза пожала плечами, глотнув ароматного чаю.

– Ты знаешь, Сан... Он жёсткий человек, но не жестокий. А все эти сказки с похищениями, только между нами, ладно? Всё это выдумки, чтобы держать людей в страхе. А иначе никак. Те, кто его совсем не знает, думают, что Аттал тиран и злодей, но на самом деле он очень заботливый, сердечный – глянь, сколько живности вокруг него: и собаки, и люди, вон, даже для ласточек своими руками сделал гнездо. Ты же сам видел, и, кстати, ты заметил?

– Что именно?

– Ты не заметил?!

– Скажи мне, что конкретно я не заметил?

– Что мы перешли на ты!

– А-ха-ха-а, а ведь верно! Стали друг другу ближе, так

сказать. Вот это да! А раз так, то ответь мне, дорогая Луи, на мой вопрос, я же ответил на твой, – он попил из своей чашки.

– Ну и настырный же ты, – засмеялась Луиза, обнажив прекрасные коралловые зубы, контрастирующие с её тёмной кожей. – Ладно, давай, задавай свой вопрос. Но я отвечу, только если захочу!

– Договорились! Скажи, пожалуйста, ты его жена?

– Чья?

– Ты жена Аттала?

– Нет-нет, что ты! – усмехнулась она. – Я что-то типа домохозяйки?

– Домохозяйки? Но... Луи, но ты так странно одеваешься... Не сейчас, конечно, а вот тогда, когда я тебя впервые увидел. Сейчас ты очень мило выглядишь. Извини, конечно... но домохозяйка в моём представлении, выглядит несколько иначе.

– Почему я так одеваюсь? – прыснула она, ничуть не смутившись. – Да я, знаешь ли, иногда, когда в доме никого, кроме нас с Атталом нет, вообще не одеваюсь. Как тебя сказать – для нас это игра. Игра, которая превратилась в реальную жизнь. Понимаешь?

– Да, наверное, я это и имею в виду, – закивал Сан. – Просто домохозяйка – это все-таки что-то другое. А у тебя не так, ты... иначе.

– Да, ты прав, я на особом счету, – согласилась она и сде-

лала глоток ароматного чая. – Я... как тебе объяснить? Я тут давно живу, лет пять-шесть. Я создаю дому душу, которой у него не хватает. Я друг, родственник, близкий человек для Аттала. Наверное, я больше любовница, но от слова любовь, понимаешь?

– Понимаю, Луи, прекрасно понимаю, – не совсем понял он. – Ты и выглядишь как любовь, – выкрутился он комплиментом, а она залилась счастливым смехом. Уже через несколько минут, попивая бодрящий чаёк и весело хохоча, гость и хозяйка скакали с темы на тему, как горные бараны по почти отвесной стене беззаботной болтовни между ещё полными сил организмами, дышащими нерастроченной энергией хорошего настроения.

– Луи, а тебе тут не страшно? – вдруг спросил Сан. – В лесу, одной, если Аттала нет.

– А кого мне бояться? Тем более, что за забором живёт Леший. Ему Аттал жизнь свою доверяет, а это, знаешь, многого стоит.

– А какой он – Леший? Страшный?

– Да вовсе нет! – рассмеялась она. – Он, кстати, хороший дядька, с бородой такой окладистой. Зимой за валенками приходит, они на печке лежат.

– Не видел тут печь.

– А она есть, представляешь? – рассмеялась Луиза и добавила. – Тут много всего есть, чего ты не знаешь, не переживай.

Тут послышался шум открываемых железных ворот, и по гравию с песком зашуршали шины. Луиза подбежала к дверям веранды гостевого домика, пригляделась и радостно произнесла:

– А вот и ты, крошка!

**

Алиса вздрогнула, когда включила в комнате свет и увидела в кресле напротив двери сидящего Валеру Берета с чётками в руках. Обернувшись, она заметила по бокам ещё две фигуры и безошибочно угадала братьев Жуйченко. Девушка инстинктивно дёрнулась назад, но её остановил глухой окрик.

– Стоять-бояться! – громко просипел Валера: вчера он просидел с Доктором до поздней ночи на прохладной веранде и немного простыл. – Лучше не дергайся, девочка.

Алиса беспокойно задышала и вдруг ощерилась:

– Какого хера тебе тут надо? – и обернулась к Жуйченко. – А вы чё, берега попутали?

Валера прищурился:

– Поговорить мне с тобой надо.

– Поговори. На улице вон. С жучками своими, – не растерялась девушка. Братья переглянулись и насупились. Валера прохрипел дальше.

– А ты не дерзи, девочка. Ситуация сильно изменилась.

Алиса побледнела, предчувствуя самое плохое.

– Что-то случилось с отцом? Что с ним?

– Выйдете, парни, – он махнул рукой. – Разговор не для ваших ушей. Подождите меня на улице.

Те кивнули и вышли, довольные, что не будут участвовать в разборке с дочерью Аттала. Берет долго жевал губами и, наконец, ответил.

– У хозяина все в порядке, не переживай. Когда Атталу Ивановичу будет получше, а это будет очень скоро, – похрустел шейными позвонками Валера, – я могу ему сказать, что твоими первыми словами были не «Как здоровье у отца? Я, бессердечная тварь, уехала от парализованного отца и даже ни разу не приехала, простите меня», а «Какого хера тебе тут надо?»

Алиса облизнула губы. Ответила менее резко.

– Зачем ты приехал?

– За тобой, за чем же ещё? – подчеркнул он слово «чем».

– Как здоровье у папы?

– О, так ты, наконец, решила это узнать?

– Я спрашиваю, как папы? Я пыталась до Луизы дознаться...

– ...но у неё нет и не было коннекта, – издевательски закончил Валера.

– Что с отцом, говори, скотина?

– Ох, я ещё и скотина? Это я скотина, который всё добро хозяина спас, да? Тот, кто из твоих цепких лапок вытащил,

не дал всю недвижку хозяина Вуйчикам слить? – он довольно помолчал и лениво бросил. – Короче, с твоим папкой все в порядке, на поправку идет. Доктор говорит, что через пару недель полностью придет в себя, начнет нормально говорить, а через месяц будет как раньше, ничем не отличить. Может, даже чуточку лучше, потому что некоторые черты его личности могут измениться, Доктор сказал. Так что у Аттала все отлично, в отличие от тебя, красотка. Он меня к тебе и отправил, кстати.

– Почему ты приехал, а не дядя Витя? Это он должен был...

– А нету больше дяди Вити, – издевательски произнес мужчина.

– Как это нет? А куда же он, по-твоему, делся? – спросила девушка.

– Убили твои Вуйчики, девочка, хорошего человека – дядю Витю Комара. Убили зверски, я тебе так отвечу, Лисёна, – выделил он последнее слово, которым любил называть её Комар.

Алиса медленно побелела, прижала руку к шее, попятилась назад и шлёпнулась на пуфик возле двери. У неё задрожали губы, а глаза увлажнились.

– Как убили? – наконец выдавила она дрожащим голосом. – За что?

– А за твои шутки с имуществом Аттала, красотка! – словно ударил, презрительно произнес он. – О заварушке в баре

ты, наверное, уже слышала. И знаешь, что две черные головешки на пепелище – это они и есть – те самые Вуйчики, боссы Ганзы, которых ты пригласила на сделку. Ещё один неопознанный труп – это тело твоего любимого дяди Вити. Вот такие дела, Лисёна.

Воцарилась долгая тишина. Алиса поморгала-поморгала, пытаясь избавиться от слез, но подбородок предательски задрожал, и девушка, уткнувшись в кулаки, глухо захныкала. Валера безжалостно смотрел на неё:

– Хозяин меня за тобой прислал. Он, как говорить начал, сразу же спросил, где ты? Я пока ничего ему не ответил, просто сказал, что ты уехала. Возможно, по делам. Короче, Аттал Иванович пока не знает, сколько тебя не было, и ещё он не в курсе про твое участие в сделке, но скоро он может все узнать – как ты, во время болезни отца, решила продать всю его собственность. Понимаешь, красотка, что именно я могу ему рассказать?

Снова обрушилась тишина. Алиса испуганно посмотрела на Валеру, сглотнула, слезы перестали бежать, а в глазах по очереди проступил страх, злость и смирение.

– Что... Что ты хочешь от меня?

– Что я хочу? Хм, а что же я хочу, интересно? – издевательски задумался он, глядя на неё веселыми глазами, и подмигнул.

– Снова жариться с тобой? – презрительно бросила она.

– Заметь, не я это предложил, – хохотнул он. – И это тоже.

– Говори прямо, не тяни резину, чего тебе от меня надо?

– Я хочу твоего полного и беспрекословного подчинения.

Алиса замерла, а Берет продолжил.

– Всегда и во всем. Чтобы ты делала только то, что я скажу, глотала, и просила ещё...

Тут Алиса взорвалась.

– Чтобы я... тебе... да пошёл ты! – и показала ему оттопыренный средний палец.

– Я пошёл, значит, да? – спокойно поцокал языком Валера. – А ты знаешь, что там, в сгоревшем баре, нашли ещё тела? Одно из них принадлежит дяде Вите, как я и говорил, а другое, – Валера сделал паузу, – мужу твоей подруги Марго. Да-да, красотка, Антоху убили, и тоже по твоей воле. Что ты на это скажешь своей подружке, когда она вернется с отдыха, я ума не приложу? Что ты решила погреть ручки на отцовском добре, но вместо этого погубила дядю Витю и Антоху? Что ты пацанам расскажешь?

Алиса просто окаменела от этой новости. Она закрыла ладонями пол-лица, глядя на гостя глазами, полными боли и слез.

– Короче, девочка, давай решай, – воспользовался оглушенной, словно хуком в челюсть, Алисой Валера. – Или мы всё красиво преподносим, что ты об этом вообще не в курсе, что уезжала подавать документы в институт, бла-бла-бла, и я там тебя нашёл. И что регулярно отца навещала. И что Вуйчики погибли смертью храбрых за то, что попытались Вите

рублы за бар не отдать, поэтому и началось месиво. Красивая история – ничего лишнего. Ты молчишь, я молчу – так что делай выбор, девочка. Или хозяин что-то новое узнает о тебе... или я. Ты поняла, что я имею в виду? – и он побегал языком по губам.

*

Через полчаса они уже подъезжали к Аквилейскому транспортному узлу, где погрузили мобиль на второй уровень пульмана-паркинга, а сами прошли в пассажирский пульман. Маглев стремительно набрал скорость, и через несколько минут они летели по дюкеру* (закрытой скоростной магистрали) на скорости свыше семисот километров в час в Ахею. Рассевшись в вагоне первого класса в уютных креслах, спутники поглядели друг на друга, как бы оценивая. Понимающие Жуйченко сразу ушли в бар, а Берет с Алисой остались вдвоём на широком двухместном кресле. Девушка смотрела в цифровом окне дешёвую мелодраму, а Витя с усмешкой изучал её профиль, фигуру и ноги в облегающих брючках.

– Валера, наш уговор не означает, что ты можешь вот так на меня пялиться! – не глядя на него, прошипела Алиса. В её приглушенном тоне звенела сталь.

– Я могу делать с тобой все, что захочу, девочка, – фыркнул Берет, положил руку на её колено и продолжил вкрад-

чивым тоном. – И когда захочу. Как раньше, помнишь, как ты любила? Вот скоро мы приедем в дом, и ты снова будешь учиться ходить по струнке и слушать дядю Валеру. У хозяйна есть своя Луиза, а у меня будет своя Алиса, – схохмил он и погладил её ногу. Зря, кстати, потому что девушка мгновенно налилась краской, повернулась, скинула его руку, подвинулась поближе и тихонько произнесла сквозь сжатые зубы:

– Я вот что хотела бы тебе пояснить, дядька Валерка. Папа – он никого и ни за что не прощает. Кроме одного человека – собственной дочери. И, если всё когда-то откроется, то меня-то он пожалеет, спасибо боженьке, а вот тебя, Валера, человека, который уже перешагивал за понятия, кстати, он жалеть не станет. Конечно, у нас с тобой договор, но ты тоже знай, что если ты перейдешь за рамки, то я в душевном отчаянье расскажу отцу, как ты меня когда-то изнасиловал. И сделаю это так, что он мне поверит всей душой, – она показала на себя двумя большими пальцами. – Может, вполне может быть, что папа ничего тебе не сделает – дело-то прошлое. Но, Валера, отношение к тебе резко изменится, вот увидишь. А там разные неприятности могут произойти. Поэтому, Беретик ты мой дорогой, лучше не лезь, туда, где узко, а не то уздечка лопнет!

Сказав это, Алиса откинулась в кресло, и стала смотреть дальше свой дурацкий фильм. Валера раздул ноздри, и начал было:

– Ах ты, паскуда мелкая...

– Слышь, ты, гнида! – прошипела она, снова повернувшись к нему. – На ту сделку Вуйчики должны были привезти уйму денег, и что-то я не слышала, чтобы кто-то вернул их назад в Ганзу или отдал отцу. А? Что ты об этом скажешь?

Валера долго готовился к такому вопросу, чтобы ответить, не моргнув:

– Что?! Никаких денег там не было. Ни я, ни Доктор не видели. Он подтвердит, если что.

– Какой ещё доктор?

– Да твой Доктор. Саня который. Ты же сама привела его в дом, хотела на сделку запутать, а мы его с собой в «Туман» взяли. Короче, Доктор никаких денег не видел, так он и скажет. Кстати, это он старшего Вуйчика и убил.

Алиса округлила глаза.

– Что? Кто убил?!

– Твой Доктор, – хмыкнул Берет. – Порезал Симона, как дуршлаг. Хирург, блин, долбаный.

Алиса медленно повернула голову в сторону цифрового окна и поглядела в него пустыми глазами. Разговор смялся и прервался. А Валера, тем временем, менял боевой настрой на весьма дурацкое расположение духа. Он-то шел на понт* (блефовал), говоря, что сможет рассказать Атталу, как по вине Алисы Вуйчики приехали покупать почти треть весьма ликвидной недвижимости полиса. Это были квадратные километры плодородных полей в саване торговых комплексов, доходных домов, развлекательных заведений и тому подоб-

ного – они давали основной доход Атталу.

Хозяин не тратил деньги на золотые унитазаы – он создавал прекрасный город, вкладывая полученное в его же развитие. Он строил полис, в котором нравится жить, потому что этот полис и был его жизнью.

Так вот, если бы Валера рассказал хозяину всю правду о том, что Вуйчики приехали скупить недвижимость Аттала, то первый вопрос от хозяина звучал бы так: «а где тогда рубли* (деньги), Валера?». Потому что Вуйчики не могли явиться на сделку без денег, уже заранее посчитанных, и договора купли-продажи, заверенного в нотариальном бюро Конти, царствие ему небесное. Это не семечки на базаре покупать. Алиса права – раз они приехали с деньгами, но были убиты на сделке, значит, кто-то эти денежки прибрал к себе. А кто, интересно, если в живых остались только Берет и Доктор?

И Валере уж очень не хотелось отвечать на этот вопрос хозяина, потому что денег в тех двух чемоданах было столько, что Берет сам смог бы отстроить целый кампус. Не сейчас, конечно, а однажды, лет так через пять-семь, уйдя по выслуге лет. Да и в ближайшее время он хотел отпроситься у Аттала Ивановича на длительный отдых, чтобы переждать, пока кипиш с Вуйчиками утихнет. И там тоже часть денег вполне бы пригодилась для беззаботной и веселой жизни на Фракийском берегу.

Одно его грызло. Секрет богатства знал не только он, но

и Саня Доктор. Если бы тот не спас его жизнь, причем дважды, то Берет ни на секунду не задумался и сразу бы свернул ему шею, как курёнку, ещё там – в «Тумане», или потом – в лесу. Но убить своего спасителя означало навсегда перестать уважать себя любому человеку, любой расы, веры и духовной предрасположенности. Валера не смог перешагнуть через подобное нарушение понятий чести, поэтому он просто не сделал никакого выбора, решив, что нужно подождать, и всё рассосётся само собой.

Но, как оказалось, что быть ждуном – тяжкий груз. Потому что теперь каждый день и каждый час, каждую минуту Валера находился в состоянии небольшого напряжения, думая о том, что однажды Саша случайно проговорится, и это ожидание постоянно терзало его разум. Сейчас он всё чаще думал о том, как бы поскорее спровадить Доктора домой до того момента, как хозяин придёт в себя полностью, иначе возникают риски. Говоря прямо, Валера уже проклинал тот час, когда он сам же, дубина такая, пригласил Сашу жить у них в доме и лечить Аттала Иваныча. Тогда Берет отчего-то подумал, что единственного свидетеля, знающего секрет, нужно держать как можно ближе к себе, а оказалось, что наоборот.

Тем более что усилиями Саши Аттал быстро шёл на поправку, а в процессе лечения доктор и пациент всё больше общались между собой, причем Валера не всегда при этом присутствовал. Как сегодня, например, когда Аттал Ивано-

вич проснулся, зевнул и медленно, но уже достаточно внятно приказал ему привести Алису. Соскучился, говорит, а та не звонит, боится потревожить, наверное – пребывал в заблуждении хозяин. Валера давно ждал этого приказа и уже продумал, как и что он скажет Алисе при встрече. Со всех сторон выходило, что она в его руках, и от осознания этого факта Берет даже немного потел в предвкушении чего-то сладкого.

И вот, сегодня всё вроде бы пошло по плану, пока эта сука не выдала свой монолог. А ведь она права, стерва – если её довести, то она сможет отцу такого насочинять, и про деньги упомянуть, даже во вред себе – Алиса ведь долбанутая на всю голову, Валера в этом уже успел убедиться много лет назад, когда она была ещё молоденькой стервочкой. И кто кого тогда изнасиловал – вопрос! А теперь-то она совсем заматерела, набралась гонору, такая стерва стала, что у него жгло между ног от предвкушения, как он оседлает её, возможно, даже сегодня.

Поэтому Берет ну никак не ожидал такого поворота, поэтому сейчас напряженно размышлял, пытаясь обыграть ситуацию. Думал-думал, и уже в Ахее, когда они забирали машину с пульмана-паркинга, дернул её за руку и, как можно спокойней произнес вполголоса:

– А все-таки наша договоренность действует, не забывай это, девочка. Ты сказала, что ко мне отношение изменится? Так и к тебе тоже, не забывай это. Когда хозяин узнает, что ты хотела натворить, то он тебя простит, да, скорей всего

простит, но перестанет верить вообще. И будет постоянно думать, что ты его бросила в самый тяжелый момент. Когда он был при смерти, ты решила продать всё, что он заработал за целую жизнь – и как думаешь, он к этому отнесётся? Ты тоже подумай об этом, девочка! – и, пройдя мимо, Берет шумно плюхнулся на переднее сиденье мобиля. Алиса даже сглотнула от его правоты, в то время как они с Жуйченко-младшим садились на заднее. До боли сжалось в груди её, когда она увидела на всегдашнем месте Антохи – за рулём, наглую рожу Жуйченко-старшего. Вспомнив об Антохе, о дяде Вите Комаре, об изувеченном болезнью отце, о своих ошибках, Алиса прижала руки к лицу и от души зарыдала.

Проплакала она почти всю дорогу. Только у кованых ворот дома Алиса успокоилась, размазав по щекам слёзы, и вздрогнуло сердце от радости, когда она увидела полные любви глаза и услышала:

– А вот и ты, крошка!

Алекс был свидетелем шумной встречи, рыданий и возгласов счастья двух женщин. Одной, только вступившей в пору молодости, энергичной, красивой, успешной, но глубоко несчастной от своих ошибок, от любовных терзаний, от навеки сломанной, как ей казалось, судьбы. И другой – полной понимания жизни и ощущения огня любви, осчастливленной детьми и спокойствием в душе. Настолько разных и в то же время настолько близких друг другу людей. Алексу даже стало неловко смотреть на их слезы, и, махнув рукой

Валере, он вернулся в свой уютный двухкомнатный гостевой деревянный рубленый домик.

С тех пор прошла неделя.

Алису он все это время не видел, хотя ежедневно бывал в доме, как лечащий врач Аттала, ведь, благодаря новейшим способам восстановительной медицины, больной быстро шёл на поправку. Сон и спокойствие давали мозгу восстановиться, ежедневные массажи и разминания конечностей воссоздавали физическую память, как у них в ликее называли формирование новых нейронных связей в моторной зоне полушарий. Никто в доме не рассказывал Атталу о том, что произошло в дни его болезни. Доктор объяснил, что хозяину дома сейчас дают очень сильные препараты, и любой стресс может повлиять на здоровье весьма трагическим образом. Об этом в обязательном порядке предупредили всех, в том числе и новоприбывшую Алису.

За это время девушка ни разу не показалась на глаза Алексу, да и Луиза зашла к нему всего один раз – позавчера. Они снова пили чай, а потом даже по бокалу грузинского вина, которое так любил Аттал, поэтому в доме его было много. В гостевом домике, в погребе, тоже стояло немало разных бутылок, поэтому Доктор вечерами, а сейчас уже и днём, частенько ходил навеселе. В этом приподнятом состоянии он

тогда и спросил у Луизы, когда они сидели на втором этаже – на балкончике и глядели на лес в сгущающихся сумерках, освещаемые яркими лампами противомоскиток:

– А почему ты отсюда не уедешь, Луи?

– А зачем? – удивилась она, глядя ножку бокала.

– Ну, я не знаю. Ты, вообще, можешь отсюда уехать?

– Конечно, могу, я частенько выбираюсь к своим детишкам. У меня старшему мальчику уже десять, а девочке восьмой год. Они учатся в одной из лучших школ Аквилеи.

– Это в которой?

– В четвертой Палатинской.

– А-а-а. Дорогое, скажу я тебе, местечко.

– Это ты мне говоришь? Это я тебе скажу, Сан!

– Слыхал, конечно, там ставки у преподав – космос!

– Не то слово! Зато и учат их лучшие из лучших, представь?

– Представляю! Это одна из лучших школ по качеству выпускников!

– Всё верно, Сан. Раз в две недели я могу к ним свободно приезжать, хоть на все выходные – там домики для родителей можно арендовать. Так что я свободно уезжаю из дома, как соскучусь. В последнее время уж очень часто, у сына сильно изменилось поведение, неуправляемый какой-то становится, и младшая на это смотрит, и тоже... Ой, да, не будем о грустном.

Сану даже стало неловко от её расстроенного вида.

– А забрать их можно? – участливо спросил он.

– И где им жить? – хмыкнула она. – Это дом Аттала. И тут живут только его дети.

– М-да, – вздохнул Сан. – Но... но ты сама... сама тут? По своей воле?

– Конечно, Сан! – словно очнувшись, даже всплеснула руками от возмущения она. – Конечно, по своей! Я осознанно решила тут жить. Может быть, однажды, через много лет, я и уеду отсюда навсегда, но к этому времени мои детки будут вполне самостоятельны, чтобы маму обеспечить. Да и Аттал никогда меня не оставит, он мне уже квартиру купил в Ахее. Я тебе говорила, что он очень хороший человек, у него доброе сердце, и я благодарна ему до кончиков пальцев.

– Ты удивительный человек, Луи. Правда. – Сан прижал руку к груди. – Я больше не знаю таких людей, как ты. Кто-то ходит на работу к семи утра, кто-то ждет пятницы, как свободы, кто-то до смерти не может заработать на кусок жилья, а ты проходишь мимо всего этого, ничего не замечая. И имеешь всё, что захочешь. В чем твой секрет?

Луиза задумалась и неторопливо пожала плечами.

– Сан, я вот так сразу не могу дать тебе однозначный ответ. Я часто думала об этом – что такое моя жизнь, и как она создается. Но... не смогла понять её. Возможно, и у меня раньше всё как-то сумбурно происходило, путь вилял, как говорится. Например, я легко могла тогда не поехать к двоюродной сестре на день рождения, и никогда бы не встрети-

ла своего будущего... бывшего мужа. Но я поехала. Сначала почувствовала, что он влюбился в меня с первого взгляда, а потом поняла, что он готов ради меня на всё. Да и он мне понравился как-то... внешне... внутренне. Решила – а почему бы и нет? Впрочем, он долго меня добивался, таких, знаешь, больше ценят, чем скороспелок. Полгода, наверное, ему отказывала, говорила, что отец моих детей должен быть обеспеченным мужчиной. И, знаешь что? – Луи невесело усмехнулась. – Он стал им... Стал ради меня. Однако, став таким, каким хотела я, он перестал быть собой, – она ненадолго прервалась. – Тем более что я ему немного в этом помогала, в силу своих... способностей. Затем мой супруг устроился на работу в престижное место, у него получалось, он справлялся, правда, двигался постепенно, не торопясь. Но однажды я увидела шикарный дом и начала его подзуживать, давила на чувства... поэтому он пошёл, и взял займы у Аттала. А потом, как это часто бывает, не смог вовремя вернуть, потому что на работе начались неприятности. В общем, затянули с выплатой настолько, что я перепугалась и уговорила его сбежать, он сопротивлялся, говорил, что так нельзя, но я его убедила.

Луиза встала с кресла, подошла к перилам, задумчиво поглядела в сгущающийся сумрак леса за стеной. Сан старался не пялиться на её стройные ноги, но получалось плохо. Тут она внезапно повернулась, перехватила его взгляд, и, словно не замечая, продолжила.

– Нас поймали прямо на Аквилейском центральном узле. Атталу оставалось щелкнуть пальцами, как муж оказался бы в тюрьме за побег от долга – это в самом лучшем случае. Я бы лишилась, как его жена, всего имущества и осталась на улице, а детей бы отправили в полисный детский пансионат или в «божедомку», – её голос дрогнул. – Я преподавала в «божедомке», это хуже, чем детский дом, поверь мне. Я никогда бы не пожелала для своих детей такого засиранья мозгов. Когда нас поймали, я подумала, что всё – мой мир рухнул, а жизнь обречена, но Аттал предложил мне подумать. Я обдумала его предложение, приняла решение, и вот я тут.

– А что же муж?

– А муж объелся груш! – она прислонилась к стене.

– Ох, непростая у тебя история, ох, непростая! – посочувствовал Сан.

– Да, это был очень сильный жизненный урок. Он меня многому научил.

– Да? И чему же?

– Я больше не использую чувства других людей в своих целях. Наоборот, я стараюсь насытить чувства, которые питают ко мне.

Сан поднял брови.

– И как, получается?

– Ты очень любопытен, я погляжу, – мягко и совсем необидно засмеялась Луи.

– Ладно, не буду я лезть в чужой вопрос, уж прости ме-

ня, – поддержал её смех Сан и внезапно перевёл тему разговора. – Ты мне лучше расскажи, пожалуйста, я до конца не могу понять, кто самый главный над Аквилеей, по положению вроде Микеле Морозини, но ведь это не он, а кто тогда?

– Как кто? Ильсид! – непонимающе посмотрела она.

– А! Ильсид? А я почему-то подумал, что Морозини главней! – вывернулся Сан.

– Ильсид чуть ли не воспитал Микеле, что ты. У них разница лет в двадцать, не меньше. Морозини очень хороший человек, он мне нравится гораздо больше, чем Ильсид.

Тут она допила бокал, подмигнула ему и тоже перевела разговор:

– Алиса, кстати, передает тебе привет и извиняется. Она разболелась в первый же день: температура, слабость и не только. Очень похудела, бедная моя крошка, недавно только на поправку пошла, но пока ещё из комнаты не выходит. Я измучалась с ними обоими, честное слово. Алиса плохо себя чувствует, попросила Аттала приказать, чтобы в её комнату только я могла заходить, и никто больше. Поэтому я или с ней, или с ним, вот только сегодня выдалась свободная минутка, решила тебя навестить.

Они ещё немного поболтали, и Луи упорхнула обратно в дом. Пару раз, выходя на крыльцо, он видел, как колышется легкая шторка возле окна на втором этаже, и видел за ней женскую фигуру, но лицо скрывала тюля вуаль. Кто это был, Саша не разглядел.

Каждый день он ждал, что однажды раздастся стук в дверь, и на пороге появится она: та, чье лицо не выходило у него из головы, та, мысли о которой терзали его по ночам, та, что с легкостью подставила его под смертельную опасность. Жить целую неделю рядом с ней, ощущать её незримое присутствие, но не слышать звонкого смеха, не вдыхать аромат кожи, не любоваться омутом очей было сладкой, отчаянной мукой, углублённой алкоголем. День и ночь он пребывал как будто во сне, накручивая круги вокруг дома, в ожидании, что она вот-вот даст о себе знать.

Алекс ждал её появления каждое утро, когда заходил в кабинет Аттала и замечал его улучшающееся состояние, когда днём бесцельно прогуливался по территории домовладения, поглядывая на окна дома, и особенно вечерами, приговаривая в одиночестве бутылочку вина из огромного запаса Аттала. Ожидание не оставляло ни на секунду, поэтому, однажды утром, услышав стук в дверь, Алекс резко подскочил с кресла и стремглав побежал открывать.

Увы! На пороге стоял один из братьев Жуйченко. Алекс путал близнецов, поэтому не мог понять, который из них к нему зашел. Он замечал, что те его недолюбливают, но все же вежливо протянул руку, и... не увидел ответного жеста. Наоборот, Жуйченко сунул руки в карманы и так вызывающе уставился, что Алексу пришлось отвести глаза.

– В чем дело? Что-то не так? – спросил Доктор как можно более дружелюбным тоном.

– Всё не то, и все не так! – глухо ответил тот.

– Не понял.

– И не надо!

– У нас что, есть повод для разногласий? – уточнил Саша.

– Есть! – отрезал тот.

– Сможешь конкретизировать? – бил образованностью

Доктор.

– Я все могу – и конвезировать, и кастрировать, – быковато ворочал головой туповатый Жуйченко.

– Молодец. Многостаночники нынче в цене, – как бы уважающим тоном съязвил Саша, не собираясь терпеть хамство. – Ты, вообще, че пришёл-то? Ерундой поболтать или по делу?

– По делу, – выпустил воздух крепыш. – Тебя хозяин зовёт, он на крыльце ждёт.

– Ну, тогда я к нему, – сделал ручкой Алекс, обошёл Жуйченко и спустился с веранды на тропинку. – Увидимся!

– Встретимся! – мрачно ответил верзила ему вслед.

Алекс шёл по тропинке, ощущая спиной враждебный взор и недоумевал, по какой причине он вызывает негатив. Вроде бы дорогу никому не перебежал, наоборот, их босса на ноги ставит, отбил нападение врагов, вернее, помог отбить. В чем дело? Может быть, это как-то связано...

– Алиса! – прошептал он имя, которое пронеслось у него в голове, когда, завернув по тропинке вправо, заметил её на широкой удобной скамейке, стоящей возле дорожки в глубине

вишнёвого сада. Словно услышав его шёпот, девушка оторвалась от какой-то книжки, в её взгляде пронёсся беспокойный вопрос... и тут, наконец, она увидела его. Алекс широко открыл глаза, и его гипофиз выдал такой набор гормонов, что сердце буквально взорвалось и застучало в висках. Алиса не шевелилась.

Несколько секунд между ними был слышен только шелест ветерка на тонких пушинках листы.

– Шурик! – вдруг приветливо улыбнулась она, обрадовавшись. – Иди сюда, садись рядом! – как ни в чём не бывало, она похлопала рукой по скамье подле себя.

Шурик не заставил себя ждать и через пару мгновений был у её ног, в фигуральном смысле, конечно. Он сел возле девушки и широко улыбнулся, блуждая влюблённым взглядом по каждой её ресничке, замечая бледность кожи и похудевшие, заострившиеся черты, от чего она, казалось, стала ещё прекрасней. От такого внимательного разглядыванья восхищёнными глазами она даже чуть зарделась, но вслух весело произнесла:

– Не надо так на меня смотреть, я чувствую от этого себя весьма смущённо! – озорно рассмеялась она и прикоснулась к его руке. – Давай, рассказывай лучше, как ты тут обжился?

Шурик оглядывал её, переполняясь чувством эйфории, глупо улыбаясь, и ответил невпопад:

– Я очень по тебе соскучился, Алиса! Как твоё здоровье, кстати?

– Нормально, спасибо. Иду на поправку. А как у тебя дела?

– Если сказать честно, то я бы ответил, что не очень.

– Не очень? – переспросила Алиса. – Что такое?

– Тебя давно не видел. От этого мне плохо.

– Ой, ты в своём репертуаре, дамский угодник! – улыбнулась она и снова коснулась руки. – Не можешь без комплиментов.

– Алиса, ты мне правда очень понравилась, вернее, и сейчас нравишься, – сбился было он, но пришёл в себя. – Просто у нас всё так непонятно закончилось, и я...

– Шурик, милый Шурик, – перебила его она. – Давай не будем усложнять, я вот, например, вообще сейчас уже ничего и не помню – что там между нами было или не было, кто знает? Да ведь? Это у вас, у мужиков память хорошая: кратковременная, долговременная, двигательная там, а у нас одна – девичья. Чего не помним, того и не было значит. Ладно? – убеждала она его. А он качал головой, соглашаясь непонятно с чем. – Я, конечно, помню, что мы с тобой много выпили тогда, да ещё и вынюхали немало, поэтому...

– Тот вечер был лучшим в моей жизни, – вдруг откровенно признался. – Я жалею, что испортил память о нем наркотой и алкоголем. Я бы хотел всё исправить...

– Шурик, дружок, говорю же, давай не будем об этом, – мягко перебила она. – Не то сейчас время, согласен? А о том, что произошло во время нашей последней встречи... ну, ты

понял, о чём я? Документы, подписи и всё такое. Слишком много трагического случилось, поэтому теперь стараюсь забыть всю эту ситуацию, как страшный сон. Спасибо боженьке, что мы с тобой живы остались, и папа поправляется. Поэтому и тебе не стоит перебирать прошлое! Да ведь?

– Понимаешь, Алиса, нельзя не вспоминать, – вздохнул он, повторяя рассуждения Мирона. – Когда действие произведено, его невозможно перемотать назад. Например, если я что-то услышал, увидел, почувствовал, и это произвело на меня впечатление, то оно останется в памяти. Это же не игра, в которой можно что-то отменить. Всё произошедшее – оно со мной, понимаешь? И может, останется на всю жизнь, я ведь не могу произвольно забыть. Вообще, чем больше я об этом думаю, тем чётче происшествие прорисовывается в моей памяти, хотя бы потому, что во время воспоминания, я снова испытываю сильные эмоции. Даже на физиологическом уровне у меня в голове происходят изменения – становятся толще и быстрее нервные связи, создающие физический каркас ментальной картинки – так отрисовывается моя память о том событии.

– А ты не изменяешь себе, господин преподаватель, – вдруг рассмеялась она. – Ничего, что я не конспектирую?

– Всё в порядке, на экзамене проверю уровень твоих знаний, – поддержал шутку Шурик, понимая, что, действительно, лекции сейчас ни к чему.

– Кстати, очень интересно, и какая именно ментальная

картинка обо мне отрисовалась в твоей памяти? Расскажи! – вдруг поинтересовалась она.

– Думаю, тебе это будет неинтересно...

– Нет-нет, я настаиваю! Мне бы хотелось понять, какой я выгляжу со стороны в чужом воспоминании. Давай-ка, рассказывай! – уперла девушка руки в боки, положив книжку на скамейку.

– Алиса... – заупрямился Алекс.

– Рассказывай, я тебе говорю! – настаивала она.

– Да что сказать? – наконец решил он высказать, что накипело. – Я же понимаю, что ты меня хотела использовать в своих целях. Причем втёмную, вот что обидно. Может быть, если бы ты рассказала мне всё напрямую, то я бы ради тебя сто раз подписался под этим очень непростым документом. Я понимаю, что за эту подпись с меня могли бы спросить даже жизнью. Но ради тебя я бы сделал это, сто процентов! А когда я понял, что ты меня просто хочешь использовать, то я тогда и сказал, что ты путаешь хорошее отношение со слабостью. Но ты обозвала меня трусом и наговорила много нехороших слов в присутствии уважаемых людей. Представь, каково мне...

– Ну ладно, ладно. Ишь ты, критик! – оборвала она, внезапно закипев. – Использовали его, видите ли. Все у него плохие, один он хороший. А как мне было не психовать, если вы поголовно ошибались, а я была совершенно права? Или, может быть, ты хочешь мне ещё что-то высказать? А? Я ведь

вижу, что хочешь! Давай! Режь правду матку, не стесняйся, говори откровенно!

– Если откровенно, то... – Алекс замялся и вдруг произнес. – Короче, Алиса, я тебя люблю! Вот тебе правда. Вот тебе откровенно. И я вовсе не считаю, что ты злая, просто никто не видит в тебе то, что вижу я, а я вижу только хорошее. Мне кажется, что ты замечательный человек, просто скрываешь это под маской. Но я всё равно люблю тебя такой, какая ты есть.

Разговор вспыхнул на этой ноте и погас. Вдалеке послышалось, как кто-то рубит дрова.

– Э-э-э, спасибо, – медленно ответила она, быстро остывая и понимая, что это не тот ответ, которого ждет, вернее, на который надеется Шурик. – Только ты зря думаешь, что я хорошая – это просто у меня зла на всех не хватает. Но за комплимент спасибо.

– Пожалуйста! – все же улыбнулся он, делая вид, что несколько не обескуражен таким положением дел. Алекс знал, что в этом деле нельзя полагаться на случай – Алиса необычная девушка, и её придется добиваться. А это тяжёлый труд, протяженный во времени. Это понятно, но... надежда на взаимную любовь рухнула, и где-то в глубине души зародилось чувство, которое нельзя описать, можно только ощутить. Но он нашёл в себе силы: – А ещё у тебя очень красивые глаза, Алиса. Я гляжу в них и никак не могу наглядеться.

Девушка промолчала, потупив очи долу. Они ещё

несколько минут посидели молча, но вскоре Алекс поднялся и сообщил, что его ждет Аттал, поэтому нужно спешить. Алиса облегченно покивала головой, как бы соглашаясь, что да, к папе нельзя опаздывать. Поднимаясь, Алекс отряхнул колени и задал ей неожиданный вопрос:

– Алиса, а почему Жуйченко косо на меня смотрят, ты не знаешь, случайно? – он поглядел ей прямо в глаза, но на этот раз они светились не любовью, а любопытством.

– Так что тут знать, – усмехнулась она. – У них всю жизнь братья Вуйчики были на первом месте, ты не знал? Они же их манеру поведения даже копировали и побрились наголо, чтобы подражать Симону, царствие ему небесное. А ты их идолов взял и в гроб уложил, – ответила Алиса чужими мужскими словами.

– Ох, ты! – поморщился Алекс. – Не знал, не знал. Похоже, я тут наживаю себе врагов с огромной скоростью!

– Да ладно, не парься! – усмехнулась она. – Пока ты лежишь отца, к тебе никто не подойдет. Да и защитники у тебя есть.

– Ты? – с надеждой улыбнулся он.

– Валера Берет. Мне сообщили, как он им сказал, что если они на тебя даже косо посмотрят, то он обоим пистон вставит.

– Что сделает?

– Отвешает дюлей.* (Побьет)

– А-а-а! Так это значит, мне Валеру нужно благодарить. А

я почему-то подумал, что ты тут мой главный защитник.

– Я тоже на твоей стороне, не парься, – наконец улыбнулась Элис. – Но я сегодня уезжаю, поэтому...

– Уже? Так быстро? – встрепенулся Алекс.

– Так я же снова в Аквилейский лицей поступаю! Экзамены, сессии, как говорится. Нужно ехать в Аквилею, спасибо боженьке. Вот, сию, готовлюсь.

– Ну что ж. Тогда не буду тебе мешать, ни пуха тебе ни пера, – разочарованно развел руками Алекс и хлопнул по бедрам. – Ну ладно, я пошёл. Пока, Алиса!

– Пока, Саша! – помахала она рукой, и Алекс, оборачиваясь, направился к южному крыльцу, где, разомлев на солнышке, в кресле качалке расположился сам Аттал Иванович, хозяин полиса Ахея, состоящего из семи кампусов, расположенных вокруг одноименного Ахейского узла Союзной трассы «Путь».

*

– Здравствуй, Сан Доктор, – невесело усмехнулся Аттал, сидя в солнцезащитных очках в плетеном кресле на широкой веранде возле входа в кабинет. Речь его текла медленно, как пересохший ручей меж камней. Он провёл рукой по небольшой щетине с проседью и показал на кресло подле себя. – Присаживайся, будь любезен. Как видишь, решил косточки погреть. Солнечными витаминами запастись. Скучно стало

одному, вот и послал Жуйченко за тобой, – между предложениями хозяин дома делал паузы, словно отделяя фразы одну от другой. – Дабы пообщаться как добрый хозяин с гостем. А то мы с тобой, как доктор с этим, как его... которого лечат... как его?..

– С пациентом, – подсказал Алекс, усаживаясь.

– С пациентом, конечно. Кстати, – он пристроился поудобнее. – Я вот об этом и хотел поговорить – об одной, скажем так, проблеме. Видишь ли... Э-э-э... Слова стал забывать, да и язык подводит. Поведай, что со мною происходит?

– Аттал Иванович, как бы вам сказать, – терпеливо начал Алекс. – Дело в том, что у вас инсульт поразил левое полушарие мозга, отвечающее за речь. Вообще, левое полушарие поражается в несколько раз чаще, чем правое, поэтому проблемы с речью бывают у больных довольно часто.

– То есть это более-менее нормально? – медленно проговорил Аттал.

– Да, а в вашем состоянии – тем более. У вас амнестическая афазия, но мы её достаточно успешно лечим. Вы же видите, что каждый день состояние улучшается?

– Вижу, что состояние улучшается, – кивнул головой Аттал. – Медсестра хорошая. Очень терпеливая. Э-э-э... Мы с ней книжку с картинками листаем. Так я лучше вспоминаю слова. Получается, кстати. Еще она начинает говорить какую-то... эту, как её? Не слово, не словосочетание, а эта... как её? – Аттал покрутил ладонью.

– Фраза?

– Да, фразу начинает, а я продолжаю. И тоже лучше. Песни даже пели как-то, – тихонько посмеялся хозяин. – Язык тренируем: то высуну его, то в трубочку сверну. Как...э-э-э... ребенок, ей богу. Таблетки каждый день. – Тут он стал серьезным. – Никогда раньше не пил их вообще. Послушай, Саня, расскажи. Что со мною произошло?

– Ну, что могу сказать? Ишемический инсульт, – пожал плечами Доктор. – То есть тромб закупоривает кровеносный сосуд, к клеткам мозга не поступают кислород с глюкозой, и сосуды погибают. А нейроны не восстанавливаются, увы. Это значит, что человек или теряет определённые функции, например, не может ничего делать рукой, или мозг перестраивается, и тогда другие, неповреждённые нейроны, берут на себя эти функции.

– Понятно, – задумался Агтал, – нейроны. Э-э-э... таблеток-то зачем так много, раз не восстанавливаются уже? Горстями ведь пью.

– Агтал Иванович, просто у каждого препарата своё назначение. Одни препятствуют дегенеративным изменениям, другие улучшают мозговое кровообращение, третьи нормализуют метаболические процессы в нервной системе. Ноотропы, конечно, без них никак, потому что...

– В живот постоянно что-то колют, Саня. Болит уже всё, – прервав его, пожаловался хозяин.

– Так нужно, Агтал Иванович, потерпите. Это очень мощ-

ное лекарство, специальный фермент, у которого масса восстановительных свойств. Например, он не даёт разрушаться тканям, уменьшает размер повреждения и так далее. Правда, ну очень много положительных свойств. А колоть его нужно только в переднюю брюшную стенку и никак иначе. Именно этот укол вам сделал профессор Гавриловский в самом начале, и за это нужно быть ему благодарным, конечно. Если бы не его помощь, то итог мог бы оказаться гораздо плачевнее. Гораздо, Агтал Иванович. Вообще, первые шесть часов с начала течения инсульта, так называемое «терапевтическое окно» – это самое важное время для больного: если вовремя успеть сделать необходимые уколы, то это сильно поможет в дальнейшем. Вам помогло, как видите. А вы сами-то помните, как всё произошло? Первые часы. Сможете описать симптоматику?

– Помню. Хорошо помню, – кивнул хозяин. – Рассказать? Доктор подумал и кивнул.

– Я отдыхал на дне рождения товарища...

– Микеле Морозини?

– Всё-то ты знаешь, – поморщился Агтал Иванович и не спеша продолжил, чуть понизив голос. – Да, у него. Мы с одним моим... э-э-э... с моим коллегой туда поехали. Помню, у меня голова разболелась. Но потом приехали, выпили, вроде получше стало. Э-э-э... Много выпил, вынужден признаться. Да и шашлыка немало съел. Из-за стола пораньше ушёл. Потому что, э-э-э... какие-то провалы в памяти по-

явились – то имя чьё-нибудь забуду, то историю начну рассказывать, и не помню продолжения. Сам над собой смеялся. Хотя не смешно, отнюдь, а досадно. Говорю им, мол, всё ребяташки, мне достаточно. И пошёл спать. Уснул махом.

Утром встал, такое ощущение в теле, представляешь... Как бы описать? Как ногу отсидел. Знаешь такое состояние? Так вот, а я как будто полтела отсидел. Встаю, кружится, всё какое-то мутное, соображаю плохо, голова трещит, будто лопнет. Думаю, это как его? Ну, это... – он пощелкал пальцами, вспоминая слово, – плохо бывает после алкоголя...

– Похмелье?

– Похмельё, верно. И немота не проходит. Иду, а меня качает. К зеркалу подхожу, а у меня лицо перекошило, и слюна течет из губы. А я этого не чувствую! Занервничал, конечно, к ним пошёл. Ну как пошёл, побрёл еле-еле. Правая рука не поднимается, нога, как будто на ней полдня просидел, не отходит.

В комнату захожу, смотрю – Комар. Это мой товарищ, ты не знаешь. Сидит, похмеляется. Я хочу ему что-то сказать, а вместо этого непонятные звуки. Он переполошился. Девочка тут подбежала. Э-э-э... Мы с ней вечером общались, выпивали. Симпатия была, – он вообще понизил голос. – Я думал, что пойдем вместе спать. А видишь, как вышло? Она сразу меня уложила на диван, подушек накидала под голову, утром уже. Главное, шторы закрыла, потому, как свет глаза резал, думал, не переживу. Помню, один глаз сильно болел. Весь-

ма неприятно. Знаешь, как при температуре, только очень резко. И... э-э-э, эта, как её, и голова тоже. Я хотел таблетку попросить. Начал говорить, никто не понял, что мне нужно. Я тогда и догадался, что случилась беда.

– Испугались?

– Отнюдь, вовсе не испугался. Даже любопытно стало. Но ощущалось, как не в своей тарелке. Будто я на себя со стороны смотрю. Вроде бы понимаю, что я – это я, но в то же время наблюдаю себя, как другого человека. И вот внутренне мы постоянно с собой говорим, внутренний... э-э-э... внутренний диалог такой ведём – а тут он исчез! И кое-что из памяти пропало – прекрасно видишь предмет, пытаешься вспомнить, но никак! Не могу объяснить тебе. Всё неестественно, как будто грибов объелся? Ел когда-нибудь грибы? Эти, как их...

– Опята? Ел.

– Сам ты опята. Эти, ну... Ну?

– Грузди?

– Какие грузди? – чуть не сплюнул Аттал. – Несъедобные.

Поганки, но не эти, с красной крышкой.

– Шляпкой.

– Шляпкой. Не они, в общем.

– Красноголовики?

– Да ну тебя в пень дырявый! – ни с того ни с сего разнервничался Аттал. – Говорю, не они, не съедобные. От которых это, как его...

– Мухоморы?

– Да чтоб тебя! Не эти, говорю же не с красной шляпкой! Другие! Психические! Ну? Не понял?

– Галлюциногенные, что ли?

– Но! Догадался, наконец! Они! Ел их? Нет? Ну, тогда не поймешь. Состояние, как их наелся: звуки чересчур громкие, свет слепит, голоса людей неприятно слышать, и не всё понятно. Они говорят мне что-то, а я пока дослушал до конца – начало забыл. Но самое необычное, что я словно перестал думать. Чёрт, не могу объяснить! – раздражённым тоном продолжал Атал Иванович. – Как будто я... как тебе сказать? Э-э-э... Да чтоб тебя! Словно осознаю всё, что вижу. Осознаю, но не могу по полочкам разложить. Сейчас лучше, сейчас есть общее понимание – это друзья, это враги, это мои планы на будущее, а это воспоминания. А тогда все смешано: факты, люди – всё в кучу. Главное – мне было на это совершенно наплевать! Если бы я тогда понял, что умираю, то отнёсся бы спокойно. Вот как. Почему так, кстати?

– Понимаете, – подбирал слова Алекс, пытаюсь успокоить возбуждённого хозяина дома, – просто левое полушарие отвечает за логику, структуру, детали. И когда оно вышло из строя, то вы лишились внутреннего каталога, где хранятся многие понятийные вещи. По сути, из ваших действий исчезли логика и упорядоченность, поэтому вы как бы смотрели на мир в целом, но не могли описать его понятийно.

– Смотрел на всё в целом, да, – подтвердил Атал, сбавляя

тон. – Сейчас уже лучше, намного! Хотя тоже есть проблемы. Я тут попробовал прочесть письмо, что написала Луиза, – он заговорил доверительным шепотом. – Послушай, Саня, я буквы некоторые не узнаю. Вижу букву, знаю, что знаю её, но не узнаю, а?

– Ну, что могу сказать, Агтал Иванович? Небольшая алексия. Пройдет, не переживайте.

– Пройдет, не переживайте, – недовольно проворчал хозяин. – Скорей бы уж. Когда в голову ударило – тогда, у Морозини – я вообще. У него надпись на стене. Сто раз её видел. А тогда лежал, глядел и не мог прочесть. Какие-то черточки, значки, ничего не понятно. Страшно было, – вспоминал Агтал, противореча самому себе.

– Да уж, – как мог, поддержал разговор Алекс.

– Голова болела, болела. Как в... э-э-э... в колокол били. Хорошо, хоть та девочка шторы закрыла. Свет резал эти, как они, блять! Как они? Но! Глаза. Чуть не помер, ей богу! Главное, не мог мысли в кучу собрать. Никаких планов или там воспоминаний. Комар мне говорил, говорил, а я не понимал. Ничего не понимал, Саша, – глубоко вздохнул хозяин и замолчал. – И сейчас такое бывает. Но уже редко. Спасибо тебе, Сан Доктор.

– Да не за что, Агтал Иванович, всегда рад вам помочь, – учтиво и уважительно отозвался Алекс. – А что дальше было, помните?

– Что дальше было? Помню. Хуже стало. Когда в... Э-

э-э... В мобиле ехали. Отключаться стал. Они что-то говорили. А я ни черта не соображал. Только видел на их лице эти... как их? Когда ощущают.

– Чувства?

– Да. Нет. Почти. Эти, как их...

– Эмоции?

– Да, эмоции. По лицам понимал, о чём они говорят. Или что думают. Но слов уже не разбирал. Комару спасибо. Очень заботился обо мне. Он как приедет, отблагодарю его.

– Откуда приедет? – сглотнул слюну Алекс.

– Он отдыхать поехал. Скоро должен вернуться, – отмахнулся хозяин дома. – Не заморачивайся, ты его не знаешь. Э-э-э... Так вот. В больнице я вообще отключился. Только дома очнулся. И стал приходить в себя уже тут. Это ты знаешь. Первое время было тяжело. Помню, ты говорил, Луиза говорила, Валерка. Но ничего не понимал. Звуки, звуки, а смысла нет. Сейчас лучше. Намного. Почти здоровым себя ощущаю. Хожу даже, хоть и хромаю. Свет уже не это... как его?

– Не мешает?

– Нет. Другое слово хотел. Но ты тоже правильно сказал. Не так мешает, как раньше. Ещё очки вот темные нацепил, чтобы полегче. А вот запахи беспокоят. Особенно в доме. Э-э-э... Мне кажется, что даже пыль воняет. На улице хорошо. Тоже пахнет всем. Но приятно. Знаешь, что мне тогда помогало? Нет? Сон. Каждый раз просыпался и лучше. Пря-

мо лучше, почему так? Хотя, давай сам догадаюсь. Этот, как его? Ну как он? Ну? Блин, ты же доктор по ним... по мозгам – вот! Я правильно понял, что во сне мозг отдыхает и пере-страивает там всё внутри. Да? Так?

– Ну да, в целом вы правильно поняли. Вы в первую неде-лю спали процентов девяносто времени. Сейчас всё меньше и меньше. Сон действительно идёт на пользу, помогая ско-рее восстанавливаться.

– Хорошо, – вздохнул Агтал. – Вроде разобрался теперь, что у меня в голове происходит.

– А что-то мучает сейчас? – с профессиональным любо-пытством поинтересовался Алекс. – Может быть, испытыва-ете дискомфорт при выполнении каких-то задач?

– Испытываю, Саша, испытываю. Сосредоточиться тяже-ло. Э-э-э... Мысли разбегаются. И ещё чувствую, что нерв-ным стал. Раньше такого не было. А сейчас раздражаюсь по каждой мелочи. Словно на взводе.

– Ну, судя по всему, у вас неплохо получается себя кон-тролировать, – похвалил собеседника Саша. – Да и в целом, вот сейчас мы с вами разговариваем, а я почти не чувствую пробелов в нашем диалоге. Речь у вас правильная, понятная. Вроде всё хорошо, на мой взгляд. Но с эмоциями – да, луч-ше научиться контролировать, потому что часто использу-емые нейронные сети имеют привычку закрепляться, стано-ваясь привычкой. Однако, вы большой молодец, идёте на по-правку, опережая график.

– Ты думаешь?

– Да, я уверен.

Аттал даже откинулся назад и чуть улыбнулся. Видно, одобрение другого человека, да ещё и доктора, положительно повлияло на него.

– Хорошо, – ещё раз вздохнул он, на этот раз с облегчением. – Я рад, что поправляюсь. Скажи только, зачем мне надевают на здоровую руку... Э-э-э... Эту, как его?

– Повязку?

– Да, повязку. Весьма раздражает. Со здоровой-то может убрать уже, а?

– Аттал Иванович, ну, смотрите, какая вещь. Представьте, что вы хотите научиться играть в баскетбол. Но тренируетесь, играя в футбол. Через месяц изменятся ли ваши показатели в баскетболе?

– Нет, конечно. Что за вопрос?

– Вот. Так и сейчас. Ваша здоровая рука – это футбол. А больная – баскетбол. Поэтому на здоровой руке повязка, чтобы вы её не использовали. Сейчас вы учитесь пользоваться больной, и тогда скоро она тоже станет здоровой. Мозг – это структура, которая очень экономно подходит к использованию ресурсов. Если чем-то вы не пользуетесь, значит мозг считает, что это не нужно, и вы теряете навык. Поэтому сейчас мы принудительно заставляем ваш мозг обучаться по новой. Кстати, это уже дает хорошие результаты. Вы чувствуете?

– Да. Чувствую, – согласно покивал головой Аттал. – Могу уже ложку держать.

– Это ещё начало! – продолжил Доктор. – Скоро у вас начнется интенсив, когда вы будете больной рукой делать максимум специальных упражнений на время. Сейчас мы вас только к этому процессу подготавливаем. Потом начнется очень важный усиленный курс реабилитации, после которого вы очень быстро вернете себе здоровую руку. Практически без последствий. Даже пуговицу застегнуть сможете.

– Даже пуговицу застегнуть смогу, – невесело повторил Аттал. – Охренеть, как круто!

– Аттал Иванович, а на следующей неделе у вас начнутся новые тренировки, связанные с улучшением речи. Языковые игры, тесты. Несколько специалистов будут приезжать и по очереди с вами заниматься. Целыми днями, на протяжении примерно двух-трех недель. Придется много говорить, писать, читать и даже рисовать. Чем активней ваш мозг будет работать, тем быстрее он восстановится. Обязательно включим программу по самоконтролю. Клинические испытания показали, что во время интенсива многие отрицательные симптомы инсульта проходят очень быстро – бывает, что за несколько дней. Так что скоро будете разговаривать, как раньше.

– Детский сад, ей-богу, – покачал головой хозяин, но было заметно, что он доволен и тем, что ему помогают, и, самое главное, что у него получается быстро выздоравливать. – Че-

го тебе? Не видишь, мы разговариваем?

Алекс обернулся и увидел, что к ним с глупым и подобострастным выражением лица приближается один из Жуйченко.

– Аттал Иванович, извините. Там ребята приехали. Мирон, Сэм и Нипель. – Проводить к вам или сказать, чтобы подождали?

– Непременно! Пусть идут сюда, мои ребятушки, – вдруг во весь рот заулыбался Аттал, становясь похожим на добродушного собаководы, соскучившегося по выводку любимых щенков. – Ахейская бригада приехала!

*

– Привет, парни, – добродушно рассмеялся Аттал и неуклюже привстал, встречая Сэма, Мирона и Нипеля.

– Аттал Иваныч, что с тобой? – загудел человек-скала Сэм, по всей видимости, не вылезавший из открытых спортзалов Фракийского Берега и ставший за месяц как будто ещё мускулистей.

– Прихворнул малость! – ответил хозяин, по очереди приобняв их здоровой рукой и плюхнувшись обратно в кресло. Он кивнул в сторону: – Доктор вон говорит – скоро на поправку пойду. Да, Сан?

– Да, Аттал Иванович, – заулыбался Саша Доктор и встал навстречу парням, протянув руку: – Рад вас видеть, пацаны.

А они, как всегда бывает после долгой отлучки, кинулись к нему обниматься, будто знали друг друга всю жизнь.

– А вы что, знакомы? – вопросительно просипел Аттал и озадаченно поиграл бровями.

– Конечно, Иваныч, – не полез в карман за словом Нипель и хохотнул. – Семь лет по тюрьмам да по лагерям, вместе на нарах чалились, зону топтали.

– Ты, топтун! – хрипнул Аттал и нахмурился. – Балабол ты, вот кто! Э-э-э... а где Витя?

– Какой Витя? – не понял Мирон и с вопросом повернулся к Нипелю, который посмотрел на Сэма, а тот удивленно пожал плечами.

– Витя Комар. Какой ещё-то? – раздраженно бросил хозяин.

– А мы-то откуда знаем, Аттал? – развел руками Мирон. – Мы же вот, только что с Берега приехали. Бабы разъехались по домам с барахлом, Лёха Молодой тоже к себе погнал, а мы сразу к вам.

– А Витя, что, не с вами был? – начал закипать Аттал.

– Нет, хозяин, – вдруг раздался спокойный голос, и из дома появился Валера с беретом в мнущих его руках. – Витя с ними не ездил.

– Как это не ездил, Валера? – повернулся к нему Аттал, заметно нервничая. – Ты же мне сам сказал, что... э-э-э... что он с ними поехал отдыхать!

– Я не мог сказать другого.

– Не мог сказать другого? Ты чё несешь, Валерка? Вы тут все вокруг ебанулись, что ли? – вдруг в бешенстве заорал Аттал, попытался вскочить со своего плетеного кресла, но чуть не завалился набок, еле успев ухватиться за подлокотник. – Эй, люди, в рот вас всех наоборот! Это я, все тот же Аттал! Живой и почти... э-э-э... здоровый! Что тут творится, блять? А? Я вас спрашиваю?

– Видите ли. Это я во всем виноват, Аттал Иванович, – вдруг подал голос Саня, понурился и пытаюсь успокоить внезапно взбеленившегося хозяина дома.

– Доктор?! Вот от тебя я такого вообще не ожидал, спасибо тебе на карман, – поднял руку к голове Аттал и замолчал. Потом ответил уже немного остывшим голосом. – В чём виноват?

– Видите ли, – повторил Сан Доктор. – В течение месяца и даже больше, с момента, когда начали ставить уколы от инсульта и нейростимуляторы, никакого волнения больному испытывать нельзя. Это чревато негативными последствиями вплоть до изменения характера, проблем с психическим состоянием и так далее. Поэтому мы и сказали... – он помолчал, – что Витя уехал. Солгали по медицинским соображениям. Просто вам категорически нельзя нервничать!

– Ладно. Хорошо. – Аттал выдохнул, пытаюсь успокоиться. – Хорошо. Нельзя, я понимаю. Но где, блять, тогда Витя? – Аттал гневно посмотрел на Доктора, а тот перевел взгляд на Берета.

Валера сглотнул и сказал:

– Вити нет.

– Валера, что, блять, значит, Вити – нет? – опять повысил голос Аттал.

– Витю убили.

– Как убили? – воскликнул Мирон. Сэм прижал ладонь ко рту, Нипель вытаращил глаза, а застывший Аттал смог лишь произнести: – Кто убил?

– Его убил... его убил телохранитель Вуйчиков, – не смея поднять глаза на босса, ответил Валера, облизнув пересохшие губы.

– Телохранитель? Серый, что ли? – недоверчиво прищурился Аттал. – Витю убил Серый? Это... это что тогда Комар должен был сделать, чтобы его шлёпнул Серый?!

– Витя... – Валера облизнул губы. – В общем, Витя грохнул Каспера Вуйчика. Из пистолета.

– Витя! Грохнул! Каспера! Вуйчика! – присел Нипель и вытаращил zenки. – Охуеть!

Аттал поднялся, глубоко задышал, оперся рукой на подлокотник и сел обратно в кресло, шумно выдыхая.

– Так. Так, так. Ни хера себе вы меня новостями кормите, ребятки! – было заметно, что новость выбила его из колеи. – Э-э-э... это когда-нибудь, конечно, могло. Но ведь не так. Не так, не так. А что Симон? Он ответил?

– Да... – Валера сглотнул. – Симон убил Антоху. Битой. И чуть не убил меня.

– Ёп твою душу медь, – выдохнул Мирон, перескакивая взглядом. Сэм опять прикрыл рот рукой, Нипель обхватил голову руками, Аттал глубоко и протяжно простонал. Слышно было, как где-то в кустах стрекочет кузнечик, и шумят в лесу деревья. Наверное, в этот миг каждый прощался с убиенными товарищами, вспоминая последнюю встречу и пронося про себя слова, которые нельзя выразить вслух, или думал, что будет дальше, а может, в голове у них царил мысленный вакуум, кто знает?

– И это ... Симон больше никому не предъявит, потому что... – Валера облизнул губы. – Симона тоже вальнули.

– И Симона шлёпнули? – округлил глаза Мирон, словно очнувшись. – Поебистика какая-то! Но ведь он... Симон ведь неубиваемый! Его-то как смогли?

– Зарезали. Ножом.

– Симона замочили ножом? – не поверил здоровяк Сэм. – Да ну, нах! Блин, он же бычара такой, с ним даже я не справлюсь. Не, не, не! Не может быть, чтоб его убили.

– Не умирает только тот, кто не родился, – строго ответил Аттал, уставившись в пустоту, а затем резко вскинул взгляд на Валеру. – А меня интересует другое – кто ж это сподобился выщелкнуть Симона Вучика? Не ты ли?

Берет отрицательно покрутил головой, выдержал паузу и скосил глаза в сторону Алекса:

– Вон, это Доктор его размотал.

– Доктор! Убил! Симона! Вуйчика! – ещё раз присел, об-

хватив голову Нипель, и куда-то пошёл на согнутых ногах, как на шарнирах. – Ебануться, девки гнутся!

Снова воцарилась тишина. Алекс почувствовал, как краснеет под взглядами всех присутствующих, и смог лишь развести руками да кивнуть.

– Охренеть, ребятки, охренеть. Э-э-э... Еще что-то мне нужно знать? – безжизненным голосом произнес Аттал, глядя в пол.

– Да, хозяин. Ещё... Колян Кашей и Тяпа пропали... – тихим голосом произнёс Берет.

Аттал глубоко вздохнул, поднес руку к глазам и так просидел несколько минут недвижимый. Его руки заметно тряслись. Наконец он медленно произнес, поперхнувшись:

– Что значит, пропали?

– После бойни они исчезли. Вы как тогда Коляна выгнали, они с Тяпой в доме не появлялись, но по работе исправно ездили, мы виделись регулярно, а потом вдруг потерялись сразу. Я сначала думал, что опять в деревню уехали и квасят там, у них же такое бывало. Проверил всё и вся, но до сих пор ни слуху, ни духу. Они ведь ещё на нашем рабочем мобиле укатали, я пробил по базе – нигде у нас мобила не всплывала, ни на розетке, ни в сети. Нигде не появлялись, никто их не видел. Коннект молчит. Мобиль не фиксируется. Пропали куда-то парни, хозяин, – Берет сказал последние слова чуть не шёпотом, опустив плечи.

Уже в который раз хозяин замолк. На этот раз надолго.

Никто даже не шевелился, кроме Нипеля, который достал из пачки сигарету и прикурил, несмотря на существующий запрет Аттала.

– Вот это мы отдохнули! – наконец со стеклянными глазами вымолвил Мирон.

– Вот это я приболел! – наконец слабым голосом вымолвил Аттал Иванович и с трудом поднялся. – Ладно, Валера, ребята, погнались... э-э-э... в кабинет. Всё расскажешь по порядку. Доктор, а ты иди, – начал было он, но увидев вытягивающееся лицо, махнул рукой, – ладно, заходи тоже. Берет за тебя подписался, так что можно.

Пропустив всех вперед себя, Аттал обернулся, глубоко вздохнул и обреченно поглядел в небо, по которому поползли тучи.

*

Уже через полчаса, выслушав лаконичный рассказ Валеры, в котором тот упустил истинную причину побоища и историю с двумя чемоданами, Аттал Иванович отдавал первые приказы:

– Так, Мирон, ты поедешь к этой, как её, к Марго. Расскажешь, что Антохи не стало, убили вместе с Комаром. Как-то так преподнеси, что он не один умер, а защищая Витю, который тоже героически погиб от этой, как его, – пощёлкал он пальцами и вспомнил, – от вражеской пули. В общем, так,

чтобы ей полегче было. Скажешь, что за них уже отомстили, что погиб не зря. Э-э-э... Это ей тоже поможет. Потом решим, как с ней быть, с деньгами и вообще. Только...

Аттал пристально поглядел на Мирона и сморщил лицо:

– Только в трусы ей, блять, не лазь, чтобы утешить!

– Аттал Иванович, какие разговоры...

– Какие разговоры... Ты мне...э-э-э... зубы то не заговаривай, знаю я всё за тебя! И за Нипеля тоже! А ведь так нельзя, сколько я раз говорил?! Всем вам говорил! – голос хозяина дома дрожал от ожесточения. Аттал кинул грозный взгляд на Мирона. – Слаба у Антохи баба на передок, так ведь это не этот...э-э-э... не повод! Все, кому не лень Маргушку отжарили – и вдвоём, и как кому нравится! Это разве по понятиям – жену друга жарить? А сейчас так вообще! Это ты не с бабой повалеешься на диване! Это ты отношение к покойному, как это, к покойному другу таким образом выразишь. Смысл в том, что ты как бы скажешь всем нам, что тебе наплевать на своего погибшего... э-э-э... товарища!

– Да Аттал Иваныч, да вы чего?! Я что, не понимаю будто...

– Иваныч, ты чего на человека напал? Всё он понимает! – встал на защиту друга Нипель.

– Да чё он понимает? Ты сам-то чё понимаешь?! – уже откровенно разорался Аттал, переключаясь на другую цель. – Ты сторчался уже, Юрка, погляди на себя! Как слуга народов, ей богу – жарить всё, что шевелится, башкой не дума-

ешь! Я тебя выгоню к чертовой матери, чтоб тебя осёл копытом! Я об этом уже не раз говорил – ты дождёшься! Парни приехали загорелые, а ты белый, как ... э-э-э... блять, как её? Как поганка, в рот тебя наоборот! По ночам поди свистел* (употреблял наркотики, алкоголь и до утра танцевал на дискотеках), днём отсыпался, так? Ты... – он заметил, что Доктор внимательно слушает и тут же примолк. – Ладно, проехали, потом поговорим.

И принялся дальше отдавать приказания.

– Сэм с Мироном, сначала заедете к Лёхе Молодому и его спортсменам, пусть летят сюда. Потом и погоните на эту, как её, в центре которая...

– На Агору? – подсказал Мирон.

– Но! Конечно на Агору, куда ещё?! Там зайдёшь в гости и к нашим. И в герусию, и к архонту. Как бы после отпуска желая со всеми встретиться-обняться. Скажешь, что у нас все отлично. Всем всё ясно?

Сэм молча кивнул.

– Витя умер, бар сгорел, куча трупов, – подал голос Мирон. – С этим как быть? Спросят же.

– Да, Витя умер. И Антоха, – тяжело вздохнул Аттал, задумываясь. – И это тоже нужно как-то подать. Непременно! Что-то верное, с точки зрения... ну, вы поняли. У кого какие идеи? А?

Все молчали, делая задумчивый вид.

– Лес рук, я погляжу, спасибо вам всем на карман, – недо-

вольно пробурчал хозяин дома. – Я тоже ума не приложу. Каша в голове. Давайте кумекать, ребятки, иначе мы попадём под такой, как его, под такой каток... Да, кстати, Валерка, – повернулся к нему Аттал, – ещё раз проверь насчёт Кашея и Тяпы. Пробей по всем хатам, где они могут быть, по бабам, притонам, борделям, этим, как их... э-э-э... пансионам благородных девиц – везде! Если они на мобиле были, то должен он хоть где-то проявиться? Пусть парни Морозини у себя пробьют, вдруг он в эту... э-э-э... в Аквилею укатил? Пусть все розетки проверят, где-то же мобиль должен подзаряжаться? Если с Колькой что-то случится, то всё произошедшее в баре покажется детской ... э-э-э... детской сказкой. – Он покачал головой. – Славка Орлан мне, да и всем вам, этого не простит, вне всяких сомнений. Да что там, я сам никогда себе не прощу! Все всё поняли?

Валера утвердительно кивнул головой:

– Понял, Аттал Иванович, проверю всё, что можно.

– Проверь всё, что можно. Хорошо. – Устало прикрыл глаза Аттал и снова поднял их на окружающих. – Так. Вернёмся. У кого какие идеи родились? Как из этого, как его, из этого дерьма выбраться? Думайте, ребяташки, думайте. Нам нужна причина. Люди будут задавать вопросы, э-э-э... почему Аттал убил Вуйчиков? Кто прав, а кто виноват? Что нам ответить?

Комнату сразу наполнило молчание, прерываемое лишь порывами ветра за стеной и поскрипыванием стула.

– А можно мне сказать? – вдруг осторожно произнёс Саша, взявшись за край стола.

– Валяй, – кивнул Аттал, устало прикрыв глаза.

– Я могу ошибаться, но, я думаю, что можно так сказать: мол, не захотели братья Вуйчики отдавать оставшиеся рубли за бар, вот Витя их вызвал к себе...

– Вызвал к себе! – фыркнул Нипель. – Ну, ты загнул.

– Или выманил к себе, это не важно, – махнул рукой Саша. – Главное, на встрече Вуйчики окончательно отказались отдать деньги, выхватили стволы, а Витя с Антохой в ответ разбили их наголову, хоть и ценой собственной жизни. А это не так-то было и просто – завалить братьев! Ведь все это знают! Причём, Аттал Иванович, всё это произошло ровно в то время, когда две трети бригады не было в полисе, так ведь? То есть вы остались в полисе малыми силами, но всё же победили! Все аргументы на вашей стороне, верно?

– Так. И что? Продолжай, – кивнул Аттал, открыв веки.

– Вообще, можно сказать, что вы... отбили нападение соседнего полиса, – развивал идею Доктор.

– Какое ещё нападение соседнего полиса? – недоверчиво вытянулся Аттал, а Валера Берет очень и очень напрягся. Разговор коснулся такой темы и в такой обстановке, что ему даже думать об этом не хотелось. В эти секунды он чувствовал, что балансирует на краю ямы, в которой можно вполне оказаться погребённым заживо.

– Как какое нападение? – увеличил градус напряжённо-

сти Доктор. – Давайте абстрагируемся. Они заявили к вам в полис, так? Они хотели кинуть вашего помощника, верно? И приехали с оружием. Так поступают только враги. А, может быть, Вуйчики приехали вовсе не для того, чтобы забрать бар, а чтобы захватить весь полис, пока его хозяин в отключке? Но ваши люди отбили атаку, уничтожили верхушку враждебного полиса, а сейчас вы собрали силы и готовы преподать урок любому другому наглецу. Ведь война в нашем обществе – легальна, а стычки – нет. Вот. И ещё надо сказать, что вы в полном порядке, ходите на рыбалку и охотитесь на крупную дичь. И непременно на вашем столе каждый день свежее мясо. Так и нужно подать, мне кажется. Или я ошибаюсь?

Мирон внимательно поглядел на Сашу и прищурился, словно увидел впервые. Валера Берет мало что соображал, для него детали разговора пронеслись в тумане страха, и сейчас он просто понемногу отходил. Сэм морщил лоб, плохо понимая полученную информацию. Юра Нипель в голове строил воздушные замки на песке. Аттал Иванович недовольно поглядел на Доктора и с желчью в голосе проворчал:

– Херню ты какую-то придумал, Сан. Не знаешь, так не трепли говорилкой! Как, блять, братья могли на меня напасть, если они мои... э-э-э... друзья? Знаешь, что чаще всего приводит к ошибкам?

– Н-н-нет, – неуверенно ответил Доктор, слегка ошарашенный от появления новых слов в лексиконе хозяина дома

и настолько неуважительного отношения к себе.

– Чаще всего к ошибкам приводит недостаток этой, как её, информации. Один человек узнает несколько фактов, на их основе делает вывод. А другой – знает больше, и это приведёт его к совершенно иному... э-э-э... как это слово называется?

– Выводу?

– Умозаключению, – заострил Аттал. – Из-за такого и происходят, в основном, конфликты, кстати. Есть такая притча о том, как поспорили друг с другом – конфуцианец и буддист, чьё учение вернее. День спорят, два, три. Наконец, выясняется, что конфуцианец ни разу в жизни не читал... э-э-э... буддистских книг, а буддист – конфуцианских. Вот и получается, что они три дня спорили о том, чего не знают – так и у тебя. Ты делаешь вывод, не зная, что братья были моими... э-э-э... друзьями, и именно я привёл Вуйчиков в полисы. Понял? Это именно я повлиял на то, чтобы они стали боссами Ганзы – это моё решение было! Мы с ними, как это говорится? Долбаная башка, ничего уже не соображает! – Аттал снова начал психовать и щёлкать пальцами. – Мы с ними пуд соли вместе съели. Вон Валерка не даст соврать. Поэтому, когда ты говоришь, что они могли приехать в полис, чтобы с помощью оружия... это, как его... захватить Ахею – ты говоришь о том, чего не знаешь. Этого просто не может быть, потому что быть не может.

Аттал замолчал, недовольно откинувшись на кресло. Тут

взял слово Мирон:

– Аттал Иванович, вы правы, конечно, но и рациональное зерно в предложении Доктора есть. Думаю, что нужно сказать как есть, но немного приукрасить: что братья поссорились с Витей Комаром из-за бара, Каспер не спешил отдавать ему деньги за «Туман», а Витя к нему в последнее время относился очень плохо – и все это знали. На этом фоне вспыхнула неприязнь, переросшая в смертоубийство. Все её участники мертвы, то есть виноватых искать не нужно. Никакой политики – сплошная бытовуха.

– Сплошная бытовуха, – согласно покивал Аттал. – А почему я не появляюсь?

– Потому что скорбите о друзьях: о Вите и об Антохе. Из-за траура не появляетесь на публике. Доктор прав. Отходите от смерти друзей, охотитесь на крупную дичь, и – как ты сказал, Саня – на вашем столе непременно свежее мясо. По моему, норм.

Аттал Иванович долго тёр подбородок. Наконец посмотрел на Мирона, затем на Доктора и кивнул.

**

Всё прошло, как по маслу. Тем более что Луиза, которая была ещё и личным секретарем Аттала, собственноручно написала доброжелательное письмо архонту, что являлось теперь большой редкостью и ценилось, как признак искренне-

го уважения. Аттал подписал. Мирон поехал улыбаться и балагурить на Агору – деловой, административный, торговый и развлекательный центр полиса, встречаться с демократически выборным руководителем – архонтом и геронтами – членами законодательно органа – герусии. У людей Аттала везде был свободный вход, поскольку ему принадлежало почти треть всей жилой и торговой недвижимости полиса.

Помимо авторитета, хозяин полиса обладал невероятно мощным бюджетом, часть которого тратилась на защиту и нападение. Защитой руководил Валера Берет, отставной вояка, участник локальных военных конфликтов, краповый берет, если это кому-то о чём-то говорит. Атталу он нравился за то, что никогда не задавал лишних вопросов, всегда выполняя свою работу без сучка и задоринки. В жутких переделках бывал верный Берет, умудряясь выходить сухим из воды, разя врагов налево и направо, голыми руками и холодным оружием, не щадя ничего и никого, отчего биография его покрылась сгустками кроваво-красных пятен. Но Аттал знал, что, как только тот выйдет из-под защиты хозяина Ахеи, то вряд ли сможет отбиться от желающих перерезать ему глотку и закопать поглубже в сыру землю. Вот поэтому Аттал и доверял Валере самое ценное – сохранность своей жизни и собственности от любой угрозы извне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.